

ГОДЪ

ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

ПРИ

1871.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма во время осады Измаила, 1790 года, отъ *графа Г. Н. Чернышева* къ князю С. О. Голицыну.
2. Письма *Н. Н. Дмитріева* къ В. А. Жуковскому.
3. Письма *Сперанскаго* изъ Пензы и изъ Сибири къ А. А. Столыпину, съ послѣсловіемъ *Д. А. Столыпина*.
4. Свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ умершихъ въ 1869 году (изъ Справочнаго Словаря *Г. Н. Гешади*).
5. Записки *Н. В. Берга* о послѣднемъ Польскомъ мятежѣ: Адресъ. Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ. Похороны пяти жертвъ. Занятіе делегатовъ. Комиссія о выстрѣлахъ. Маркизъ Велепольскій. Упрямство Делегации.

МОСКВА.

Типографія Ф. Ягансонъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ „ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.“

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

Екатерина Вторая. Новые свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея прѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. П. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ Павломъ Вяземскимъ.

Дидро и его отношенія къ Екатерине II-й, статья М. Ф. Штурова.

Изъ записокъ графа Е. Ф. Комаровскаго (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ“. Записка Малороссійнина о востествіи на престолѣ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ востествію на престолѣ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дюверна* къ Е. И. Шварцбург-Рудовской (Сообщены М. А. Оболенскимъ).

Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Жизніе Θεодора Васильевича Ушакова, съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья А. И. Радичева, съ послѣдовіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію. *Дюка де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника К. А. Кустодіева.

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья М. Д. Хмырова.

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мицкiewича*.

Семейство Разумовскихъ.—I. Графы Алексѣй и Кирилль Григорьевичи. Статья А. А. Василькова, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка“.

ПИСЬМА ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ИЗМАИЛА 1790 ГОДА.

ОТЪ ГРАФА Г. И. ЧЕРНЫШЕВА КЪ КНЯЗЮ С. В. ГОЛИЦЫНУ. *)

I.

Среда, 20 Ноября 1790.

Желаю здравствовать, любезный братецъ, такъ какъ вамъ безъ сомнѣнія приходилось хоть разъ чихнуть съ той поры, какъ я васъ видѣлъ. У меня такъ много вамъ рассказывать, что не знаю, съ чего мнѣ начать. По прибытіи въ лагерь, я весьма удивился, не найдя его; мнѣ сказали, что онъ передвинутъ ближе къ Измаилу, такъ что я долженъ былъ продолжать путь мой и достигъ лагеря въ 3-ти верстахъ отъ города. Увидавъ задніе ряды нашей колонны, я сѣлъ на лошадь и, отыскавъ Лачинова и Талызина, отправился вмѣстѣ съ ними розыскивать Потемкина, который находился впереди и былъ верхомъ (въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ начальствуетъ отрядомъ). Васъ встрѣтило пущенное изъ города ядро: оно упало шагахъ въ 10 отъ насъ. За тѣмъ мы однако нашли Потемкина, который очень вѣжливо принялъ меня и спрашивалъ о васъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій мы отправились назадъ къ отряду и расположились на разстояніи немного дальше пушечнаго выстрѣла. Всю ночь

Турки не переставали кричать и стрѣлять изъ пушекъ. Никакъ не ожидалъ я встрѣтить здѣсь генерала Львова ¹⁾. Онъ пріѣхалъ сюда съ Бендерскою почтою на нѣсколько дней; съ нимъ рѣшительно ничего нѣтъ, и онъ принялъ команду надъ четырьмя батальонами стрѣлковъ, коихъ онъ начальникъ. — Что касается до Измаила, то князь ²⁾ приказалъ его обстрѣливать и бросать въ него зажигательныя бомбы, чтобы испытать, не сдастся ли онъ; но больше ничего не предпринимаютъ, такъ что я думаю (и не я одинъ, а всѣ) что войско наше ничего здѣсь не сдѣлаетъ, какъ въ прошломъ году князь Ренингъ, и напоследокъ мы отступимъ: ибо князь положительно запретилъ предпринимать осаду, по причинѣ поздняго времени года. Между тѣмъ нынѣшнюю ночь прибыла флотилія. Завтра напишу вамъ, что изъ этого выйдетъ.... Кромѣ общественныхъ баловъ, бывающихъ еженедѣльно по два или по три раза, у князя

1) Сергѣя Лаврентьевича, о которомъ повѣсть и любопытныя подробности находятся въ недавно изданныхъ (выолѣ) Запискахъ А. С. Шипкова.
2) Потемкинъ.

*) Письма эти получены нами изъ семейнаго архива князей Голицыныхъ при обязательномъ посредствѣ М. П. Лонгинова. — Гр. Григорій Ивановичъ Чернышевъ (родной дѣдъ владѣльца Чертковой библіотекы Г. А. Черткова) приходился двоюроднымъ братомъ славному генералу князю Сергію Федоровичу Голицыну, чьего мать была гр. Анна Григорьевна Чернышева, сестра столь извѣстныхъ въ 18 столѣтіи троихъ братьевъ графовъ Чернышевыхъ Петра, Захира и Ивана. Подлинники писаны по французски.

каждый день собирается немногочисленное общество, въ двухъ маленькихъ комнатахъ, великолѣпно убранныхъ: въ нихъ красуется всензель той дамы, въ которую князь влюбленъ. Тамъ бывають одни приглашенные; даже адъютанты и приближенные князя въ это время не могутъ засѣдать въ приемной: до такой степени важно это святилище. Впрочемъ, Богъ знаетъ чѣмъ все это кончится, ибо ждутъ Браницкую, и уже посланъ офицеръ встрѣчать ее. Г-жа Л. должна немедленно пріѣхать и везетъ съ собою молоденькую дѣвушку, лѣтъ 13 или 16, прелестную какъ амуръ. Говорятъ, что это П., но не знаю которая; не П. ли это, жившая при Дворѣ вмѣстѣ съ М? Какъ бы то не было, князю готовятъ жертву, которую добылъ генералъ Львовъ. Онъ въ большой милости. Но ужъ довольно новостей на этотъ разъ. Буду продолжать завтра. Теперь смерть спать хочется, иду въ постель. Добрый всеръ, любезный братецъ, целую ваши ручки.

II.

Четвергъ. 1790. Ноября 21.

Флотилія, приблизившись на разсвѣтъ къ городу, открыла канонаду въ одно и тоже время, какъ и батарея, построенная *Рибасомъ* на одномъ изъ острововъ. Рибасъ сперва посылалъ къ Пашѣ узнать, не согласится ли онъ на сдачу; но получилъ въ отвѣтъ, что *Паша не видитъ, что бы ему бояться*. Ядра и бомбы съ обѣихъ сторонъ бросались слишкомъ пять часовъ сряду съ неслыханнымъ ожесточеніемъ, почти безъ всякаго вреда для города, но къ несчастію со вредомъ для флотиліи: хотя мы у нихъ и сожгли три

судна, но и сами лишились столько же, а именно одинъ корабль взорванъ, при чемъ на немъ уцѣлѣло только 4 человекъ, 2 пробиты; при томъ многіе изъ остальныхъ кораблей повреждены, потому что вся флотилія держалась на разстояніи картечнаго выстрѣла. Но всего страшнѣе и печальнѣе, что на этихъ двухъ пробитыхъ корабляхъ оставалось 13 гренадеровъ, которые тѣсно просили, чтобъ ихъ перевезли на другіе суда и наконецъ были плѣнены 3-мя Турками, которые подѣхали на небольшой шлюбкѣ и увезли гренадеровъ въ виду всей флотиліи, ставшей вѣдѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Однимъ словомъ, милый братъ, начало кампаніи очень неудачно; себѣ пріуныли, никто не знаетъ, что дѣлать, и Турки торжествуютъ.

Здѣсь подъ ружьемъ одинъ только *Потемкинъ*³⁾ съ своею арміею, въ которой не болѣе 4,000 человекъ; *Кутузовъ* въ 12 или 14 верстахъ отсюда и не имѣетъ приказа присоединиться къ намъ; *Арсеньевъ* также остается празднымъ; между тѣмъ гарнизонъ крѣпости, какъ меня увѣрялъ Потемкинъ, превышаетъ 20 тысячъ, а другіе говорятъ, что онъ простирается до 40 тысячъ. Мы постоянно на сторожѣ, на случай вылазки, и на ночь не раздѣваемся; но къ несчастію нашъ лагерь помѣщенъ такъ плохо, что въ случаѣ вылазки мы можемъ погибнуть. Представьте, что отъ нашего праваго фланга до самаго Дуная, почти на цѣлую версту, идутъ камыши, ничѣмъ не защищаемые; такимъ образомъ какія нибудь дѣйствія сотни Ту-

³⁾ Павелъ Сергѣевичъ, не князь.

рокъ могутъ насъ отрѣзать и напасть съиди, какъ имъ угодно, тѣмъ болѣе, что каждый корпусъ здѣсь расположенъ баталіонами въ каре и такъ близко одинъ отъ другаго, что въ случаѣ тревоги мы будемъ выстрѣлами убивать другъ друга. Потемкинъ не знаетъ, что дѣлать; сейчасъ онъ послалъ курьера извѣстить князя, что все идетъ дурно и просить его приказаній. Думаютъ, что *Самойловъ* и *Кутузовъ* присоединятся къ намъ, и дѣло кончится приступомъ, потому что иначе мы конечно никогда не возьмемъ Измаила.

Кстати, я забылъ вамъ сказать: знаменитый полученный вами *циркулярный приказъ* о дѣятельномъ продолженіи войны вышелъ наканунѣ дня, въ которой князь Долгорукій (Василій) просилъ отставки.

Здѣсь во всемъ крайній недостатокъ. Представьте, что мой небольшой дорожный запасъ провизіи служилъ обѣдомъ Львову и всѣмъ офицерамъ изъ баталіона Лачинова, у котораго я живу, и который просить васъ прислать мнѣ въ особенности дичи, анисовой водки и хлѣба, чтобъ я могъ подѣлиться съ нимъ: вы меня этимъ очень и очень обяжете. Но пожалуйста поскорѣе, такъ какъ я рѣшительно умираю съ голоду. Я не только не обѣдалъ у Потемкина, но даже почти что не видалъ, ибо онъ никого не принимаетъ, и сегодня, послѣ отступленія, когда я вошелъ къ нему, всѣ были удивлены моею дерзостію. Мамъ уѣхала сегодня утромъ въ прежній лагерь, и я ее видѣлъ вчера только одну минуту.

Львовъ поручилъ мнѣ кланяться

вамъ и благодарить за какого-то адъютанта, но кого именно, я забылъ. Онъ привезъ съ собою *Чаплица* и *Томатиса* въ качествѣ волонтеровъ; отъ послѣдняго-то я и узналъ всѣ Бендерскія новости.

Флотилія наполнена иностранными волонтерами; тутъ герцогъ *де Фронсакъ*, *Буамильонъ*, *Дамасъ*. Князь *Шарль де Линь* также здѣсь и еще много другихъ. Завтра я самъ поѣду на флотилію.

Я забылъ вамъ рассказать слѣдующій случай. Отправившись сегодня утромъ на рекогносцировку города, мы подошли къ нему такъ близко, что не только могли различать въ немъ людей, но даже были приняты нашими за Турокъ: въ насъ пустили съ флотиліи два ядра, изъ которыхъ одно подпрыгнуло къ самой моей лошади и упало между мной и бригадиромъ *Вестфаленомъ*, который былъ съ нами. Вы можете сообразить, что мы оттуда возвращались во весь галопъ.

Принцъ Гессенскій также здѣсь; онъ меня спрашивалъ, получилъ ли я письмо, посланное имъ ко мнѣ изъ Килии. Я сказалъ, что получилъ и увѣрилъ его, что я отвѣчалъ ему, ровно какъ и генералъ Спать, такъ что Гессенъ убѣжденъ теперь, что наши письма не дошли. Усердно кланяюсь длинному генералу (Спату); скажите ему, что я его столько же люблю, сколько уважаю, а это много. Тысячу привѣтствій всѣмъ. Сегодня вечеромъ пріѣхалъ Гудовичъ.

Прощайте, милый братецъ; помните обо мнѣ, любите меня, если-жъ я умру, забудьте меня поскорѣе и не го-

ворите объ этомъ никому ни слова. Жду съ нетерпѣніемъ свѣстныхъ припасовъ и остаюсь на всегда преданный вамъ братъ и, если позволите, другъ.

Сожгите мое письмо.

Лѣннѣ я или нѣтъ?

III.

Ноября 22.

Здравствуйте, братецъ; надѣюсь, на этотъ разъ вы не скажете, что я лѣплюсь писать вамъ. Я не знаю, пріятно ли вамъ читать мои письма, но увѣряю честию, что мнѣ очень пріятно писать ихъ.

Однако учтивости въ сторону: я люблю васъ ото всего сердца и лучше этого ничего не умѣю сказать. Обращаюсь къ повѣствованію о нашихъ дѣлахъ.

Канонада съ нашихъ баттарей продолжалась всю ночь и даже часть слѣдующаго утра; городъ нашъ отвѣчалъ слабо. Сегодня около полудня я поѣхалъ съ генераломъ Львовымъ на флотилію, которая стоитъ почти въ пушечныхъ выстрѣлахъ; но однакожъ ѣхать туда очень опасно, потому что должно пробѣжать садами и камышами, лежащими на разстояніи картечнаго выстрѣла, а одно мѣсто, именно гдѣ пристають къ берегу, удалено лишь на ружейный выстрѣлъ отъ городскихъ воротъ. Съ нами было 12 казаковъ для прикрытія, и мы совершили путь благополучно, не смотря на свистъ ядеръ, пуль и картечь.

Рибасъ очень плохъ; *Ираклій Марковъ* командуютъ полевой баттареею. Когда Львовъ былъ вмѣстѣ съ Рибасомъ, они согласились перевести всѣ большія пушки на островъ и устроить изъ нихъ сбивальную баттареею

въ 80 пушекъ. Какъ бы то ни было, но городъ навѣрно не думаетъ о сдачѣ; жители рѣшительно намѣрены сражаться и очень гордятся поврежденіями, которыя они сдѣлали нашей флотиліи, состоящими въ истребленіи нѣсколькихъ сотенъ людей и трехъ судовъ, о чемъ здѣсь разговариваютъ тихоюю.

Возвратившись съ флотиліи, мы нашли курьера изъ Бендеръ, который извѣстилъ, что князь (Потемкинъ) приказалъ тяжелой осадной артилеріи прибыть сюда и взять городъ непременно, во что бы то ни стало; и такъ мы должны ожидать втораго изданія *Онакова* и оставаться здѣсь по крайней мѣрѣ до Января. Что дѣлать? Вооружитесь терпѣніемъ.

Прощайте, милый братецъ; передайте прилагаемое письмо по адресу и не забывайте преданнаго на всегда брата.

IV.

Ноября 23.

Милый братецъ! Хотя вы играете роль иѣмага въ нашей перепискѣ, но я на васъ не сержусь; пришлите однакожъ назадъ моихъ казаковъ, потому что у меня ихъ остается только 4, а это помѣшало мнѣ отослать вамъ мое вчерашнее письмо, которое вы получите вмѣстѣ съ этимъ и которыя я отправляю оба, какъ только одинъ изъ моихъ казаковъ вернется.

Нынѣшній день прошелъ очень спокойно. Почти не было выстрѣловъ ни съ той, ни съ другой стороны. По рѣшено, что нашъ артиллерію, и что *Гудогинъ* въ скоромъ времени долженъ прибыть сюда съ своимъ корпусомъ, такъ что мы останемся здѣсь по крайней мѣрѣ на мѣсяць, ибо тя-

желая артилерія не прїѣдетъ раньше 12—13 дней; стало бытъ надо здѣсь устраиваться. Поэтому, если вы находите удобнымъ оставить меня здѣсь, непременно нужно прислать мнѣ еще нѣкоторые изъ моихъ экипажей, а именно, фургоны съ палаткой и домикомъ и еще кибитку. Ибо маленькій домикъ, который у меня есть, годится на нѣсколькихъ дней; но долгое время онъ невыносимъ: когда целый день никуда не выходишь, нужно у себя имѣть хоть столько мѣста, чтобы лечь удобно, а у меня и это невозможно теперь. Я обѣдаю почти всегда дома, и мой обѣдъ состоитъ изъ чаю съ хлѣбомъ, потому что у генерала Потемкина обѣдъ накрывается на 8 приборовъ, а кушанье едва достанетъ, чтобы наѣсться двоимъ, и замѣтите, тамъ никогда не подають кофею. И такъ если вы находите для меня удобнымъ оставаться здѣсь, вотъ что я попрошу васъ прислать мнѣ. Впрочемъ я объ этомъ пишу въ при семъ прилагаемомъ письмѣ къ Миллеру, котораго также не оставьте прислать ко мнѣ, если вы можете безъ него обойтись; онъ просился ѣхать сюда со мною, и я его не извѣлъ въ надеждѣ остаться здѣсь лишь нѣсколько дней; но какъ я здѣсь пробуду по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, то Миллеру, будетъ непріятно жить со мною врознь. Ну, а какъ намъ быть съ поваромъ? Онъ вѣдь пуженъ намъ, и поэтому не можете ли прислать мнѣ одного изъ вашихъ поваренковъ? Я не желаю лишать васъ моего повара. И такъ, я пишу въ письмѣ къ Миллеру, что нужно мнѣ прислать. Но и васъ, братецъ, я по-

прошу прибавить къ этому небольшой возъ, въ который вы прикажете положить двухъ барановъ, полдюжины птицъ, боченокъ Молдавскаго вина, нѣсколько кочней кашусты, нѣсколько мѣшковъ муки и рису, и пр., однимъ словомъ, маленькій возъ провизіи, не забывая и масла. Ибо, клянусь вамъ, здѣсь мы умираемъ съ голоду, и ничего нельзя достать, кромѣ говядины. Когда вы пришлете все это, я, поблагодаривъ васъ тысячекратно, вещи оставлю у себя, а лошадей отошлю вамъ назадъ; удержу лишь одну пару здѣсь и одну пару въ Мадпушѣ для нашихъ тамошнихъ казаковъ, чтобы они могли установить маленькую торговлю между нами, перевѣсъ которой будетъ навѣрно на моей сторонѣ.

Будьте же добры, милый братецъ, какъ вы бывасте всегда, и постарайтесь выслать мнѣ все это какъ можно скорѣе. Цѣлую ваши ручки и благодарю васъ заранее.

Всѣ волонтеры флотилии сегодня приходили навѣстить меня, именно принцъ *де Линь*, герцогъ *де Фроисакъ*, *Ланжеронъ*, *Ламбертъ*, и пр. они всѣ, какъ настоящіе Французы, любезные, но легкомысленные люди, палуны и вѣтренники.

Прощайте, милый братецъ; я жду моего казака, который еще не возвращается, что меня заставляетъ думать, что вы получите вдругъ три моихъ письма. Прощайте. Тысячу поклоновъ и привѣтствій генералу Спату; я его очень, очень люблю; скажите ему, что здѣсь, къ сожалѣнію, дѣлается много глупостей.

V.

(Безъ числа, вѣроятно 23 или 24 Ноябри).

Чортъ меня побери, милый братецъ, за то, что я вздумалъ прїѣхать сюда.

Гудовичъ и я мы въ этомъ раскае-
ваемся сжеминутно и даемъ себѣ слово
не дѣлаться другой разъ жертвою на-
шего любопытства.

Представьте себѣ, что мы живемъ
здѣсь безъ надежды что либо сдѣлать,
что либо увидеть, умирая отъ скуки,
жажды и голода. Извините на маломъ,
но за то это буквально вѣрно. Хотя
сегодня мы имѣли высшую честь обѣ-
дать у его пр-ва г. генерала, но я бы
умеръ съ голоду, еслибъ не догадался
приказать Ильѣ купить и изжарить
мнѣ кусокъ говядины, потому что
здѣсь рѣшительно ничего нельзя най-
ти кромѣ говядины, да и та достается
съ трудомъ.

Вообразите, когда приходятъ къ г.
Потемкину, всѣ собираются на от-
крытомъ воздухѣ вокругъ костра, и
тутъ проводятъ утро въ ожиданіи,
пока его пр-во выйдетъ въ большой
шубѣ и удостоитъ обратиться къ вамъ
съ разговоромъ. Тамъ остаются до
времени обѣда, какая бы ни была по-
года, и потомъ все остальное время
дня; это называютъ генеральскою квар-
тирою. Согласитесь, что это плохая
квартира, и что се лучше бы назвать
генеральская поляна, тѣмъ болѣе, что у
насъ идутъ безпрестанно дожди. По
всему этому я думаю, что завтра или
послѣ завтра мы съ Гудовичемъ оста-
вимъ этотъ корпусъ и перейдемъ къ
Кутузову, гдѣ больше дѣла, въ осо-
бенности для волонтера; но еще прежде
я хочу сѣздить на флотилію, для чего
потребуется четыре-пять часовъ.

Сегодня мы не двинулись впередъ.
Пушечные выстрѣлы раздаются по
временамъ. Флотилія немного отсут-
ствовала; наша центральная батарея еще

не готова; дѣйствуютъ только батарея
Арсеньева и первая Рибаса, и то по
временамъ. Чтѣ касается до города,
онъ дѣлаетъ каждыя 3 минутъ по вы-
стрѣлу, которые не вредятъ никому.
Прошлую ночь казаки сожгли нѣ-
сколько мельницъ предъ городомъ.

Турки попробовали сдѣлать нѣсколь-
ко вылазокъ противъ батареи Арсень-
ева, безпокоящей ихъ болѣе всего; но
не имѣли успѣха.

Несчастье наше въ томъ, что всѣ
три генерала, Потемкинъ, Кутузовъ
и Рибасъ, не только не зависятъ другъ
отъ друга, но дѣйствуютъ вовсе не-
дружно и не хотятъ даже помогать
другъ другу, а Львовъ смѣется надъ
всѣми троими, и не безъ основанія.

Я попрошу васъ, милый братецъ,
написать письмо Кутузову о бѣдномъ
капитанѣ *Лилиенфельдѣ*, гдѣ вы объяс-
ните, что хотя онъ записанъ въ стрѣл-
ковый корпусъ, но желалъ бы окон-
чить эту кампанію волонтеромъ, и
что вы за него просите. Вы этимъ
очень меня обяжете.

Прилагаю *записку* отъ Гудовича, ко-
торую прошу доставить въ его полкъ.

Прощайте, милый братецъ; посы-
лаю назадъ вашу лошадь, потому что
боюсь испортить ее такимъ дурнымъ
кормомъ; да притомъ съ меня доволь-
но одной; впрочемъ Потемкинъ, по
особой милости, далъ мнѣ сѣна. Про-
щайте, цѣлую ваши руки.

VI.

Ноябри 27, въ 7 ч. утра.

Здравствуйте, милый братецъ; я
сейчасъ получилъ ваше письмо. Ваше
безпокойство обо мнѣ вѣроятно уже
прошло, и благодаря Бога я здоровъ.

Наконецъ, милый братецъ, все кон-

чено—мы не получимъ Измаила и побѣдныхъ лавровъ; мы уже отступили на десять верстъ отъ города и ожидаемъ приказа стать на зимнія квартиры. Но буду рассказывать по порядку.

Ноября 23 я вамъ не писалъ, потому что цѣлый день былъ занятъ рѣшеваніемъ плана Измаила съ ситуациею нашихъ войскъ и батарей; къ несчастію этотъ планъ вышелъ такъ удаченъ, что г. Потемкинъ у меня его попросилъ, и я не могъ отказать; впрочемъ я постараюсь вамъ сдѣлать другой вечеръ. Въ этотъ же день Рибасъ былъ у Гудовича, и тамъ происходилъ совѣтъ о томъ, что мы должны дѣлать, самый смѣшной, какой только можно себя представить. Какъ будто дѣло шло о томъ, кто скажетъ самую крупную нелѣпость. 1) Рибасъ предложилъ придвинуть всю артиллерію всѣхъ нашихъ корпусовъ на разстояніе картечнаго выстрѣла, — но чтобы каждая пушка была запряжена 60 быками: ибо Килійскій паша, который теперь въ Измаилѣ, говорилъ Измаильскому пашѣ, что у насъ есть такія тяжелыя пушки, въ которыя нужно запрягать 60 быковъ и что ничто не можетъ противиться такимъ пушкамъ. 2) Рибасъ предложилъ сдѣлать брешь со стороны Дуная, бросая бомбы съ кораблей, которые онъ хотѣлъ поставить въ 30 шагахъ отъ города. Вамъ это покажется новостью дѣлать брешу 1) бомбами и 2) бросаемыми съ кораблей. Словомъ, послѣ тысячи подобныхъ глупостей, было рѣшено, что на слѣдующій день, 26 Ноября, въ день Св. Георгія, всѣ войска придвинутся къ городу и сдѣлаютъ демонстрацію,

между тѣмъ какъ наши батареи произведутъ адскую канонаду, и тогда потребуютъ сдачи города; въ случаѣ же отказа, флотилія отступитъ, и мы всѣ сдѣлаемъ тоже самое ночью. Это случилось и въ самомъ дѣлѣ. Ноября 26 около часу по полудни мы отослали нашъ обозъ назадъ, и около 3¼ часовъ нашъ корпусъ подошелъ на 80 туазовъ ближе къ городу, однакожь далѣе пушечнаго выстрѣла; впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобы изъ города видѣли наше движеніе, потому что уже совсѣмъ наступала ночь. Наши батареи начали стрѣлять; но думаю, что немногія бомбы и ядра даже и долетали, ибо во все время канонады мы убили у Турокъ только одну женщину, 7 дѣтей и 2 мужчинъ. Коротко сказать, во время канонады батареями, флотилія отступила, корпусъ Гудовича тоже, и мы получили такое же приказаніе. Въ 7 часовъ вечера мы тронулись въ путь, а въ 9 пришли въ новый лагерь, отстоящій на 8 верстъ отъ прежняго. Во время пути ночь была отвратительная, вѣтеръ и слѣгъ чертовскіе; такъ кончилась комедія. Признаюсь, я, отправляясь сюда, не надѣялся пріѣхать за тѣмъ, чтобы присутствовать при отступленіи. Все это происходитъ: 1) отъ малочисленности нашихъ войскъ, тогда какъ въ городѣ ихъ 20 тысячъ, кромѣ жителей; 2) отъ большаго разногласія между нашими генералами. Въ самомъ дѣлѣ: Потемкинымъ управляетъ Львовъ, открытый врагъ Рибаса, котораго однако Потемкинъ не хочетъ удалить. И такъ съ одной стороны Львовъ и Рибасъ терпѣть не могутъ, однакожь и боятся другъ друга, и слѣдователь

но не смѣютъ мѣшать другъ другу, потому что оба фавориты: съ другой стороны Потемкинъ и Гудовичъ—въ подобныхъ же обстоятельствахъ кромѣ только фаворитства. Эти личныя интриги и составляютъ главную причину всѣхъ золъ.

Что касается до меня, милый братецъ, я рассчитываю возвратиться къ вамъ завтра или послѣ завтра; не отвѣчайте на мое письмо; я проведу одинъ день у Гудовича, котораго я еще не видалъ. Прикажите пожалуйста съ получениемъ этого письма приготовить мнѣ смѣшную четверню лошадей въ Кагуль и другую на мосту и чтобы взяли съ собою немного овса.

VII.

Ноября 29.

Я сейчасъ только получилъ, милый братецъ, отъ г. Потемкина вашу записку, въ которой вы меня спрашиваете, нуженъ ли мнѣ экипажъ. Да, милый братецъ, прошу васъ прислать его и какъ можно скорѣе. Мы все еще стоимъ лагеремъ здѣсь, въ 9 верстахъ отъ Измаила и въ отвратительную погоду. Съ минуты на минуту ждутъ Суворова. Вчера около полудня мы вдругъ получили приказъ, чтобы корпусъ сегодня отправился въ *Яльцушъ*, и что слѣдовательно должно немедленно отправить туда нашъ обозъ. Это въ самомъ дѣлѣ и исполнили: но вѣздъ за тѣмъ, около 6 часовъ, получить контръ-ордеръ, чтобы воротить назадъ обозъ и быть готовыми возвратиться къ Измаилу. Однимъ словомъ, сами не знаютъ, что дѣлають, и изгнѣе Измаила становится проблематическимъ. Впрочемъ всѣ того мнѣ-

нія, что какъ только Суворовъ прибудеть, городъ возьмутъ печальнымъ нападеніемъ, сразу, приступомъ. Продолжаютъ говорить, что вы идете сюда съ вашимъ корпусомъ. Флотилія совѣтъ ретировалась.

Прощайте, милый братецъ: не можете ли вы прислать мнѣ съ экипажемъ три или четыре *мулуны* для моихъ людей, у которыхъ нѣтъ ихъ: ибо на этихъ людей жалость посмотреть, а у насъ снѣгъ и зима по горло. Прощайте. Иду пить ваше здоровье водкою съ уксусомъ, ибо вода свѣршая, а вина здѣсь нѣтъ никуда.

VIII.

Декабря 3.

Здравствуйте, милый братецъ: наконецъ Миллеръ пріѣхалъ нынѣшнее утро съ моимъ экипажемъ. Благодарю васъ за все: но только забыли привезти мнѣ сахару и хлѣба; если вы могли бы ихъ мнѣ прислать, также какъ сѣчей, то очень бы обязали.

Оздѣшнихъ новостяхъ, милый братецъ, скажу вамъ, что Суворовъ прибылъ вчера, что приступъ почти рѣшенъ, что городъ возьмутъ со стороны рѣки, съ которой онъ только и доступенъ; но однако планъ атаки вполнѣ еще неопредѣленъ. Завтра, надѣюсь, можно будетъ сообщить вамъ подробныя распоряженія.

Что касается лично до меня, то хотя смерть не заключаетъ въ себѣ ничего для меня страшнаго; но вѣрите, милый братецъ, что я не буду нарочно искать ея. Я только поручилъ сказать графу Суворову, что *я прошу его пр-во вспомнить, что я нахожусь здѣсь въ качествѣ волонтера и что я отдаю*

своимъ въ его распоряженіе. На это онъ приказалъ мнѣ отвѣчать, что онъ обо мнѣ позаботится и дастъ мнѣ назначеніе, т. е. поручитъ вести два баталіона своего полка на приступъ. Что бы ни случилось, завтра вы будете знать все; на нынѣшній день довольно. Прощайте, братецъ. Всѣ утверждаютъ, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Россія, никогда еще не видывали такого горячаго дѣла, какое намъ предстоитъ: ибо это не бездѣлица взять однимъ разомъ городъ такъ хорошо укрѣпленный, какъ Измайлъ, гдѣ около 30 тысячъ гарнизону, не устраивая ни траншей, ни батарей, однимъ словомъ начинать тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаютъ—приступомъ.

IX.

Декабря 4.

Здравствуйте, милый братецъ. Намнѣ дѣла весьма странны, и ничего еще не рѣшено. Планъ атаки еще не составленъ. Въ эту полночь мы перемѣнимъ лагерь; мы все станемъ линіею вокругъ города и будемъ на флангѣ корпуса *Самойлова*. Завтра построимъ нѣсколько батарей, неизвѣстно какъ и неизвѣстно гдѣ; но онѣ должны быть готовы къ субботѣ 7 числа. Тогда Суворовъ объѣдетъ лагерь, и изъ каждой пушки съ земли и съ воды сдѣлаютъ по три выстрѣла; послѣ этого отъ города потребуютъ сдачи; если онъ откажется, въ ту же ночь будетъ приступъ. И такъ, какимъ бы то ни было способомъ, живые или мертвые, въ воскресенье (8 числа) мы будемъ въ Измайлѣ. Между тѣмъ графъ (Суворовъ) продолжаетъ дурачиться и назначаетъ упражненія для репетицій

предстоящаго приступа. Прощайте, милый братецъ; я все жду плана атаки, чтобы написать вамъ длинное письмо. Прощайте.

X.

Безъ числа (5 Декабря).

Здравствуйте, милый братецъ; я вамъ пишу теперь только одну строчку, но вечеромъ вы получите мою обыкновенную реляцію. Эту записку пишу за тѣмъ только, чтобы рекомендовать вамъ ея подателя, сына нашего г. Грубе. Впрочемъ посылаю вамъ маленькій очеркъ, по которому вы можете судить о нашихъ военныхъ распоряженіяхъ. *Ширій*, служащій волонтеромъ у Кутузова, пріѣхалъ сегодня къ намъ и рассказывалъ: 1) что у нихъ 17 тысячъ казаковъ, которые каждый день имѣютъ стычки съ непріателемъ подъ самыми стѣнами, 2) что Запорожцы вчера попробовали сдѣлать приступъ, при чемъ потеряли 30 человекъ; 3) что городъ въ тревогѣ. Что странно, такъ это то, что корпусъ Кутузова заставляетъ ихъ дрожать, а мы сами дрожимъ отъ страха или по крайней мѣрѣ похожи на испуганныхъ. Прощайте, братецъ; до длиннаго письма сегодня вечеромъ.

XI.

Декабря 6.

Здравствуйте, милый братецъ. Я лажусь въ самомъ затруднительномъ положеніи. Графъ Суворовъ былъ такъ добръ, что предоставилъ мнѣ самому выбрать мѣсто, гдѣ я желаю быть; и какъ скоро сдѣлаю выборъ, онъ прикажетъ полковому командиру дать мнѣ отрядъ въ команду; но къ несчастію

я старше всѣхъ полковыхъ командировъ, за исключеніемъ Кутузова, а Кутузовъ имѣетъ всего 3 баталіоновъ, и у него подъ командою состоятъ *кн. Волконскій* камергеръ и *Риботьеръ* бригадиръ, такъ что на мою долю едва останется командованіе лишь однимъ баталіономъ, и я опасаясь, что буду униженъ въ сравненіи съ этою ... Волконскимъ. Впрочемъ войска такъ мало, что ни въ какомъ полку я не могу получить въ команду болѣе одного баталіона, и повсюду я буду самый старшій. Всѣ говорятъ мнѣ, и Потемкинъ первый, что—моя воля, но мнѣ не прилично идти на приступъ ни съ баталіономъ, ни въ числѣ охотниковъ, а что напротивъ я долженъ сохранить роль волонтера и оставаться возлѣ графа Суворова, который можетъ поручать мнѣ то или другое. Но, милый братецъ, если я это сдѣлаю, что обо мнѣ скажутъ? Мнѣ кажется, я ужъ слышу кругомъ себя такія рѣчи: вотъ онъ, этотъ волонтеръ который сдѣлалъ два похода, не выдавъ непріятеля, и который не идетъ даже на приступъ, когда къ этому представляется случай. Ради Бога, рѣшите мою участь; отвѣчайте чистосердечно, совѣтуйтесь только съ моею честью, а не съ вашею дружбою; принимайте за правило, что жизнь ничего не значить въ сравненіи съ честью и отвѣчайте мнѣ безъ замедленія: ибо я дрожу отъ опасенія, что я не пойду на приступъ съ отрядомъ, между тѣмъ какъ я былъ совершенно спокоенъ, когда думалъ, что навѣрно пойду; однимъ словомъ, я рѣшительно не знаю, что дѣлать, ибо по несчастію

мой чинъ и старшинство мѣшаютъ мнѣ во всѣхъ моихъ предположеніяхъ. Рѣшите и отвѣчайте; клянусь, я прихожу въ отчаяніе, какъ ребенокъ. Я никогда не думалъ, чтобы предразсудки чести были такъ сильны; я боюсь сдѣлаться смѣшнымъ, пойдя на приступъ, и еще больше боюсь вовсе не идти. Прощайте.

Никакихъ плановъ военныхъ дѣйствій еще не объявлено. Надъ этимъ трудятся усиленно, и завтра все объявится.

XII.

Декабря 7.

Наконецъ, милый братецъ, моя участь рѣшена. Графъ (Суворовъ) былъ такъ добръ, что создалъ для меня мѣсто, которое считаютъ очень важнымъ, но которое къ несчастію лишаетъ меня чести идти на приступъ; онъ меня наименовалъ генераль-инспекторомъ всѣхъ атакъ и колоннъ, которыя тамъ будутъ; у меня подъ командою состоятъ 2 лейтенантъ-полковника, 4 майора и столько же оберъ-офицеровъ, 12 вѣстовыхъ и 24 казака. Я долженъ все разузнавать, говорить мои мнѣнія, направлять атаки и обо всемъ доносить. Чтобы доказать вамъ, что я не теряю времени и работаю, какъ лошадь, я посылаю планъ нашей атаки; онъ набросанъ наскоро, но вѣрнъ и можетъ дать вамъ понятіе обо всемъ, что мы станемъ дѣлать; а завтра вы получите описаніе диспозиціи. До сихъ поръ еще некогда переписать ее. Вы увидите на планѣ всѣ колонны и наши 4 полевыхъ баттаренъ.

Что касается до меня, братецъ, по-вѣрьте, что, не смотря на мою долж-

пость, я брошу все и замѣшаюсь въ какую нибудь колонну, чтобъ быть въ городѣ одному изъ первыхъ. Но я крѣпко боюсь, что плутъ не сдастся; вы объ этомъ можете судить по тому, что случилось сегодня. Нынѣшнее утро мы сдѣлали по три выстрѣла изъ всѣхъ пушекъ на морѣ и на землѣ и закричали *ура*, какъ будто бы Суворовъ сейчасъ только пріѣхалъ; вслѣдъ за тѣмъ графъ послалъ офицера съ двумя трубачами и письмомъ къ *нашъ-сераскиру*, гдѣ онъ требуетъ сдачи на Бендерскихъ условіяхъ. Турки приняли нашего посланнаго очень вѣжливо, предлагали ему, если угодно, войти въ городъ и отдать письмо лично; но когда нашъ офицеръ отвѣчалъ, что на счетъ этого онъ не имѣетъ никакого приказа, они взяли письмо и попросили подождать отвѣта. Наши ждали его очень долго; но, видя, что отвѣта нѣтъ, а между тѣмъ ужъ наступаетъ ночь, возвратились. Немного спустя, два Турка въ свою очередь вышли изъ крѣпости и объявили казачьему полковнику, командующему нашими аванпостами, что наша получилъ письмо отъ нашего сераскира, что онъ усердно ему кланяется и пришлетъ отвѣтъ завтра, въ 9 часу по восхожденіи солнца, такъ какъ нужно время собрать свѣтъ. Все это похоже на робость. Между тѣмъ наши работы сегодня продолжались; батареи будутъ готовы завтра, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, Турки стрѣляютъ по нашимъ рабочимъ.

Г. Миллеръ пишетъ вамъ о нашихъ нуждахъ, потому что мы нуждаемся во всемъ. Я изъ экономіи не обѣдаю

дома, почему часто остаюсь безъ обѣда; а вечеромъ мнѣ всегда приходится кормить человѣкъ 5, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ начальство: ибо мои подчиненные приходятъ ко мнѣ съ работы окончившіе, и надобно имъ дать по крайней мѣрѣ стаканъ вина и немного хлѣба. Прощайте, милый братецъ; я совершенно изнемогаю отъ усталости: я проѣхалъ сегодня по крайней мѣрѣ 30 верстъ верхомъ и сдѣлалъ 7 плановъ. Посылаю вамъ цѣлую кучу писемъ отъ Гудовича; я не могъ прежде вамъ прислать ихъ, потому что не имѣлъ козаковъ; мои всѣ были въ разъѣздѣ. Кстати, выпишите хорошенько съ казаковъ нашего поста: они употребляютъ лошадей Богъ знаетъ куда, и мои письма остаются безконечное время въ дорогѣ, также и ваши. Прощайте, цѣлую васъ, равно какъ и Миллера, по обычаю.

Г. Золотухинъ, который почуетъ у меня, проситъ напомнить вамъ о немъ.

ХІІІ.

Декабрь 9.

Здравствуйте, милый братецъ. Отвѣтъ, который намъ прислали Турки, очень замѣчателенъ. 1) Они насъ спрашиваютъ, зачѣмъ наша флотилія и армія подошли къ городу, между тѣмъ какъ у насъ заключено перемиріе. 2) Они прибавляютъ, что при первой канонадѣ съ нашей флотиліи, мы потеряли три корабля, при второй шесть кораблей и много людей; поэтому они очень удивлены, что послѣ такого неудачнаго начала мы осмѣливаемся предвѣщать имъ участь Очакова; что нпрочемъ и при Очаковѣ мы поте-

ржали много людей. 3) Что нечестно съ вашей стороны писать имъ письмо, давать 2½ часа на отвѣтъ и между тѣмъ строить въ ту же ночь четыре батареи. 4) Что, не смотря на все это, они пошлютъ, если мы позволимъ, двухъ человѣкъ къ Великому Визирю, который находится на 32 часовомъ разстояніи, чтобы получить рѣшительный отвѣтъ и что чрезъ 10 дней они могутъ его передать намъ. 5) Что въ случаѣ, если мы не согласимся дать имъ эту отсрочку, они готовы защищаться на водѣ и на сушѣ, и тогда Богъ рѣшитъ ихъ участь. 6) Они впрочемъ надѣются, что мы дадимъ имъ желаемые 10 дней.

Вотъ, братецъ, ихъ письмо. Мы будемъ отвѣчать завтра, чтобы они сдавались немедленно, либо готовились биться на смерть, и что все будетъ предано огню и мечу.

Все это предвѣщаетъ сдачу, но мы не знаемъ, чего ожидать; впрочемъ только Паша и Татары желаютъ защищаться, а остальные на нашей сторонѣ.

Наши 4 батареи окончены; Турки эту ночь не сдѣлали ни одного выстрѣла и оставили нашихъ рабочихъ въ покоѣ; но въ первую ночь они убили троихъ изъ нихъ.

Я выписалъ изъ инструкціи генераламъ параграфъ, который до меня относится; вы можете знать теперь мою обязанность.

Гренадерскій полкъ прибылъ нынѣшнее утро.

Я думаю, что приступъ будетъ завтра или послѣ завтра.

НВ. Измаилъ взятъ Суворовымъ 11 Декабря 1790 года. См. подробности въ Запискахъ гр. Самойлова о кн. Потемкинѣ. Р. Арх. 1866, стр. 1349 и слѣд.

Не можете ли вы мнѣ прислать нѣсколько сотъ рублей, чтобы закупить подешевые Турецкихъ вещей, когда городъ будетъ взятъ; вы очень меня обяжете.

Прикажите пожалуйста сдѣлать большое блюдо бѣлѣтесу и пришлите мнѣ; мы будемъ здѣсь его разогрѣвать.

Поклонъ Спату. Прощайте, милый братецъ; обнимаю васъ дружески. Прощайте.

(На оборотѣ приписка) Пришлите мнѣ мои математическіе инструменты и карандаши.

XIV.

Декабря 2.

Посылаю вамъ, милый братецъ, проектъ всѣхъ нашихъ дѣйствій; вамъ остается только читать его и подумать надъ нимъ.

Приступъ будетъ наѣвно завтра или послѣ завтра ночью. Турки не хотятъ сдаваться; они сказали это *Соболевскому*, который отвезилъ имъ нашъ отвѣтъ; завтра они намъ дадутъ окончательный отвѣтъ; но какой онъ ни будетъ, развѣ только они пришлютъ ключи крѣпости, наша кононада откроется завтра послѣ обѣда и продолжится до минуты приступа. Пожелайте намъ успеха.

Г. *Асташовъ*, списавшій конію проекта, который я вамъ посылаю, проситъ васъ изъ любви ко мнѣ прислать ему фунтъ пудры и черного сомады, чтобы защитить свой парикъ отъ бомбы. Прощайте, милый братецъ; я васъ люблю столько же, какъ и уважаю, а это много. Поклонъ Спату.

ПИСЬМА И. И. ДМИТРИЕВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

I.

Милостивый государь.

Скажу изъяснить вамъ чувствительную благодарность мою за обязательное ваше писаніе. Я не хочу повторять того, что говорено было съ И. М. Но могу васъ увѣрить, что люблю и во крайней мѣрѣ желаю быть всегда искреннимъ и безпристрастнымъ въ моихъ сужденіяхъ.

Ваша актриса Колосова утѣшила всю Москву прекрасною своею игрою. Она играла въ Мизантропѣ, въ Танкредѣ; завтра будетъ играть въ одной изъ комедій Мариво, а 4 Октября декламировать одну сцену изъ Андрюхахи въ какой-то интермедіи, подъ названіемъ «Маскерадь или вечеринка артистовъ». — Лучше бы услышать ее въ цѣлой трагедіи.

II.

Благодарю васъ, любезный Василій Андреевичъ, за вашъ подарокъ; только я не прежде приму его, пока мы не сдѣлаемъ нѣкоторыхъ условій. На именинахъ я непременно буду; а Ник-Мих-чу я не давалъ знать, потому что вчера на него осердился. Какъ мнѣ жаль было, что вчера васъ у меня не было. Были стихотворцы, было чтеніе, были блины. К. Шахъ читалъ свою комедію.

III.

Вотъ все, что вы хотѣли получить отъ меня, Василій Андреевичъ; примите съ этимъ вѣстѣю и благодарность мою за пріятное ваше письмо, за пе-

реводъ Шиллеровой оды, который я прочиталъ два раза сряду съ великимъ удовольствіемъ, и за назначеніе ваше моихъ бездѣлокъ въ собраніе чего-то. Радуюсь, что вы здоровы, спокойны и продолжаете упражняться въ поэзіи. Кончите къ будущему журналу; пользуйтесь спокойною жизнью и лѣтомъ, этимъ благопріятѣйшимъ временемъ года для умнаго мечтателя! А осенью пріѣзжайте въ Москву съ своимъ запасомъ. Старый трутень почитаетъ труды молодой пчелы и докажетъ, что не все трутни бываютъ злы и завистливы. Простите, искренно любящій васъ Дмитріевъ.

Москва 1805. Іюль 8.

NB. Отвѣчаю вамъ поздно потому, что я не умѣю скоро переписывать, да и грудь моя не позволяетъ мнѣ долго писать.

Она подъ стражей, а вѣнча
И день и ночь на томной лѣтѣ
Врицаетъ: «Нѣтъ мнѣ счастья въ жѣтѣ!
Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
Умижуся ли еще я съ милой?
Всплелъ, о небо! вошь унылой:
Отдай се, или смерть пошли!»
Поетъ онъ день, поетъ другой,
На третій — утренне свѣтило
Несчастну жертву озарило;
Отецъ изводитъ дочь съ собой;
Она еда на трупъ встѣнула,
Уми!... въ послѣдній разъ вадрогнула.
Красавицы! Ибелъ эта была.

IV.

Виновать я передъ вами, любезный Василій Андреевичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на письмо ваше: вы мо-

жете легко отгадать, какая была тому причина: *недосугъ отъ бездѣлья*, и сверхъ того я право думалъ, что вы сами скоро прїѣдите. Радуюсь, что вы не даромъ живете въ Бѣлевѣ и истерпѣливо желаю видѣть ваши произведенія. Безъ васъ я получилъ 10 томовъ *Petite Encyclopédie Poétique*, въ которой собраны лучшія стихотворенія отъ поэмы до дпстиха. При каждомъ родѣ наставленіе, которое бы не худо вамъ перевести для вашей христоматіи. Антонъ Антоновичъ хотѣлъ купить эту книгу для насъ, но опоздалъ. Чтò мнѣ сказать о вашемъ вояжѣ? Еслибъ я умѣлъ рисовать, то представилъ бы юношу, точъ въ точъ Василія Андрѣевича, лежащимъ на недоконченномъ фундаментѣ дома; онъ одною рукою оперся на лиру, а другою протираетъ глаза, смотреть на почтовую карту и зѣвая говорить: *устыю!* Это будетъ надписью подъ картиною. Въ ногахъ нѣсколько проектовъ для будущихъ сочиненій, планъ цвѣтнику и песошные часы, перевитые розовою гирляндю.

Я говорю часто объ васъ съ милымъ Тургеневымъ; онъ искренно васъ любить и не меньше моего желаетъ вашего возвращенія. Сколько вы найдете здѣсь новаго, разумѣю въ нашей словесности. Лирикъ нашъ или протодіаконъ Хвостовъ безпрестанно кадитъ Гомеру и Пиндару и печетъ оду за одою. Друзья просвѣщенія присоединили къ тричисленному своему лику оберъ-секретаря Сандунова и съ первою рыжею книжкою на будущій годъ пустятъ громъ на Русскихъ путешественниковъ, и на все, гдѣ только встрѣтятъ слезу и милое. По всему кажется, что не уйти и мнѣ отъ ихъ

перуновъ, хотя я ни до слезъ, ни до сладкаго не охотникъ. Съ другой стороны князь Шаликовъ возлагаетъ на надежный свой носъ зеленые очки и объявляетъ себя *Московскимъ Зрителемъ*. Жаль, что нѣтъ у него помощниковъ. Впрочемъ я увѣренъ по крайней мѣрѣ, что въ журналъ его не будетъ варварскихъ піесъ, какія въ Северномъ Вѣстникѣ, въ Курьерѣ и въ другихъ пр. — А любезный нашъ Карамзинъ терпѣливо споситъ жужжаніе вокругъ себя шершней и продолжаетъ свою Исторію. Онъ уже дошелъ до Владиміра. Вотъ вамъ всѣ здѣшнія новости! Грудь моя не дозволяетъ мнѣ больше писать, и такъ оканчиваю старинною, что искренно люблю васъ и желаю вамъ совершеннаго благополучія. Прощайте до свиданія.

Москва 1805, Ноября 15.

V.

Благодарю васъ, любезный Василій Андрѣевичъ, за письмо ваше; я вижу изъ него, что вы еще и не думаете о возвращеніи вашемъ въ Москву, и очень о томъ сожалью; право, говорю искренно, я желалъ бы, чтобъ вы скорѣе оставили ваше уединеніе, которое способно только питать вашу склонность къ меланхоліи. Впрочемъ дѣлайте чтò хотите, только продолжайте меня любить и вѣрить, чтò я искренній вашъ почитатель и добротъ.

И. Дмитріевъ.

P. S. Поздравляю васъ съ наступающимъ годомъ. Н. М. и Ѳ. И. *) кланяются вамъ и благодарятъ за ваши объ нихъ отзвѣвы.

Москва 1805. Декабря 27.

*) Карамзинъ и Ѳеодоръ Ильичъ Козлятекъ.

VI.

Милостивый государь мой Василий Андрѣевичъ.

Чувствительно благодарю васъ за пріятное ваше письмо и за участіе, пріемлемое вами во всемъ томъ, что до меня касается. Коммисію нашу я исполнилъ на другой же день по полученіи письма вашего. Бекетовъ сказалъ, что охотно пришлетъ къ вамъ всѣ деньги, когда вы ни потребуете. Можетъ быть вы уже ихъ и получили, ибо онъ тогда же хотѣлъ писать вамъ, и это уже давно было. Долго ли вамъ жить въ деревнѣ? Долговременное уединеніе едва ли не столь же вредно для автора, какъ неумѣренное разсѣяніе. По крайней мѣрѣ доставьте мнѣ удовольствіе сообщеніемъ вашихъ произведеній. Объ этомъ просить васъ тотъ, который, право, искренно любитъ и сердце ваше и умъ всегда пребудетъ къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ покорнѣйшимъ слугою.

Москва 1806. Апрѣля 14.

И. Дмитріевъ.

VII.

Простите меня, Василий Андрѣевичъ, что я такъ поздно вамъ отвѣчаю: право не за лѣнностью, а за недосугомъ. Платонъ Петровичъ извиняется предъ вами, что такъ долго не посылалъ къ вамъ денегъ: онъ самъ имѣлъ въ нихъ недостатокъ, и къ тому же не могъ угадать, сколько прислать, не зная, въ какой форматъ былъ оригиналъ, съ котораго вы переводили. И такъ поспѣшите о послѣднемъ увѣдомить меня, и вы конечно скоро получите. Читали ли вы рецензію г. Каченов-

скаго? *) Что же вы скажите теперь о вашемъ рыцарѣ, т. е. обо мнѣ бѣдномъ? Гдѣ теперь хваленый вами баснописецъ? Гдѣ его чистота и гармонія въ стихотворствѣ, гдѣ его слава? Увы! Увы! одно слово Каченовскаго, и процай моя девятилѣтняя славишка! Самому за себя вступаться не ловко, а другимъ какая нужда! Шутки въ сторону, могли ли вы подозрѣвать, чтобы Каченовской могъ такъ скоро переѣхать свое мнѣніе о моемъ талантѣ? Вы узнаете о томъ послѣ, а теперь знайте только, что я подозрѣваю и вашего Мерзлякова соучастникомъ въ этой критикѣ; по крайней мѣрѣ увѣренъ, что изъясненіе характера Горациевой оды есть точно Мерзлякова. Знайте же и о томъ, что и тотъ и другой во всю зиму были у меня по одному разу въ недѣлю, и вѣрно никто ихъ не принималъ съ большею ласкою. Но теперь я буду гораздо осторожнѣе; я ставлю себя выше того, чтобы оскорбляться критикою какогонибудь Каченовскаго, который хочетъ судить другихъ, а самъ въ тоже время пишетъ «ѣхалъ на кораблѣ», «заложилъ фабрику», «заложилъ магазинъ», вмѣсто завелъ и учредилъ, и думаетъ вмѣсто галлицизмовъ обогащать насъ малороссизмами. Но пусть Каченовскій видитъ въ Мерзляковѣ единственнаго поэта, а этотъ въ немъ Лагарпа; пусть досточтимые цензоры запрещаютъ критику на Хвостова и позволяютъ на щетъ мой говорить самыя личности: я, право, равнодушенъ, и можетъ быть еще сыщутся

*) Сличь въ приложеніяхъ къ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти», статью (гр.) Д. Н. Блудова въ оборону славы И. И. Дмитріева. П. В.

добрые люди, которые будутъ читать меня. Прощайте, любезный Василій Андрѣвичъ; пишите ко мнѣ, не смотря на медленность моихъ отвѣтовъ и продолжайте любить меня.

Москва 1806. Мая 25 дня.

VIII.

Милостивый государь мой Василій Андрѣвичъ.

Спѣшу препроводить къ вамъ при семъ отъ брата Платона Петровича Бекетова въ особливомъ пакетѣ сто рублей ассигнаціями. Онъ посылаетъ къ вамъ еще два вырѣзка изъ каталога: увѣдомьте, съ котораго изъ означенныхъ изданій вы переводили; чтобъ вѣрнѣе ему знать, сколько слѣдуетъ вамъ получить денегъ. Не привыкнувши писать о такихъ расчетахъ, чувствую самъ, что написалъ все письмо не по авторски, а по подъячески. Скоро вы пріѣдете? Право совѣтую. По крайней мѣрѣ позволительно желать того искренно любящему васъ

Дмитріеву.

Москва 1806. Мая 30.

Адресъ: «Въ Бѣлевѣ. Его благородію, милостивому государю моему Василію Андрѣвичу Жуковскому».

IX.

Милостивый государь мой Василій Андрѣвичъ.

Благодарю васъ отъ сердца за два пріятныя письма ваши и за стихотворное, весьма лестное для меня, привѣтствіе. Я недавно возвратился въ Москву, и потому только такъ поздно вамъ отвѣтствую. О планѣ вашемъ христоматіи скажу, что нельзя сдѣлать выбора съ большею разборчивостію; что же по моему мнѣнію

прибавить или убавить, это вы увидите отмѣченнымъ на вашемъ листочкѣ, который при семъ возвращаю. Сверхъ того желалъ бы, чтобъ вы не передумали пріобщить къ каждому роду и наставленія по примѣру издателя Стих. Энциклопедіи. О воступкѣ Кач. я не скажу ни слова, ибо мнѣ и не ловко и неприлично быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Пусть судятъ о томъ тѣ, которые довольно опыты, довольно знаютъ приличность и умѣютъ отличать здравомысленную критику отъ натяжекъ Малороссійскаго школьника, желавшаго болѣе мнѣ метить, нежели отдать справедливость.

Журналисты: Храповицкіе, Богдановичи, Новиковы конечно могли также находить нѣкоторыя ошибки въ Херасковѣ, Петровѣ и пр., но они останавливались только на красотахъ ихъ. За чѣмъ же? Для того, что хорошихъ поэтовъ у насъ еще не много; для того, что сами были свѣтскіе люди, а не бурсаки, слѣдственно умѣли наблюдать деликатность. Но оставимъ это. Скажите лучше, когда вы возвратитесь въ Москву, скоро ли мы увидимъ что нибудь вашего произведенія, не зародился ли какой нибудь внучекъ Марѣи Посадницы? Но я лучше бы желалъ увидѣть колдунью въ Марьинной роцѣ или, въ родѣ идиалліи, возвращающагося со службы войнѣ въ свою отчизну, или Барда на полѣ битвы послѣ почнаго сраженія или оду: пѣнопѣвецъ, или четыре время дня, но мало ли что приходитъ въ голову на досугѣ! Простите, вѣрѣе искренней привязанности къ вамъ

Покорнаго вамъ слуги

И. Дмитріева.

X.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я ваше изданіе Русскихъ поэтовъ и спѣшу принести вамъ искреннюю благодарность мою и за подарокъ и за честь, мнѣ сдѣланную. Вы столь хорошо ко мнѣ расположены, что даже прибавили мнѣ и завѣду на моемъ портретѣ, и потомство по этой прибавкѣ будетъ больше обо мнѣ думать, нежели что я былъ въ самомъ дѣлѣ. Вотъ вамъ и критическое замѣчаніе, чтобъ не показать, что вы усыпили мое безпристрастіе вашимъ подаркомъ. Надѣюсь, что издатель спокойно передастъ его Московскому граверу.

А. И. Тург. польстилъ меня, что вы будете въ Пб. Искренно желалъ бы васъ видѣть. Впрочемъ, гдѣ бы вы ни были, всегда будете близки къ сердцу, исполненному въ вамъ почтенія и пріязни.

Иванъ Дмитріевъ.

Спб. 1811. Апрѣля 18.

XI.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Чувствительно благодарю васъ за подарокъ вашъ собраніемъ Русскихъ стихотворцевъ; хотя вы не слишкомъ разборчивы были въ выборѣ піесъ, но тѣмъ не менѣе оказали конечно услугу любителямъ Русской словесности. Сколько я ни отдаленъ отъ васъ, но повѣрьте, что неадѣ и воегда васъ помню. Искреннее бралъ участіе въ вашей горести *), и хвалю васъ теперь, что пріобрѣли убѣжище для отдыха отъ суевъ житейскихъ. До сви-

*) Кончина матери? П. Б.

данія, любезный Василій Андрѣевичъ. Будьте здоровы, спокойны духомъ, наслаждайтесь мирною жизнію въ объятіяхъ дружбы, подъ покровительствомъ Музъ и Минервы. Я желаю вамъ того, чѣмъ и самъ всегда прельщался, чего бы ни на что не промѣнялъ

Искренній вашъ почитатель

Дмитріевъ.

Спб. 1811. Ноября 20.

XII.

Любезный Василій Андрѣевичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я ваши послѣднія произведенія; съ удовольствіемъ, какое сродно имѣть только тому, кто самъ знаетъ цѣну искусства и не завидуетъ, но сорадуется чужимъ талантамъ. Жаль только, что въ Пѣвцѣ въ станѣ Рус. В. въ строфѣ «О старецъ, да услышимъ твой» и т. д. вѣроятно есть ошибки переписчиковъ; напримѣръ въ слѣдующихъ 4-хъ стихахъ:

Не тщетной славы предъ тобой,
Не мщенія дружины,
Простерзая не къ добычамъ длань,
Вягутъ не за нѣнками!

я не понимаю смысла; кажется, что тутъ какой нибудь глаголъ пропущенъ. Также и въ слѣдующемъ:

Пой, лебеди! Свергнуть ихъ мечемъ,
Съ племянъ порабощенъ—

Но это не помѣшало всѣмъ отдать справедливость изяществу вашей поэзіи. Вчера Государыня вдовствующая Императрица, можно сказать, съ восторгомъ изволила хвалить ее и препоручила мнѣ просить васъ, чтобъ вы прислали ко мнѣ вашу піесу, переписанную собственной вашей рукою. Она желаетъ сама сдѣлать ей второе изданіе, а я къ этому присовокупляю

и мою просьбу, чтобъ вы позволили мнѣ препоручить кому либо изъ моихъ знакомцевъ припечатать въ концѣ піесы легкія историческія примѣчанія, иныя даже необходимыя.

Надѣюсь, Василій Андрѣевичъ, что вы примите за благо мои негоціаціи и дозволите мнѣ гордиться успѣхомъ. Я не пеняю, что вы перестали ко мнѣ писать; чувствую самъ, что некогда; но желаю, однакожь, чтобъ вы съ присылкою вашей піесы уведомили меня по авторски, и кратко и подробно, о всѣхъ вашихъ воинскихъ подвигахъ.

Карамзинъ все еще въ Нижнемъ; и В. Пушкинъ тамъ же; а я все еще здѣсь, но часто мысленно гляжу на собственное пепелище, гдѣ нѣкогда надѣялся

Что солнце дней моихъ въ безмолвіи зайдетъ,
И мой послѣдній взоръ на друга устреми....

Прощайте, любезный Василій Андрѣевичъ, да хранитъ васъ благодать Небесная и возвратитъ тѣмъ, кои васъ искренно любятъ.

Иванъ Дмитріевъ.

Спб. 1813. Февраля 20.

P. S. Молитва моя сбылась, о чемъ я уже узналъ по написаніи письма, которое приготовлено было въ армию.

XIII.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Получивъ выправленный экземпляръ прекраснаго вашего сочиненія, имѣлъ я щастіе поднести оный Ея Императорскому Величеству, которая, удостоивъ особенною милостію приношеніе ваше, соизволила приказать мнѣ доставить вамъ, милостивый государь

мой, прилагаемый у сего перстень, какъ знакъ ея благоволенія. Изъ копій съ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго по сему случаю на мое имя, изволите Вы усмотрѣть лестный отзывъ Государыни Императрицы о чувствахъ и дарованіяхъ вашихъ. Ей угодно было поручить мнѣ изданіе въ свѣтъ вашего творенія, и вы можете судить, сколь пріятно для меня быть исполнителемъ Ея воли. Примите, милостивый государь мой, чувствительную мою благодарность за письмо ваше. Оно доставило мнѣ истинное удовольствіе, показавъ, что вы еще меня любите; оно живо напомнило мнѣ Москву, друзей моихъ и пріятные часы, проведенныя съ ними. Къ тому жъ оно подало мнѣ извѣстіе о здоровьи вашемъ, и я сердечно радуюсь, узнавъ, что вы опять наслаждаетесь спокойствіемъ въ любимомъ вашемъ уединеніи.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый государь мой
«Покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

12 Мая 1813.

Его Благородію
В. А. Жуковскому.

P. S. «Сердечно благодарю васъ, любезный Василій Андрѣевичъ, и за данъ, которую вы вмѣсто меня заплатили незабвенному Козлятеву. Вы знаете, какъ я любилъ его и чего мнѣ стоитъ эта потеря! Но она была не послѣдняя. Въ концѣ минувшаго года я потерялъ брата, а на дняхъ пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ матушки.»

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Письмо Императрицы Марія Ѳеодоровны къ Дмитріеву.

Иванъ Ивановичъ! Я съ великимъ удовольствіемъ прочитала вновь Пѣвца въ станѣ Русскихъ войновъ и, благодаря сочинителя за поднесеніе мнѣ сего изящнаго творенія, коего достоинство доказывается уже покровительствомъ вручившаго мнѣ оное знатока, я прошу васъ изъяснить ему признательность мою и за посвященіе, — новый опытъ отличнаго его стихотворческаго дара показывающее и тронувшее меня чувствительнымъ своимъ выраженіемъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе доставить г. Жуковскому приложенный при семъ знакъ моего благоволенія, который да напомянетъ ему иногда о справедливости отдаваемой мною его дарованіямъ. Пользуясь притомъ изъясленною вами готовностію пишущаго о напечатаніи сочиненія его, я прошу васъ принять на себя трудъ приказать напечатать на моемъ иждивеніи 300 экземпляровъ Лирической пѣсни, изъ нихъ десять прислать ко мнѣ, принять для себя сколько заблагоразсудите, а достальныя предоставить Сочинителю. Чтò же касается до посвященія, то при всей красотѣ стихотворенія, дѣлающаго честь автору, предметъ и содержаніе онаго не позволяютъ мнѣ дать согласіе мое на изданіе его въ свѣтъ; я тѣмъ не менѣе обязана ему за чувствованія столь выразительно имъ изображенныя, о чемъ и прошу васъ его увѣрить и съ удовольствіемъ пользуюсь симъ случаемъ изъяснить вамъ совершенное уваженіе, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

На подлинномъ подписано
собственною Ея Императорскаго Величества рукою
такъ: Марія.

Въ С. Петербургѣ.
Мая 8 дня 1813 года.
№ 1366.

XIV.

Милостивый государь и любезный
Василій Андрѣевичъ.

Искренно благодарю васъ за дружеское письмо и доставленіе прекрасной вашей дедикаціи. Желая и совѣтую вамъ напечатать ее въ Вѣстникѣ. Государыня не благоволила позволить ее напечатать при вашемъ сочиненіи, единственно изъ скромности, будучи сама издательницею онаго. Новое же изданіе дѣлать не совѣтую: это было бы не прилично и заставило бы подумать, что вы не довольны послѣднимъ изданіемъ. Другое дѣло, когда оно все разойдется. Вы, можетъ быть, скажите, что о новомъ изданіи не дошло бы до свѣдѣнія Государыни — ошибетесь, ибо она всѣ книжныя объявленія имѣетъ любопытство читать, какъ ни глупо оныя у насъ пишутъ. Я надѣюсь еще долго пробыть въ Москвѣ, уже и купилъ садъ (лучше прежняго, но только сомнѣваюсь, счастливѣе ли въ немъ буду прежняго), съ обгорѣлою кухнею. Для Діогена было бы этого довольно; но развращенный сынъ природы, не смотря на 55 лѣтъ, замышляетъ еще строить опять домъ; желаетъ, боится и наконецъ ободряетъ себя Лафонтеновымъ стихомъ, имъ же испорченнымъ:

Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится.

Послѣ этого стиха прошу не напоминать мнѣ *старика* и *смерть*, или я заткну уши. Нетерпѣливо желаю съ вами увидаться, между тѣмъ заочно васъ цѣлую и съ искреннимъ почтеніемъ пребуду. Преданный вамъ

И. Дмитріевъ.

Москва 1813. Октября 22.

XV.

Поспѣшаю увѣдомить любезнѣйшаго Василѣя Андрѣевича, что г. Астраковой еще 4 Сентября назначено 125 руб. Она получить ихъ въ то время, когда послѣдуетъ на то Высочайшее утвержденіе. Въ пятницу располагаю обѣдать дома. Очень радъ буду разделить съ вами мою трапезу и насладиться бесѣдою умнаго и добро-сердечнаго поэта; между тѣмъ прочту вамъ сейчасъ полученную оду, которую почтилъ меня графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.

Среда.

XVI.

Милостивый государь Василій Андрѣевичъ.

Истинно порадовали вы меня дорогимъ вашимъ подаркомъ, и я спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать послѣдующихъ частей. Между тѣмъ покорнѣйше прошу васъ, любезный Василій Андрѣевичъ, принять и отъ меня послѣднее изданіе моихъ басенъ. Парнасскому Инвалиду нечѣмъ отдаривать, какъ старыми пожитками. Впрочемъ экземпляръ давно былъ для васъ приготовленъ, но по смутнымъ обстоятельствамъ, не зная вашего мѣстопробыванія, я отлагалъ доставленіе онаго до надежнаго случая.

Заключаю привѣтствіемъ васъ съ новымъ годомъ, душевнымъ желаніемъ вамъ возможнаго благополучія и искреннимъ увѣреніемъ васъ въ отличномъ уваженіи преданнаго вамъ навсегда

И. Дмитріева.

Москва 1816. Января 8.

XVII.

Москва 1817. Февраля 10.

Примите, любезнѣйшій Василій Ан-

дрѣевичъ, искреннюю мою признательность за вашъ подарокъ. Если бы я и безчувственъ былъ къ прелестямъ вашей поэзіи, то и тогда не могъ бы равнодушно читать вашей пѣсни *), будучи патриотъ и обыватель Московскій.

Повѣрьте, что не меньшее взялъ участіе въ улучшеніи вашего положенія и съ умиленіемъ читалъ то мѣсто въ письмѣ вашемъ къ Вяземскому, гдѣ вы говорите о вашихъ чувствахъ къ благодѣтельной дружбѣ и о планѣ будущихъ вашихъ занятій. Слава въ вышнихъ Фебу! Будьте тверды въ предпріятіи вашемъ и признательны къ щедрой для васъ природѣ; будьте здоровы и вспоминайте иногда дряхлаго и сиротствующаго старика на берегу Патріаршихъ Прудовъ. За тѣмъ въ мысляхъ васъ обнимаетъ

Покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

XVIII.

Отъ сердца благодарю васъ, любезнѣйшій Василій Андрѣевичъ, за подарокъ новымъ изданіемъ большой вашей баллады. Я, презря всѣ страхи, бросился читать въ постелѣ на сонъ грядущій, и съ прежними впечатлѣніями дочитался до возникшихъ стѣнъ вокругъ обители дѣвъ усонипшихъ. Нетерпѣливо хочу ознакомиться съ Вадимомъ и узнать развязку.

Между тѣмъ съ тою же искренностью поздравляю васъ съ новымъ Монаршимъ благоволеніемъ. Этотъ случай принесъ мнѣ сугубую радость: ибо я ласкаю себя надеждою скоро увидѣть въ моемъ кабинетѣ любезнаго

*. Пѣвень на Кремлѣ. П. В.

поэта. И такъ до свиданія; заочно
васъ цѣлуешь преданныйшій вамъ

Дмитріевъ.

Москва 1817. Сентября 6.

XIX.

Хотите ли, любезнѣйшій Василій Андрѣвичъ, сего дня отобѣдать со мною въ двоѣмъ, и тотъ часъ потомъ ѣхать на мѣсто закладки храма, а на возвратномъ пути поклониться и Пожарскому съ Мининымъ. Есть ли такъ, то я хотѣлъ бы, чтобъ вы пріѣхали ко мнѣ въ половинѣ втораго. Скорѣе отобѣдаемъ и засвѣтло будемъ любоваться Москвою.

[1817].

XX.

Лучше поздно, нежели никогда, почтенный и любезный Василій Андрѣвичъ. Тысячу благодарностей вамъ за оба письма, изъ коихъ старшее растрогало меня подобно писанному изъ Дерпта. Очень радъ, что миновалась ваша болѣзнь, въ которой бралъ живое участіе. Я постоянно люблю васъ и за вашъ талантъ, и за ваше непорочное сердце. Отъ того и говоривалъ вамъ иногда не по васъ въ бытность вашу въ Москвѣ. Зная мѣру вашихъ способностей и ревнуя по славѣ вашей поэзіи, я все желаю, чтобы вы не засиживались; чтобъ вы, не упуская золотаго времени, когда умъ и талантъ вашъ въ полномъ созрѣніи, болѣе и болѣе мужались, возвышались и сіяли на поприщѣ, предопредѣленномъ вамъ природою. Вы можете подозрѣвать, что я нечувствительно впалъ въ тонъ панегириста, написавъ, можетъ быть, нѣсколько писемъ поздравительныхъ съ новымъ годомъ: нѣтъ, я право хотѣлъ гово-

рить отъ души. Прошу и васъ принять отъ того же источника привѣтствіе съ наступающимъ годомъ, или лучше сказать мое желаніе, чтобъ вы въ теченіи онаго были щастливы и любили меня по прежнему.

Охотно бы повиновался вашему совѣту; но старость облѣнила меня; къ тому же, не сдѣлавъ авторскаго навыка въ прозѣ, я боюсь ученаго шпынства Петра Мих. Дружинина. Нынѣ М. професс. стали взыскательны. Вѣроятно вы замѣтили въ Вѣстникѣ намеки объ оппозиціи всѣмъ тѣмъ, которые доселѣ отдѣлялись отъ стада Вадіусовъ и Кондратовичей и пр. и пр. Къ чему же мнѣ на послѣднихъ дняхъ обвѣтшалою жизни наклепать досаду? Спокойствіе духа и любовь добрыхъ и благородныхъ душъ: вотъ единственная отрада, которую мнѣ остается желать. Простите, любезнѣйшій Василій Андрѣвичъ; мысленно обнимаетъ васъ преданный вамъ

И. Дмитріевъ.

Москва 1818. Декабря 30.

Лучше присылайте мнѣ новыя ваши произведенія. Имѣя *прекрасное* ваше изданіе, на что мнѣ желать дурнаго и неисправнаго? Довольно стражду, глядя и на собственное мое изданіе; отъ роду не видалъ безобразнѣйшаго.

XXI.

Благодарю васъ очень искренно, любезный Василій Андрѣвичъ, за принятую вами заботу о моихъ сочиненіяхъ. Это можетъ быть послѣднее изданіе, такъ я желалъ бы видѣть его сколько можно исправнѣйшимъ со стороны корректуры. Довольно грѣховъ

и самого автора. Соглашаюсь на ваши поправки, и прошу васъ сноситься со мною и впредь о тѣхъ мѣстахъ, которые почтете нужнымъ поправить. Простите, молодой счастливецъ во всѣхъ отношеніяхъ. Будьте здоровы и увѣрены въ искренней моей къ вамъ привязанности. Кланяйтесь Антону Антоновичу.

Спб. Февраля 23.

XXII.

Не знаю, чему я болѣе обрадовался, любезнѣйшій Василій Андрѣевичъ, портрету ли Гете, или вашему письму, такъ давно не получая отъ васъ ни строчки; но искренно увѣряю васъ, что и портретъ и письмо подарили меня прекраснымъ днемъ, и я спѣшу принести вамъ за нихъ благодарность мою отъ всего сердца:—теперь кстати повторить вамъ тоже чувство и за ваши гравюры видовъ Павловска. Они, право, для меня драгоценны, и какъ пріятный отдыхъ таланта, и какъ залогъ давней нашей пріязни. Желательно, чтобъ вы не подѣлились выгравировать и виды вашего альбома.

Напрасно, милый поэтъ, хотите оживить самолюбіе въ старикѣ, который, право, и въ лучшую пору жизни не много думалъ о своей поэзіи. Можетъ быть, я имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ механизмѣ стиха, въ живости разсказа; можетъ быть, пользовался въ свое время нѣкоторымъ преимуществомъ предъ водяными стихотворцами, но истинно и тогда былъ недоволенъ собою, чувствуя самъ скудость въ глубокихъ идеяхъ, чувствахъ и воображеніи.

Не искушайте же моей слабости и оставьте меня дочитывать чужое и

легко наслаждаться. Пускай неугомонный Х. гуляетъ на своемъ пароходѣ по ледовитому океану и коптитъ Аполлона.

Что же касается до Записокъ, я часто и самъ помышляю о нихъ, и въ тоже время робѣю. Карамзинъ давно отчаялъ меня сочинять въ прозѣ; однакожъ, не во гнѣвъ его таланту, можетъ быть и примусь за прозу, если удастся мнѣ пожить на просторѣ въ деревнѣ.—Увы! я вспомнилъ, что Шаховской дописалъ свои Записки въ подмосковной, а мнѣ уже за 60 лѣтъ, и нѣтъ еще начала.

Наконецъ всею душою обнимаю васъ искреннѣйшій вашъ почитатель и преданный вамъ *И. Дмитріевъ*.

P. S. Долго ли мнѣ желать и не имѣть вашего портрета, который, какъ сказывалъ мнѣ А. И. Тургеневъ, не знаю почему заарестованъ Уваровымъ? Убѣдительно прошу васъ, подарите мнѣ.

Москва 1823. Февраля 18.

XXIII.

Письмо къ А. И. Тургеневу.

Спѣшу изъяснить вамъ, любезный и почтенный землякъ, чувствительную благодарность и за второе письмо и за доставленіе мнѣ хрустальныхъ хлопушекъ. Они довольно забавляли меня, особенно же подъ № 1 и послѣднимъ (свистокъ и *ex nihil nihil*). Со всѣмъ тѣмъ, признаюсь, Литтературные Листки я почитаю лучшимъ изъ нашихъ журналовъ. Въ нихъ по крайней мѣрѣ журналистъ самъ дѣйствуетъ, непрестанно въ виду, часто импровизируетъ, и всегда готовъ къ отраженію партизанскихъ набѣговъ. Я люблю эту живость.

Послѣдніе стихи молодого Пушкина очень милы. Въ нихъ легко узнаешь черты милаго и добраго Жуковского. Они далеко лучше прежнихъ отрывковъ изъ Онѣгина.

Когда увидите Ивана Матвѣевича *), прошу васъ ему отъ меня поклониться, но вмѣстѣ и попенять: за что вздумалось ему смутить спокойствіе дряхлаго инвалида и заставить его опять ломать голову? Но инвалидъ не измѣнилъ своему характеру. Сообщаемая при семъ копія да послужитъ вамъ тому доказательствомъ. Прошу только не пускать ее въ огласку.— Не только прошу, но и *чуръ*.

Карніолинъ-Пинскій разтрогался вашимъ къ нему благорасположеніемъ и поручилъ мнѣ увѣрить васъ въ благодарности его безпредѣльной.

Затѣмъ мысленно васъ обнимаю, и съ душевнымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть

Вашего превосходительства
милостивый государь
покорнѣйшій слуга
Иванъ Дмитріевъ.

P. S. На дняхъ я получилъ безъ письма нѣсколько номеровъ Инвалида, прибавленія къ нему, и 2 книжки Литер. Новостей. Увѣренный, что это даръ Александра Ѳедоровича, творящаго по христіански: да не увѣдаетъ шуица и пр., прошу васъ увѣрить его въ искренней моей признательности, равно и почтеніи.

Москва 1824. Октября 30.

*) Муравьева-Апостола.

XXIV.

Милостивый государь Василій
Андрѣевичъ.

Спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою за ваше дружеское письмо и безцѣнный подарокъ. Съ какимъ удовольствіемъ я занимался имъ цѣлыя два утра! Я васъ штудировалъ. Нельзя быть разнообразнѣе въ поэтическихъ вымыслахъ; нельзя лучше сдружить важности содержанія съ простотою разсказа и живописи съ музыкою. Властелинъ всѣхъ метровъ, вы играете легко всякимъ напѣвомъ, и каждый для насъ равно сладкозвученъ.

Заключаю строки мои искреннимъ привѣтствіемъ васъ съ благополучнымъ совершеніемъ года и пожеланіемъ встрѣтить и новый спокойно и весело; я же, на порогѣ нашей юдоли, какъ говорятъ, слегъ. Благодарю между прочимъ Промыслъ и за то, что еще съ вами увидѣлся, и пока дышу, буду за многое, многое,—довольно и за одного Карамзина—любить и уважать васъ всею душею. Съ сими чувствами обнимаетъ васъ

Преданный вамъ

Дмитріевъ.

Москва 1831. Декабря 29.

P. S. Посылку вашу отослалъ къ Антонинѣ Ивановнѣ тотчасъ по полученіи, васъ же прошу сказать мой поклонъ Н. Я. и князю П. А. Вяземскому.

(*Съ подлинниковъ, хранящихся у П. В. Жуковскаго.*)

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО КЪ А. А. СТОЛЫНИНУ.)

I.

Искал. 10 Апрель 1818.

Письмо сіе дойдетъ къ вамъ съ нарочнымъ вмѣсто почты, отъ Марцынкевича отправляемымъ. Предметъ отправленія—деньги за вино, коихъ выслано къ нему и мало, и поздно; остальные ассигнованы въ палатѣ, въ коей нѣтъ ни наличныхъ, ни ожидаемыхъ: ибо всѣ почти уже предназначены на другіе предмѣты. Тутъ есть какая-нибудь ошибка въ экспедиціяхъ или департаментахъ. Между тѣмъ здѣсь платежи остановились, хотя вино принято и севодни или завтра уже отправляется. — Вы довольно знаете здѣшнихъ людей и ихъ нужды. Всѣ сроки хлѣбныхъ поставокъ обыкновенно берутся до воды. Отсюда толпа требованій и множество шуму; но какъ я шуму не люблю, да и дѣло не мое, — то и пишу къ министру правду, но безъ настоянія и пишу какъ о предметѣ для меня постороннемъ. Собственный же мой предметъ есть донести ему, что здѣсь появились кучи серебра; что при сборѣ податей во многихъ селеніяхъ ассигнацій нѣтъ, а серебра не берутъ, хотя поселяне рады платить его и по курсу, то есть по 380, и слѣд. съ потерєю 3 коп. на рубль. Предметъ сей заслуживаетъ уваженія, если не теперь, то на будущее время: ибо съ новаго года должно предвидѣть еще болѣе затрудненій. Серебро большею частію входитъ чрезъ литейные сборы и оттуда чрезъ заводы за хлѣбъ льется въ народъ. Я не представляю никакого мнѣнія, впер-

выхъ потому, что и самъ дѣйствительно ничего твердаго и положительнаго не имѣю, а во-вторыхъ не хочу выставляться и, сверхъ того, полагаю, что въ министерствѣ предметъ сей уже обдуманъ и опредѣленъ; настою только, что опредѣлить его тѣмъ или другимъ образомъ нужно. Впрочемъ и сіе настояніе основано на формальныхъ донесеніяхъ, ко мнѣ вошедшихъ. Увѣренъ, что и по другимъ губерніямъ встрѣтится тоже. Сравнительный тарифъ внутренняго обращенія серебра съ ассигнаціями необходимо нуженъ.

Безъ сего и взысканіе податей будетъ крайне затруднительно, и въ литейныхъ сборахъ съ будущаго года казна не дочтется знатныхъ суммъ. Я всегда твердилъ, что въ Россіи много серебра, подавленнаго ассигнаціями. Лишь только приподняли сію тяжесть, оно и появилось. И не думайте, чтобъ оно пролилось сюда съ биржи или отъ таможенъ. Вы знаете связь здѣшней торговли, она ничего почти общаго не имѣетъ съ виѣшнею. Истинныя причины суть три: 1) возвышеніе ассигнацій въ настоящемъ, 2) увѣренность возвышенія въ будущемъ и 3) приливъ фальшивыхъ ассигнацій (гнѣздо ихъ должно быть въ Казани и Оренбургѣ). Поселяне всѣхъ бѣленькихъ бумажекъ боятся, какъ огня не потому, чтобъ слѣдствія были безразсудно строги; но все слѣдствія, и потеря почти неминуемая, внезапная и для поселянина разорительная:

(*) См. Р. Архивъ 1869, стр. 1682 и 1966, и Р. Архивъ 1870, стр. 880.

посему - то они охотиѣе принимаютъ съ вѣрною потерей 3-ти на сто серебро, нежели ассигнаціи.

II.

Пенза. 30 Апрѣля 1818.

Проситься въ отпускъ при настоящемъ кипѣніи умовъ считаю я крайне неосторожнымъ. Подробнѣе о семъ поговорю послѣ.

Знаете ли, что Д. Александровичъ *) распоряжаетъ уже въ письмѣ своемъ ко мнѣ о Бриловскомъ заводѣ, съ нарочнымъ полученномъ, кому занять въ комитетѣ о постройкѣ сего завода мое мѣсто во время моего отсутствія! — Я вхожу и охотно войду во все его предположенія, бывъ увѣренъ не только въ истинной пользѣ ихъ, но и въ необходимости. Тѣмъ хуже для неумѣренныхъ и притязательныхъ либералистовъ. Нужно поставить напору ихъ твердый оплотъ.

Не заботьтесь о вашемъ винѣ (какой странный переходъ!): оно будетъ помѣщено самымъ выгоднымъ образомъ. Въ здѣшнюю губернскую поставку мы его не включили потому, что цѣны были низки: 2,60 коп. Сего требовали разныя мѣстныя соображенія; но и тѣ, кои доселѣ вошли въ сію поставку, сожальютъ уже о дешевизнѣ. Не достаетъ въ пропорцію еще около 200 т. ведръ; а Нижегородская еще и не начиналась здѣсь. Словомъ, прошу быть спокойнымъ. — О сплавѣ вашего вина вы вѣроятно имѣете уже донесеніе: все и частное, и казенное вышло изъ нашей губерніи прѣблагополучно, хотя воды весьма были малы: точность распорядка одна могла

*) Гурьевъ, министръ финансовъ.

замѣнить сей недостатокъ. Смѣю въ семъ случаѣ похвалиться полиціею.

Магницкой на сихъ дняхъ, и именно 3-го Мая, отправляется въ Москву. Онъ простился со мною заочно, находя неудобнымъ по болѣзни его жены заѣзжать въ Пензу. Я снабдилъ его всеми отеческими наставленіями скромности и молчаливости въ эпоху столь шумную и можно сказать деликатную. Не знаю, будутъ-ли уважены мои совѣты: не надѣюсь. Постарайтесь и съ вашей стороны, естли встрѣтитесь случай, его воздерживать. Сердце его исполнено добра и страха Божія; но языкъ все тотъ же.

Р. С. Съ сею почтою отвѣчаю Д. А. на письмо его о Бриловскомъ заводѣ, ограничиваясь только настоящимъ и слегка упоминая только о предположеніи его о моемъ отсутствіи. — Строеііе завода идетъ прекрасно. Смѣю ручаться, что это можетъ быть первое огромное казенное зданіе, при строеніи коего никто не поживится ни копѣйкою; тутъ и *пушку на рыльцѣ нѣтъ*.

III.

Пенза. 7 Мая 1818.

Ожидаю съ часу на часъ графа Несельрода и надѣюсь въ сладость съ нимъ побесѣдовать.

Пусть Карамзинъ меня бранить, сколько угодно; а я хвалить Исторію его не престану. Разность между нами та, что онъ бранить меня не зная; а я хвалю его съ основаніемъ. Исторія его есть монументъ, воздвигнутый въ честь нашему вѣку и словесности.

И вы, я думаю, собираетесь на дачу; а у насъ прекрасная весна уже почти прошла, и мы наслаждаемся дѣ-

томъ. Для чего вы не въ Пензѣ или для чего Пензенской климатъ не въ Петербургѣ!

IV.

Пенза. 21 Мая 1818.

Наконецъ видѣлся я съ графомъ Нессельродомъ и нашелъ въ немъ того же любезнаго и умнаго человѣка, тотъ же твердый и кроткій характеръ, какой всегда въ немъ находилъ. Словомъ, онъ не перемѣнился со мною ни на волосъ. Ожидаю на возвратномъ его пути изъ Саратовскихъ его деревень. Черезъ него я буду имѣть случай изъяснить Дмитрію Александровичу всю мою признательность *).

Московскія вѣсти, о коихъ къ вамъ писалъ, здѣсь еще не утихли. Жалкой и смѣшной анекдотъ: на сихъ дняхъ явилась здѣсь княгиня Максютова, которую, думаю, вы знаете. Испуганная слухами и послѣдую примѣру или словамъ сосѣдей, она уклала все въ сундуки, чтобъ по первому слову бѣжать въ Пензу со всѣмъ своимъ имуществомъ **). Мы насилу могли ее здѣсь успокоить.

Здѣсь одинъ умный человѣкъ вопрошалъ: для чего бы генералъ-губернаторамъ или вице-губернаторамъ, коихъ опредѣлить предполагаютъ, не дать прежде всего порученія, обзрѣвъ ввѣряемыя имъ губерніи на правѣ сенаторовъ, вникнуть въ дѣйствительныя потребности управленія и въ мѣстныя народныя нужды, истребовать мнѣнія лучшихъ и благоразумнѣйшихъ людей, сообразить свѣдѣнія и потомъ собраться въ Петер-

бургъ для представленія всѣхъ сихъ соображеній министерству и потомъ Государю. Сіе было бы средствомъ начать исправленіе съ истинныхъ его основаній. Въ полгода симъ образомъ болѣе можно бы было сдѣлать истиннаго добра, нежели въ цѣлый вѣкъ работы отрывочной и случайной; изъ сего можно бы было вывести самыя благотворныя и обширныя учрежденія. Для чего бы сего не сдѣлать? Не мнѣ конечно и не вамъ на сіе отвѣчать.

V.

Пенза. 27 Мая 1818.

Вчера проводилъ я графа Нессельрода. Мы разстались, какъ повстрѣчались, то есть добрыми друзьями.... Онъ самыхъ вѣрныхъ и положительныхъ правилъ; человѣкъ чуждый всѣхъ фантазій легкомысленныхъ и невмѣстныхъ; словомъ *excellente tête*. — Приѣздъ его и примѣръ его земледѣльческихъ предположеній принесъ уже намъ ту пользу, что содѣйствовалъ къ разсѣянію и утоленію страховъ. Вамъ безъ сомнѣнія уже извѣстно путешествіе всего Двора съ Сентября мѣсяца въ чужіе края; къ тому времени вѣроятно что нибудь сдѣлаютъ положительное, чтобъ пресѣчь возникшія недоумѣнія. По истиннѣ недоумѣнія сѣи на каждомъ почти шагу встрѣчаются съ большимъ или меньшимъ безпокойствомъ. Благородный и возвышенный образъ мыслей Государя одинъ составляетъ всю надежду, и все ручательство.

Вчера мы сдѣлали путешествіе въ Ханеневку. Хлѣбы у насъ прекрасные, и все бы было хорошо, если бы мы менѣ боялись перемѣнъ.

*) Нессельродъ—зять Д. А. Гурьева.

**) По поводу слуховъ о свободѣ крестьянъ.

VI.

Пенза. 26 Іюня 1818.

Пользуясь отиравленіемъ нарочнаго по дѣламъ Бриловскаго завода, хочу побесѣдовать съ вами, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, о дѣлахъ общихъ.

Здѣсь во время ярмонки при стеченіи дворянства разнесся слухъ, что въ Саратовской губерніи двѣ большія деревни, одна С. С. Уварова, а другая Злобина, отложились отъ повиновенія. Къ сему прибавляютъ, что крестьяне сихъ деревень, люди острые и промышленные, жалуются не на отягощеніе оброка или работы, какъ то прежде при таковыхъ случаяхъ обыкновенно бывало, но имѣнно утверждаютъ, что, бывъ вольные, они готовы нанимать землю, если докажутъ еще иль, что сами они не имѣютъ на нее права. Вы можете себя представить толки отъ сего происшедшіе. Я не могъ еще дойти до истинны; но въ смѣшеніи ложныхъ или истинныхъ страховъ и дойти до сего трудно. Въ нашей губерніи, слава Богу, еще все спокойно; хотя и есть нѣкоторое частное броженіе; но степень его еще по счастью маловаженъ.

Должно-ли утѣшаться тѣмъ, что не нашу сотню рубятъ!

Цейсръ сообщилъ мнѣ исторію кадетскаго іеромонаха *) и заключенія отъ нея къ Лабзину происшедшія. Вы знаете, что съ Лабзинымъ я совсѣмъ почти не знакомъ; но по общему правилу не вѣрить злымъ слухамъ безъ очевидности, не вѣрю я и ему.

Хотя не уважаю и никогда не уважалъ ни пророчествъ его, ни системъ

*) Фотія.

ему свойственныхъ; но не могу представить себя, чтобъ онъ здѣлался иконоборцомъ. Естьли все сіе справедливо: то что же мы оставимъ злословію человѣческому обыкновенно двѣ трети прибавляющему? Его еще и при мнѣ подозрѣвали въ какихъ-то сокровенностяхъ, но я думалъ и теперь еще думаю, что онъ самъ разпустилъ о себѣ сіи слухи по свойственному ему самолюбію и чванливости.—Люди, и особливо люди слабые, любятъ, чтобы ихъ почитали чудными и необыкновенными. Какъ бы то ни было, вообще нельзя не желать, чтобъ менѣе было мистицизма и болѣе приверженности къ истинной вѣрѣ и любви къ человѣкамъ: ибо въ семъ одномъ состоитъ по моему мнѣнію вся тайна нашей религіи: въ вѣрѣ и любви.

VII.

Пенза. 23 Іюля 1818.

Между тѣмъ, какъ всѣ безъ сомнѣнія докучаютъ вамъ, чтобъ мнѣнія и представленія ихъ въ сенатъ были утверждены, я прошу вашего пособія въ томъ, чтобъ пріостановить утвержденіе моего мнѣнія по дѣлу, въ запискѣ при семъ прилагаемой изображенному. Любя Пензу, вы не поскучете сими подробностями. Сура немного выше города имѣетъ заливъ *Калишинымъ затономъ* именуемый. Сей заливъ посредствомъ низкихъ и болотистыхъ мѣстъ нѣкогда имѣлъ сообщеніе съ рѣкою Пензою, но потомъ сообщеніе сіе по общей обсушкѣ болотистыхъ мѣстъ прервалось; въ дождливые только годы оно иногда возобновляется. Очкняъ, а по немъ Араповъ устроили извѣстную вамъ на

рѣкѣ Суры мельницу, въ прочемъ важнаго дохода имъ не приносящую; въ концѣ сего залива сдѣлали они плотину, дабы преградить еще болѣе теченіе воды изъ Суры въ Пензу и усилить ее на мельницѣ. Чирыковъ въ 1813-мъ или 1815-мъ году вошелъ въ протестъ и доказывалъ, что сею плотиною осушилась рѣка Пенза. Слѣдствіе, произведенное губернскимъ правленіемъ, опровергло сіе показаніе. Сенатъ однакоже слѣдствію сему не повѣрилъ и приказалъ мнѣ сіе пересмотрѣть и повѣрить на мѣстѣ. Не бывъ предупрежденъ ни чѣмъ просьбами, я разсматривалъ дѣло сіе со всѣмъ безпристрастіемъ и утвердилъ заключеніе губ. правленія до меня бывшее: то есть, что плотина, поставленная на заливѣ Суры, не есть причиною уменьшенія воды въ Пензѣ. Минувшее лѣто было сухое, а нынѣшнее дождливое. Опытъ нынѣшняго лѣта показалъ, что вода дѣйствительно прибыла въ Пензѣ, и рѣчка наша сдѣлалась рѣкою. Я приказалъ переслѣдовать и открылъ, что плотина прорвалась, и Сура пошла въ Пензу. Остается теперь разсмотрѣть, можетъ ли сіе быть для города полезно и не затопить ли низкихъ мѣстъ. Изслѣдованіемъ сего вопроса теперь я занимаюсь и если найду полезнымъ для города, то никакъ не усомнюсь войти въ сенатъ съ повинною, что въ первомъ моемъ заключеніи я ошибся, чтѣ въ прочемъ мнѣ, какъ не гидравлику, и весьма естественно, и потому просьба моя на сей разъ состоитъ только въ томъ, чтобъ на нѣкоторое время пріостановить разрѣшеніе сената на мое первое представленіе. Дѣло

сіе въ прочемъ по существу своему и не настоятельно и не требуетъ поспѣшности.

P. S. Весьма благодаренъ вамъ за совѣты и помощь вашу П. Г. Мосальскому въ продажѣ Великополя. Бога ради ударьте во всѣ колокола, чтобъ не пропустить сего золотого и можетъ быть послѣдняго случая къ продажѣ въ казну.

Полная довѣренность на продажу дана Хр. Я. Лазареву, а отъ него передана *меньшому его брату*. Подробности же дѣлопроизводства поручены повѣренному его живущему въ его домѣ *Алексѣю Егорову Клопову*. Не жалѣйте естаетъ, естьли бъ сіе было нужно. Поповъ долженъ быть уже въ Петербургѣ.

VIII.

Пенза. 8 Августа 1818.

Дружескому попеченію вашему, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, ввѣряю слѣдующую мою просьбу.

Давно уже намѣренъ я былъ просить Государя украсить и усладить пребываніе мое здѣсь званіемъ сенатора, оставивъ въ прочемъ меня при настоящемъ мѣстѣ. Положеніе мое и смыслъ указа, коимъ я былъ сюда опредѣленъ, предписывали мнѣ искать сего необходимаго дополненія; а милости Е. В. указывали мнѣ къ сему надежный путь. Просьбу мою о семъ полагалъ я обратить прямо по почтѣ въ собственныя руки чрезъ Сергѣя Кузмича, яко непосредственнаго моего начальника, который и по справедливости и по благорасположенію могъ ее подкрѣпить своимъ словомъ. Васъ хотѣлъ я о семъ увѣдомить за извѣстіе.

Между тѣмъ съ тѣмъ же нарочнымъ, съ коимъ получилъ я письмо ваше, дошло ко мнѣ изъ вѣрныхъ рукъ и нынѣ отъ того, кого вы называете *extrêmement bouffonné*, положительное свидѣніе, что при образованіи генералъ-губернаторовъ есть намѣреніе и меня причислить къ ихъ лику. Сіе свѣдѣніе не перемѣнило вовсе прежняго моего намѣренія, но перемѣнило образъ его направленія, — Ежели въ то время, какъ получите вы сіе письмо, мысль о генералъ-губернаторствѣ будетъ уже довольно соарѣлюю и положительно вѣроятною: тогда очевидно, что просьба моя о сенаторствѣ будетъ уже шагъ совершенно излишній, коего никакъ не хотѣлъ бы я сдѣлать. Но ежели генералъ-губернаторство есть только предположеніе, можетъ быть отложенное до возврата изъ за границы: тогда не хотѣлъ бы я, увлекаясь надеждою можетъ быть и тщетною, къ большому, потерять случай получить благовременно хотя и меньшее, но для меня здѣсь весьма выгодное и желательное. Вотъ линія довольно тонкая, но дружба ваша легко можетъ различить ее и на ней удержаться. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: какъ узнать, совершится ли предположеніе о генералъ-губернаторствѣ?—Къ разрѣшенію его можно, кажется, употребить слѣдующія средства: 1) письмо при семъ прилагаемое къ графу Нессельроду доставить вамъ случай узнать подробности его мнѣніе (не объявляя однако же ему, что я отъ него знаю; слухъ о семъ былъ и есть общій). Я пишу къ нему откровенно и прошу его дать вамъ въ семъ случаѣ совѣтъ. 2) Около 15-го

Августа, предъ самымъ почти совершеніемъ сего дѣла, ежли оно должно совершиться, быть не можетъ, чтобы не знали о немъ люди хотя нѣсколько приближенные: ибо не одного меня тутъ имѣютъ въ виду, а многихъ, а по многимъ и обо мнѣ судить будетъ можно.

Ежели по всемъ симъ соображеніямъ вы найдете, что первое намѣреніе довольно имѣетъ твердости: тогда прошу васъ оставить приложенное при семъ письмо къ Сергѣю Кузмичу безъ всякаго дѣйствія. Ежели же напротивъ найдется, что намѣреніе сіе или вовсе или на долго отсрочено: то я прошу васъ, избравъ время, представить письмо мое С. Кузмичу лично и повторить ему словесно, что я ввѣряю его совершенно въ его распоряженіе такъ, что ежели бы паче чаянія не имѣлъ онъ надежды успѣха, то я прошу его и не заботиться. Нѣтъ нужды, ежли въ соображеніяхъ и изысканіяхъ вашихъ пройдетъ нѣсколько времени. Довольно, ежли письмо подано будетъ за два или за три дни до отбытія Е. В.: ибо къ рѣшенію дѣла довѣдетъ одно Его слово.

Графъ В. П. Кочубей *) долженъ быть уже въ Петербургѣ. Увидаясь съ нимъ, вы можете откровенно ему все сказать и попросите его совѣта.

Въ заключеніе скажу: нѣтъ бѣды, ежли просьба моя встрѣтится съ другимъ намѣреніемъ уже опредѣленнымъ; но мнѣ чрезмѣрно не хотѣлось бы сдѣлать лишній шагъ. Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.

*) Онъ всегда лучше всѣхъ знаетъ положеніе дѣла. Прим. Смерканскаго.

Р. С. Занявши васъ столь много своимъ дѣломъ, я молчу о вашемъ; по тутъ говорить нечего. Если vino и спиртъ не запродадите вы въ Петербургъ, то мы продадимъ его здѣсь, какъ скоро коммисіонеръ явится или какъ скоро дѣло сіе будетъ поручено здѣшнимъ. На винокурение же перваго мѣсяца у меня готовы уже способы. Араповъ уступаетъ т. е. передаетъ до 7 тыс. своей собственной поставки.

Проктъ письма къ Государю.

В. Г.

Два года почти протекли съ тѣхъ поръ, какъ в. в. благоугодно было опредѣлить меня въ настоящее званіе. Въ теченіи сего времени я всемѣрно старался достигнуть цѣли, которая мнѣ въ особенности была предназначена.

Свидѣтельствомъ совѣсти моей, паче же свидѣтельствомъ начальства, одобряюсь въ той мысли, что старанія мои были не безуспѣшны.

Всякій знакъ вниманія, отъ васъ, в. г., исходящій, для каждаго изъ подданныхъ вашихъ есть драгоценнѣйшій; но для меня въ особенности онъ превышаетъ всякую цѣну.

Примѣры губернаторовъ, кои, оставаясь при отправленіи ихъ должностей, не рѣдко отличаемы были званіемъ сенаторовъ, даютъ мнѣ смѣлость спрашивать равной милости.

Милости по истинѣ, а не награды; ибо въ кругѣ дѣйствія мнѣ опредѣленномъ, я не сдѣлалъ, можетъ быть и не могъ сдѣлать, ничего отличнаго.

Если въ семъ желаніи в. в. позволите найти что-либо несовмѣстное:

я прошу мнѣ его простить и покрыть свойственнымъ вамъ великодушіемъ.

В. И. В.

С.

Письмо къ С. К. почти такого же содержанія съ нѣкоторымъ только указаніемъ яснѣйшимъ на указъ, которымъ я былъ опредѣленъ.

IX.

Пенза. 13 Августа 1818.

Чрезъ два дни пускаюсь я въ Саранскъ, а оттуда на Бриловскій заводъ и въ нѣкоторые уѣзды всемілостивѣйше вѣренной мнѣ губерніи. Я привыкъ, не увлекаясь никакими надеждами, сколько на сей разъ ни кажутся они мнѣ положительны, жить въ настоящемъ и пасти вѣренное мнѣ малое стадо со всею бодростію и терпѣніемъ, какое только имѣть я могу.... Въ Сентябрѣ, и сіе во всѣхъ предположеніяхъ, полагаю отправить въ Петербургъ Лизу и Марью Карловну на зиму. Лизѣ остаться здѣсь одной никакъ не возможно; а Марья Карловна необходимо видѣться съ ея дѣтьми. Прошу принять наки подъ ваше могучее крыло; по о семъ еще успѣемъ подробнѣе побесѣдовать.

Здѣсь городъ наполненъ слухами объ учрежденіи областей. Дай Богъ къ лучшему.— Чтѣ дѣлается съ Магницкимъ? Онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Весьма жалко будетъ, если принудятъ его возвратиться на прежнее его мѣсто. Ему почти не возможно тамъ справиться. Такъ всѣ предубѣждены во вредъ его. По крайней мѣрѣ перемѣнили бы его губернію. Пишу вамъ о семъ откровенно въ томъ предположеніи, что можетъ быть онъ еще послушаетъ вашихъ совѣ-

товъ; моихъ же онъ давно и не слушаетъ и слышать не желаетъ. Я поистиннѣ не понимаю, какъ онъ можетъ управиться въ Симбирскѣ. Управленіе губерніи и безъ ненависти общей и даже при доброхотствѣ представляетъ такъ много затрудненій! Ради Бога старайтесь всемѣрно его отвлечь отъ сего края. Можетъ быть все сіе уже поздно; въ семъ случаѣ сохраните только сіе про себя.

X.

Пенза. 10-го Сентября 1818.

Графъ Сергѣй Козмичъ извѣстилъ меня съ сею почтою, что Государь принялъ просьбу мою весьма милостиво и оставилъ у себя. Слѣдовательно есть надежда въ исполненіи. Это все чего я желалъ и весьма благодаренъ вамъ, мой любезный Аркадій Алексѣвичъ, что вы все сіе распорядили и благовременно и точно по моему предположенію. Подробностей ожидаю отъ васъ съ обратнымъ нарочнымъ и сему одному приписываю ваше продолжительное молчаніе.

XI.

Пенза. 12-го Сентября 1818.

Излишнимъ считаю поручать вамъ и любезной вашей Вѣрѣ Николаевнѣ мою Лизу. Она видѣла уже столько опытовъ вашей любви, что сама должна заслуживать ея продолженіе и, надѣюсь, въ семъ успѣть. Оставить ее здѣсь одну безъ Марьи Карловны, я не имѣлъ никакой возможности, ни приличія; надѣюсь, что будущею зимою волей или неволей увижусь съ нею у васъ.

Не жалѣйте, что предположеніе моего сенаторства не сбылось. Дѣло на-

чалось; я увѣренъ, что будетъ и окончено; а мнѣ и нужно только сіе увѣреніе: ибо впрочемъ нѣтъ мнѣ нужды торопиться. Доколѣ не будетъ проданъ домъ и деревня, дотолѣ мнѣ службы оставить нельзя; но послѣ сего не останусь ни минуты: ибо въ независимомъ состояніи, я знаю всю цѣну свободы и ни на что на свѣтѣ собственною моею волею ея не промѣняю.

Пишу къ графу В. П. Кочубею во первыхъ, чтобъ припомнать себя, а во вторыхъ, чтобъ означить ему, что я совсѣмъ не восхищенъ предположеніемъ о областныхъ начальникахъ и съ моей стороны нынѣ же заявляю, что едва-ли можно ожидать какой либо пользы отъ сего учрежденія, если оно не будетъ приуготовлено другими предшествующими учрежденіями и появится одно.

XII.

Пенза. 15 Октября 1818.

Я думаю, что съ лѣтами приходитъ къ намъ какое-то малодушіе. Я, на-примѣръ, начинаю уже тѣжко беспокоиться о вашей продолжительной болѣзни. Жду и не могу дожидаться почты; къ сожалѣнію она не можетъ придти, какъ развѣ севодни вечеромъ.

У насъ въ Декабрѣ выборы. Партіи начинаютъ уже дѣйствовать или по крайней мѣрѣ точать свои орудія. Кишинскому хочется быть губернскимъ предводителемъ. Вы знаете, каковы губернскія интриги. Право тутъ столько же тонкости, по крайней мѣрѣ столько же сплетней, какъ и въ столицахъ. Я совершенно равнодушенъ и по праву моему, и по положенію. Предводитель ничего не можетъ значить, есть-

ли губернаторъ не беретъ взятокъ и немного разумѣтъ свое дѣло. Вы, я думаю, часто смѣтаете губернскимъ моимъ вѣстямъ и разсужденіямъ; но мѣсто обыкновенно почти болѣе или менѣе опредѣляетъ образъ мыслей.

XIII.

Пенза. 12 Ноября 1818.

Пожалѣйте о мнѣ: я въ рекрутскомъ наборѣ. Нѣтъ работы ни чернѣе, ни отвратительнѣе, ни прискорбнѣе, ни обиднѣе, ни вреднѣе для здоровья. Это можно назвать адскимъ чистилищемъ. Я всегда почти плачу двумя или тремя недѣлями болѣзни. И теперь уже голова моя начинаетъ мѣшаться. Прощайте и не ропщите на Провидѣніе!

XIV.

Пенза. 3 Декабря 1818.

Гдѣ взяли вы столько досугу, столько свѣжести мыслей и даже слога, чтобъ написать ко мнѣ длинное и прекрасное письмо ваше о Магницкомъ? Я знаю, какъ вы заняты, загроможены дѣлами, и какъ трудно среди служебныхъ хлопотъ имѣть время и мысли свободныя. — Весьма благодарно опредѣлили вы все, чего я могъ желать въ отношеніи къ Мих. Леонт. Сдѣлать болѣе сего было бы повредить ему, а я никогда не могу ни хотѣть сего, ни мыслить. Въ прочемъ, чтобъ разъ навсегда окончить сей скучный предметъ, для него самого будетъ въ послѣдствіи полезнѣе, если каждый изъ насъ пойдетъ своею тропинкою.

Мы здѣсь раззоряемся дешевизною хлѣба, а особливо гречи и овса, коего здѣсь родилось нынѣ такое обиліе,

что цѣны овса напр. стоятъ и теперь еще въ полтора и въ два рубля, а на крупу даже и требованій нѣтъ. Правда ваша, что есть ли бы не заводы, мы бы здѣсь при великомъ обиліи жили въ крайней бѣдности.

XV.

Пенза. 14 Января 1819.

Выборы наши кончились; губернскимъ предводителемъ остался почти по единогласному избранію Григорій Даниловичъ *).

У васъ въ Городищахъ уѣзднымъ предводителемъ Дмитрій Ал. Бекетовъ, коего очень хвалятъ. Въ прочемъ выборы наши были весьма тихи. Я чрезвычайно доволенъ; за всѣ знаки вниманія не могу и возблагодарить въ соразмѣрности. Третьяго дни я угощалъ все почти дворянство обѣдомъ; а севодни они меня угощаютъ баломъ. Не довольны Х..... и А.....; но надлежало положить конецъ притязаніямъ, къ коимъ, въ обиду и въ укоризну всему сословію, они были приучены слабостію или корыстолюбіемъ. Въ прочемъ и съ ними соблюдаются всѣ возможные пристойности. Выборы наши кончились; но когда же кончатся ваши? — Предваряю васъ, что чрезъ двѣ недѣли я начну проситься въ отпускъ; къ сему побуждаюсь я какъ совѣтами, такъ и тѣмъ, что мнѣ почти здѣсь дѣлать нечего. Губернія такъ поставлена, что можетъ идти и безъ меня. Дѣлъ кромѣ текущихъ почти нѣтъ; дѣйствительно всѣ очищены. Не думаю, чтобъ мнѣ отказали въ отпускѣ; а если откажутъ, то я подамъ въ чистую. Это почти и дѣйст-

*) Столыпинъ.

вительно цѣль моя; ибо всѣ дѣла мои пришли или приходятъ къ развязкѣ. Пора и давно уже пора!

XVI.

Пенза. 4 Февраля 1819.

Съ сею почтою посылаю письмо къ Государю Императору въ Собственные руки съ прозьбою объ увольненіи меня въ отпускъ на четыре мѣсяца, чрезъ графа Сергѣя Кузмича.—Причиною поставляю то, что есть и дѣйствительно, а именно желаніе и необходимость устроить участь моей дочери продажею дома въ Петербургѣ и деревни въ Новѣ-Городѣ.—Постарайтесь узнать подробности, какими дѣло сіе можетъ сопровождаться и меня уведомить въ случаѣ отказа. Въ прочемъ я буду просить неотступно и кончу прошеніемъ въ отставку. Я знаю, что симъ никому не угрожу, но обстоятельства мои дѣйствительно сего требуютъ; ибо оставаться долго губернаторомъ значитъ давать себѣ видъ корыстолюбія, коего я не имѣю и имѣть не могу.

XVII.

Пенза. 18 Февраля 1819.

Балы, спектакли, маскарады—какъ я радъ, что вся эта несносная суматоха кончилась. Жизнь губернаторская тѣмъ между прочимъ несносна, что вездѣ и во всемъ надобно быть на сценѣ и болѣе или менѣе дѣйствующимъ лицомъ.

У насъ въ субботу на масленицѣ, ночью, случилось жестокое происшествіе. Двое засѣдателей дворянскихъ, возвращаясь изъ уѣзда, вѣроятно пьяные, встрѣтились недалеко отъ города съ проезжающимъ. Остановили. Со-

III. 3

чтя ихъ разбойниками, онъ началъ стрѣлять изъ пистолета; пистолетъ осыкъся. Онъ за саблю; саблю вырвали и такъ его изранили, что онъ вскорѣ умеръ. Пьяные буяны не умѣли даже и смягчить сего произшествія тѣмъ, чтобъ представить его въ городъ; думали, что ночь все покроетъ; оставили его на мѣстѣ и возвратились въ городъ. Въ ту же ночь извожикъ все обнаружилъ, и они въ тюрьмѣ. Нашлось, что сей неизвѣстный былъ прикащикъ Армянина Калантарова, отправленный изъ Саратова во Владимірѣ. Пожитки его найдены цѣлыми.

Пишу къ вамъ для того во первыхъ, что вѣроятно слухъ о семъ дойдетъ и къ вамъ и дойдетъ въ увеличенномъ видѣ; а во вторыхъ, чтобъ дать вамъ или, лучше сказать, возобновить понятія ваши о дворянскихъ выборахъ. Засѣдатели сіи съ иголки только выбраны и двѣ недѣли, какъ вступили въ отправленіе ихъ должности. Я нарядилъ особенную комиссію, чтобъ дать слѣдствію надлежащую гласность.

XVIII.

Пенза. 11 Марта 1819.

Отъ васъ давно уже ни слова, а мнѣ на просьбу мою объ отпускѣ грозятъ отказомъ. Я ничего еще не получилъ въ отвѣтъ; но готовъ перенести и отказъ въ молчаніи, не измѣненія (ибо мщеніе вообще означаетъ слабость, а въ безсильномъ даже смѣшно;) но по сущей необходимости я долженъ буду просить отставки.—Не опасайтесь однакоже; я не сдѣлаю сего шага не обдумавъ и не испытавъ напередъ всего.

РУССКІЙ АРХИВЪ, 1871. 13

Меня стращаютъ такъ же отказомъ и въ покупкѣ Великополя. Не можете-ли вы узнать о семъ чего нибудь положительно отъ Н. Н. Муравьева и меня увѣдомить? По отзыву его я намѣренъ просить всемилостивѣйшаго Государя, чтобъ въ милость мнѣ взяли сіе имѣніе въ казну по оцѣнкѣ, за что будетъ угодно. Не думаю, чтобъ захотѣли взять его за безцѣнокъ.

У насъ другую недѣлю живетъ братецъ вашъ Николай Алексѣевичъ:—образецъ военнаго ума, твердости и самаго здраваго разсудка? Для меня сущая находка; и по счастью онъ проживетъ съ нами до самаго послѣдняго зимняго пути. Я никакъ не воображалъ столько свѣдѣній даже и въ тѣхъ предметахъ, кои съ родомъ службы его не имѣютъ близкаго свойства. Настоящій генералъ ¹⁾.

¹⁾ По смерти Н. А. Столыпина осталось нѣсколько записокъ, касающихся военной части. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны, другія остались въ рукописи. Большая часть перемѣнитъ которая онъ предлагалъ, въ настоящее время введены въ нашихъ войскахъ. Есть записки противъ учрежденія военныхъ поселеній. Въ книгѣ, изданной въ память столѣтняго юбилея ордена Св. Георгія, въ спискѣ кавалеровъ значится, что П. А., 31 Іюля 1811 г., въ чинѣ полковника получилъ Георгія 1-й степени; въ сущности же, какъ видно изъ рапорта его къ генералу Граббе, дѣло, въ которомъ онъ заслужилъ это отличіе, происходило 16 Октября 1811 г., въ 11 верстахъ отъ Витебска. Командуя въ чинѣ подполковника отдѣльнымъ отрядомъ, онъ съ бою взялъ два орудія, при чемъ взяты въ плѣнъ бригадный генералъ Пуже и нѣсколько офицеровъ въ числѣ многихъ плѣнныхъ изъ нижнихъ чиновъ. Какъ памятникъ этого славнаго дѣла и теперь хранится въ деревнѣ, оставшейся послѣ Н. А., сѣдло покрытое малиновымъ бархатомъ и принадлежав-

Письмо къ Тургеневу есть отвѣтъ на присланные отъ него первые листы перевода моего о подражаніи. Печать прекрасная.

XIX.

Пенза. 17 Марта 1819.

Сколько минувшая почта была прискорбна, столько нынѣ обрадованъ я письмомъ вашимъ, чрезъ Алексѣя полученнымъ. Надобно, чтобъ всѣ пріятныя извѣстія приходили мнѣ чрезъ насъ. Я вижу берегъ и конецъ всѣмъ моимъ заботамъ. Тогда останутся у меня одни обязанности, одно чувство: любить друзей моихъ и бесѣдовать съ ними о прошедшемъ, и болѣе еще о будущемъ.

Графа Аракчеева вмѣстѣ съ симъ благодарю особеннымъ письмомъ. Николаю же Назарьевичу прошу нарочно и именно сказать, что я съ лиш-

шее ген. Пуже. Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ изъ начальниковъ кавалерійской дивизіи военнымъ губернаторомъ въ Севастополь, гдѣ открылась чума, и во время происшедшаго тамъ возмущенія былъ убитъ. Въ одной напечатанной статьѣ, изображая эти происшествія, упрекалъ его въ слабости дѣйствій за это время, но чтобы понять трудность положенія, въ которомъ онъ находился, нужно замѣтить, что онъ былъ назначенъ на эту должность изъ полевыхъ войскъ, помимо морскихъ начальниковъ, въ городѣ, который состоялъ исключительно изъ моряковъ и во 1-хъ, такъ какъ впереди возмутителей стояли всегда женщины и дѣти, то согласно сказанному имъ тогдашнему Таврическому губернатору А. И. Казначееву, обязательно симъ послѣднимъ мнѣ переданному, ему приходилось (по случаю чумы воспрепятствующей всякое ближайшее столкновеніе съ оцѣненными) дѣйствовать огнемъ противъ женщинъ и дѣтей. Оставивъ вопросъ о ослабленіи въ сторонѣ, и по закону это воспрещается прежде, чѣмъ всѣ другія мѣры истощены *Дм. Столыпинъ*. См. Р. Арх. 1866, стр. 275.

комъ много имѣю опыта въ дѣлахъ, чтобъ не умѣть распознать каждое благотворное движеніе, каждую мысль и слово въ мою пользу. Не пишу къ нему, потому единственно, что не потерялъ еще надежды лично его благодарить.

Вопросъ о деньгахъ:..... Первой и самый святой долгъ Краузе, въ слѣдъ за тѣмъ Дазеру чрезъ Цейера до 4-хъ или 5-ти тысячъ, остальные за тѣмъ я просилъ бы васъ положить въ банкъ до моего пріѣзда. Если же я не получу отпуска, то пришлю вамъ росписаніе. Изъ всей этой кучи денегъ не достанется мнѣ увидѣть у себя въ карманѣ ни одной копѣйки. Къ Попову я пишу, чтобъ сдать все въ наилучшемъ порядкѣ и не прикасался бы ни къ мебелимъ и ни къ чему, что осталось въ Великопольѣ. Тутъ стыдно имѣть какіе-либо мелкіе расчеты. Признаюсь, что я почти не ожидалъ столько великодушія или снисхожденія. Это весьма много меня ободряетъ. Мнѣ кажется, судя по сему поступку, что не откажутъ мнѣ и въ отпускѣ, хотя дадутъ его и позже, нежели я думалъ. Но я такъ почти и рассчитывалъ, и отлагательство сіе находилъ весьма естественнымъ.

Распорядокъ вашъ о домѣ моемъ совершенно согласенъ съ моими мыслями. Дубенскій здѣсь уже заговаривалъ мнѣ о покупкѣ его; я ему со временемъ представлю такія удобства, что онъ не можетъ отказаться отъ покупки. Дѣло сіе я также считаю конченнымъ.

И такъ до свиданія, любезнѣйшій; не уже-ли это правда, что двери радости не навсегда еще для насъ за-

творены? Я едва могу сему вѣрить: такъ боюсь обмануться; такъ привыкъ я быть готовымъ къ однимъ неудачамъ. Великополье одно могло оживить мои увядшія надежды.

XX.

Пенза. 1 Апрѣля 1819.

Другой уже день, какъ знакомлюсь я съ новымъ своимъ положеніемъ и никакъ еще не могу ознакомиться. Не могу привести въ порядокъ идей моихъ, чтобъ писать къ вамъ вразумительно.

Что и ни дѣлалъ, чтобъ избѣжать Сибири, и никакъ не избѣжалъ. Мысль сія, какъ ужасное ночное привидѣніе, преслѣдовала меня всегда, начиная съ 17-го Марта 1812 года, и наконецъ постигла. Странное предчувствіе! Въ судьбѣ моей есть нѣчто суевѣрное.

Чувство, кажется, имѣетъ извѣстную только степень гибкости. Не понимаю, какъ легко перенесъ я двѣ первыя ссылки; несравненно легче, нежели сію третью; хотя формы первыхъ были страшнѣе, но за то тамъ была внезапность и необходимость, а здѣсь долженъ я самъ рѣшиться и чувствовать, какъ тлѣю на маломъ, постепенномъ огнѣ.

Ропотъ-ли сіе?—Совсѣмъ нѣтъ; тутъ перстъ Провидѣнія такъ очевиденъ, что безумно было бы роптать. И сверхъ того назначеніе сіе сопровождается такими милостями, такими вѣроятностями лучшаго, что я долженъ быть еще благодаренъ въ то самое время, какъ сердце мое растерзано.

Постараюсь однакоже скрѣпясь написать вамъ съ нѣкоторою ясностію послѣднее мое завѣщаніе; это настоя-

пная духовная: ибо, мнѣ кажется, я отправляюсь прямо на тотъ свѣтъ ¹⁾...

Я предлагаю Цейеру отправиться на тотъ свѣтъ со мною. Думаю, что сіе полезно ему будетъ въ двухъ отношеніяхъ: *первое* послужить ему лучшимъ лекарствомъ въ родѣ его болѣзни; *второе* дастъ ему въ послѣдствіи заслугу и право просить увольненія съ пенсією, право, коего нынѣ онъ никакъ имѣть не можетъ. Для сего даю ему письмо къ графу А. Андренчу; онъ же будетъ мнѣ и полезенъ.—Къ нему присоединяю я и Жоржа Вейкарта. Надѣюсь, что практика скорѣе его научить, нежели пустая ихъ школа ²⁾. Мать сего желала, и я не могу

¹⁾ Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что назначеніе мое собственно есть: изслѣдовать злоупотребленія, составить на мѣстѣ новый планъ управленія Сибири и планъ сей привести съ собою въ Петербургъ. Это между нами. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

²⁾ Нельзя полагать, чтобъ это были слова, вырвавшіяся такъ сказать изъ подъ пера; не сталъ бы Сперанскій отымать молодого человѣка отъ ученія, еслибъ онъ полагалъ, что ученіе это будетъ служить подготовкой къ жизни. Что же это была за пустая школа?—Основанія тогдашнихъ и теперешнихъ школъ одинаковы. Не сестъ ли это указаніе, что уже въ то время общественное образованіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно преподавалось, считалось недостаточнымъ, или пожалуй пустымъ по выраженію Сперанскаго,—общественное образованіе, которое составляетъ предметъ столькихъ споровъ и въ настоящемъ. Казалось бы весь споръ сводится къ слѣдующему: упрекаютъ старое воззрѣніе на образованіе въ томъ, что оно ведетъ къ риторикѣ, резонерству, абсолютнымъ и предвзятымъ идеямъ. Желательно бы дать учащимся полное и широкое познаніе основныхъ законовъ, правилъ міромъ. Незнающій оныхъ будетъ вездѣ искать абсолютное, а такъ какъ абсолютнаго въ жизни нѣтъ, то онъ создаетъ себѣ произвольные абсо-

ой отказать, да и надѣюсь въ прочемъ, что молодой человѣкъ, начавъ съ Сибири, не кончитъ ею.

Я полагаю отсюда выѣхать, какъ скоро путь и рѣки дозволятъ, такъ что въ первыхъ числахъ Мая я буду уже въ Казани, гдѣ и съѣдусь съ канцелярією, изъ Петербурга отправляемою, и съ Цейеромъ, естли онъ рѣшится. Посему съ 15-го Апрѣля пишите ко мнѣ въ Казань; а съ 1 Мая уже въ Тобольскъ; ибо я въ Казани болѣе 10-ти дней не останусь. Мое намѣреніе есть нынѣшнимъ же лѣтомъ быть въ Иркутскѣ, пробывать тамъ всю осень и зиму и съ весною возвратиться въ Тобольскъ, откуда, судя по обстоятельствамъ, пуститься въ Петербургъ; такимъ образомъ весь кругъ сей и всѣ предназначенныя мнѣ работы надѣюсь совершить въ опредѣленный и предписанный мнѣ срокъ, почти въ полтора года.—Странно! Я говорю о Тобольскѣ и Иркутскѣ точно, какъ у васъ говорятъ о загородней прогулкѣ или по большей мѣрѣ о поѣздкѣ въ Новгородъ и въ Москву.

Неужели не будете вы ко мнѣ писать въ Сибирь?—Вамъ будетъ это грѣшно. Естли письма ваши были для меня сущимъ утѣшеніемъ въ Пекзѣ, то въ Сибири они будутъ истинное сокровище. Не извиняйтесь недосугами; всегда досугъ написать къ

любимыя принципы. Въ мірѣ вѣчно измѣняемомъ, не зная законовъ измѣненій, онъ непремѣнно терится. Все это ведетъ къ предвзятымъ идеямъ и нѣкоторому упрямству въ жизни. Тяжелой практикой приходится измѣнять эти воззрѣнія, и это еще удастся только самымъ даровитымъ. *Примѣчаніе Д. А. Столыпина.*

другу нѣсколько словъ; подумайте, что за 6,000 верстъ и то уже находка, чтобъ знать, что тому мѣсяцъ назадъ такого то числа вы были живы и здоровы.

Теперь обращаюсь собственно къ дѣламъ вашимъ. То, что вы называете блистательными глупостями (въ двухъ письмахъ съ учителемъ Никольскимъ, весьма поздно полученныхъ) я бы не смѣлъ назвать симъ именемъ; но назвалъ бы *великими ошибками*. Такъ-то вы слушаетесь моихъ отеческихъ наставленій? — Поймите наконецъ изъ опытовъ, что служба *порывистая* есть лотерея, сущая азартная игра. Молодымъ людямъ можно ее простить; но намъ съ вами, по истинѣ, непростительно. Должно служить искренно, усердно, но всегда держать себя въ мѣрѣ. Выигрыши любочестія тутъ не столь велики, но за то вѣрны и въ концѣ счета несравненно лучше и даже для самой службы полезнѣе, нежели порывы воображенія. Вы имѣете сердце львиное, а по сіе время не обладаете еще вашимъ воображеніемъ. Первый залогъ всякаго успѣха есть желать только возможнаго и съ обстоятельствами сообразнаго. Развѣ вы не знаете школы эгоизма? Въ сей школѣ первая и послѣдняя буква я. Какимъ же образомъ хотите вы себя вмѣстить въ сію азбуку? Тутъ нѣтъ другихъ буквъ. Въ прочемъ желать возможнаго есть желать быть сенаторомъ; а для сего вамъ не нужно ничего болѣе, кромѣ постоянной работы и терпѣнія. О, сколь много краснорѣчиваго и убѣдительнаго сказать бы я вамъ о семъ прекрасномъ, блаженномъ званіи: быть сенаторомъ.

Это верхъ моихъ желаній, вся прелесть моего воображенія, цѣль и конецъ трудовъ Сибирскихъ. Какъ пристало бы сіе къ вашей подагрѣ и къ моей сѣдой головѣ!

XXI.

3 Апрѣля.

Сейчасъ (пол.) письмо ваше отъ 15-го Марта чрезъ комисіонера Арапова. Вамъ еще не извѣстна была судьба моя и естлибъ она оставалась въ сей неизвѣстности, то безъ сомнѣнія привела бы меня къ вашему заключенію; но теперь выбирать уже мнѣ нечего. Осталось предаться влекущей меня силѣ.

Въ прочемъ участь моя въ Петербургѣ представится мрачнѣе, нежели она есть въ самомъ дѣлѣ. Я уже вамъ намѣтилъ, въ чемъ состоитъ именно мое назначеніе и что срокъ моему путешествію есть самый болѣйшій полтора года; но сіе сообщаю вамъ за тайну; публично же вы должны увѣрять, что я отправляюсь въ Сибирь просто какъ генераль-губернаторъ, безъ всякаго опредѣленнаго срока; подкрѣпите сіе и тѣмъ предположеніемъ, что дочь моя вѣроятно отправится ко мнѣ по первому зимнему пути въ Тобольскъ. Я къ ней пишу, чтобъ она точно сіе утверждала, хотя въ прочемъ и не должна о семъ думать. Симъ увѣреніемъ, можетъ быть, скорѣе успѣете вы обрадовать и успокоить враговъ моихъ; въ прочемъ, правду сказать, я имѣю всѣ причины думать, что тутъ никто изъ нихъ не участвовалъ. Это прямо перстъ Божій и воля Государева, и слѣдовательно предметъ не ропота, но благоговѣнія и покорности.

Изъ Москвы получилъ я вчера извѣстіе, что на мое мѣсто назначается Ф. П. Лубяновскій. Какъ бы я сему былъ радъ и для него, и для себя, и для васъ, и для губерніи.—Естьли это еще не кончено, то поддержите сіе назначеніе у м. финансовъ при случаѣ. Ему нужно здѣсь имѣть добраго и умнаго губернатора; а таковъ и будетъ Лубяновскій; онъ будетъ искренно и усердно исполнять его порученія по службѣ; а это не бездѣлица въ настоящемъ положеніи винной части.

XXII.

Пенза, 15 Апрѣля 1819.

Къ чему нельзя привыкнуть? — Я привыкаю и къ своему новому положенію. Главная его выгода состоитъ въ томъ, что я надѣюсь въпервыхъ дѣйствительно сдѣлать нѣчто полезное для сего края и исполнить благія намѣренія правительства; а во вторыхъ положить и моимъ похождениямъ довольно благовидный и приличный конецъ.

Въ прочемъ наилучшая часть успокоенія моего отъ васъ зависитъ. Естьли вы приведете долговыя мои дѣла въ порядокъ мною предназначенный, то снимете съ меня самое тяжелое бремя и Сибирь сдѣлаете сносною.

Весьма обрадованъ я былъ опредѣленіемъ сюда Ф. П. Лубяновскаго ¹⁾. Надѣюсь, что онъ поддержитъ и даже усовершитъ все, чтò для блага губерніи мною было сдѣлано и предполо-

¹⁾ На сихъ дняхъ сюда его ожидаю и надѣюсь лично ему сдать губернію. Между тѣмъ сямъ добромъ правятъ теперь Тарасовъ. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

жено. Смѣю думать, что онъ найдетъ губернію въ устройствѣ не въ совершенномъ, но въ лучшемъ, какое по недостатку способно быть можетъ. Ваша правда, надобно имѣть много смѣлости, чтобъ рѣшиться быть гдѣ либо губернаторомъ. Безъ вины всегда можно быть виноватымъ. Требованія правительства и средства исполненія никакой не имѣютъ соразмѣрности.

У меня въ услуженіи было нѣсколько вашихъ инвалидовъ; а именно Антошка, чтò реветъ медвѣдемъ; Федоръ лакей; кучеръ Григорій; всѣхъ ихъ возвращаю вмѣстѣ и съ старою Діаною и съ сѣдломъ ея въ Столыпино. Беру съ собою одного мальчика, которой у меня служитъ жокеемъ (Ванюшка взятый съ конюшни) и теперь помогаетъ моему Лаврентью. Онъ не пропадетъ и не испортится. Былъ у меня на кухнѣ также одинъ вашъ мальчикъ поваренкомъ; когда я пересталъ здѣсь жить домомъ, то разсудилъ отдать его для васъ въ науку къ Н. А. Арапову. Чрезъ годъ изъ него выдетъ для васъ весьма порядочный поваръ добраго поведенія; вы можете его потребовать, когда разсудите. Кучера Григорья можете такъ же къ себѣ потребовать; онъ научился у меня ѣздить и править порядочно; малый изъ себя весьма видный и силы необыкновенной.

Нѣсколько словъ о Масальскомъ. Я знаю почти все, чтò противъ него сказать можно; но сведя общій счетъ мнѣ кажется, все еще онъ достоинъ вашего покровительства. Я знаю, что сіе имѣетъ свои неудобства; но взгляните на его непріятелей и вы найдете

его почти святымъ человѣкомъ въ сравненіи съ ними. Не отвергайте его отъ себя; разумѣется, сколько приличія и общее мнѣніе позволить могутъ; я говорю не отвергайте въ существенномъ, а не во внѣшнемъ съ нимъ обращеніи, которое можно распорядить по обстоятельствамъ. — Вы знаете, что я никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ интересныхъ и даже въ домашнихъ дѣлахъ рѣдко я ему, а всегда онъ мнѣ быть долженъ. Тысячу огорченій имѣлъ я отъ его медленности и запутанности; но никогда отъ его пристрастія или неправды. Привычка къ его усердію, привычка къ самымъ его недостаткамъ заставляетъ меня въ немъ участвовать. Присоедините къ сему кучу дѣтей, трудность его положенія, свойства его враговъ, — все сіе вмѣстѣ громко говоритъ предъ вами въ его пользу. Не отриньте его.

XXIII.

Пенза. 22 Апрѣля 1819.

Еще одно письмо изъ Пензы къ любезному моему Аркадію Алексѣвичу; но это уже послѣднее. Дни чрезъ два или три, какъ скоро позволитъ Сура, я отправляюсь. Первое мое письмо вы получите уже изъ Казани. Не могу миновать, чтобъ не провести одинъ день въ Симбирскѣ съ Александромъ Алексѣвичемъ, который ко мнѣ уже о семъ писалъ.

Доставляю такъ же въ вамъ письмо мое къ П. П. Попову. Вы вручите ему его вмѣстѣ съ аттестатомъ его тогда, какъ онъ къ вамъ явится по окончаніи сдачи, или отошлите и прежде, если разсудите. Люди изъ на-

дежды болѣе дѣлають, нежели изъ благодарности. По счету, при семъ письмѣ прилагаемому, нужно было съ нимъ разсчестся—щедро, широко, но безъ послабленія.

Разстаюсь съ Пензою, какъ съ моею родиною. Лучшіе чиновники просятъ со мною; но не хочу Лубяновскаго оставить одного между волками.

XXIV.

Казань. 13 Мая 1819.

Различіе нашихъ понятій о предлагаемомъ мнѣ подвигѣ происходитъ отъ того, что я не могъ вамъ въ письмѣ всего изъяснить. Вы считаете меня генераль-губернаторомъ и умствуете справедливо, хотя и съ лишкомъ мрачно; а инструкціи мои гласятъ, что я только ревизоръ, облеченный властію генераль-губернатора на время моего посланія и единственно для того, чтобъ дать сему посланію надлежащую и опредѣлительную силу. Отсюда происходитъ, что одна часть совѣтовъ вашихъ сама собою исполнена, а другая невозможна, потому что относится къ званію постоянному, а не къ посланію временному. Какъ могли вы себѣ представить, что я пущусь управлять Сибирью, кою никто и никогда управить не могъ? Правда, что меня могутъ туда сослать; но нѣтъ власти на землѣ, которая бы могла меня заставить тамъ быть дѣйствительно и постоянно ни генераль-губернаторомъ, ни намѣстникомъ, ни папою. Сослать же всякаго и изъ Пензы, и изъ Петербурга, даже изъ Парижа и изъ Лондона туда могутъ. Людей, коихъ вы называете моими врагами, я не боюсь. Если и

въ самомъ дѣлѣ они мои враги (въ чемъ однако же я всѣ причины имѣю сомнѣваться) то они давно уже процессъ свой противъ меня потеряли, а теперь еще и болѣе теряютъ. — Ежели вы порядочно разберете связи, то вы найдете, что не я у нихъ, но они у меня въ рукахъ, ежли только захочу я воспользоваться слабымъ ихъ положеніемъ. Переписка моя на сей годъ и на все время пребыванія моего въ Сибири ограничится можетъ быть двумя или тремя текущими донесеніями; а существенное я представлю или въ Петербургъ, или пришло изъ Ханеневки. Въ чемъ же будетъ состоять сіе существенное: того ни я теперь не знаю, ни они никогда не узнаютъ прежде, нежели я совершенно буду свободенъ. На прибытіе мое въ Петербургъ мнѣ нѣтъ причины просить дозволенія; я могу и даже обязанъ тамъ быть, какъ скоро предметы посланія моего окончу. Вотъ вамъ изъясненіе и отвѣтъ. Но это между нами. Въ обыкновенномъ же сношеніи пусть я останусь просто Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ; мнѣ весьма мало нужды, какъ будутъ о томъ думать другіе, лишь бы друзья мои были спокойны и не тревожили бы себя страхами пустыми.

Устройте денежные дѣла мои и въ прочемъ, мой любезный, вѣрьте, что есть предѣлъ и гоненіямъ и злобѣ человеческой. Я стою на послѣднемъ степеніи и увѣренъ, что ежли Богъ дастъ мнѣ здоровье, окончу возвратный путь мою къ покою и жизни безмятежной.

Не знаю, какъ пойдетъ далѣе; а путь мой начался прекрасно: слезами

и горестію Пензы. Погода была прекрасная; весь городъ былъ на берегу Суры, когда меня переправляли. Я самъ плакалъ какъ ребенокъ. Въ Сибирскѣ нашелъ себя среди моей родни въ домѣ Столыпиныхъ. — Казань для меня чужая. Скучные обѣды, посѣщенія и обычные обряды. Завтра отсюда отправляюсь. Изъ Тобольска буду къ вамъ писать болѣе. А здѣсь отъ утра до вечера люди.

XXV.

Тобольскъ. 30 Маія 1819.

И здѣсь, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, тоже небо, тотъ же солнечный свѣтъ, тотъ же Государь, страхъ-злымъ, Ангелъ-хранитель-всѣмъ добрымъ. Изъ сего вы видите, что я приступаю къ дѣлу съ сердцемъ твердымъ и безстрашнымъ. — Но приступъ мой тѣмъ различенъ отъ моего предметника, что онъ хотѣлъ всѣхъ устроить и все покорить единой своей власти; а я хочу сперва все видѣть, во всемъ удостовѣриться и потомъ сію массу добра и зла представить творческой силѣ Государя. Онъ одинъ здѣсь можетъ сказать: да будетъ свѣтъ и будетъ.

Я прибылъ въ Тобольскъ 24-го Маія на кануны Троицына дня. Къ покою, къ счастію нельзя болѣе спѣшить, какъ я спѣшилъ въ Сибирь. И теперь еще не понимаю, какимъ вихремъ насъ сюда несло. Рѣки всѣ въ разлитіи; на каждой почти станціи перевозъ, а на нѣкоторыхъ пять и шесть. Со всѣмъ тѣмъ, изъ Казани сюда 1500 верстъ мы сдѣлали въ 8-мь дней. Въ Перми пробыли сутки; вообразите противоположность моихъ чувствъ и ра-

дость тамошнихъ друзей моихъ.—Чудо быхъ многимъ. Въ Tobольскѣ принять я вообще хорошо. Это естественно: всѣ почти были удручены, одни страхомъ страшнаго суда, другіе долголѣтнимъ терпѣніемъ. Съ 27 вступилъ я въ должность и начинаю только раздѣлять толпу бумагъ, кои преслѣдовали и встрѣчали меня начиная отъ Казани. Въ три дни ничего еще видѣть съ подробностію не возможно; но много пособляютъ мнѣ прежнія мои Пермскія свѣдѣнія.

Между тѣмъ проскакалъ курьеръ сенатскій съ указомъ объ ассигнаціяхъ и привезъ мнѣ письмо ваше. Черезъ мѣсяцъ, вѣроятно, онъ возвратится. Вы спрашиваете: что вамъ дѣлать? Ничего, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, любить меня цѣлый годъ или два въ отсутствіи, платить и распутывать долги мои, окончить продажу дома и вотъ все; прочее все въ руцѣ Божіей и въ милостяхъ Государя. Онъ не оставитъ меня безъ куска хлѣба и не попуститъ, чтобъ въ угоду врагамъ моимъ, управленіе цѣлою частію свѣта было или имяновалось ссылкойю.

Старые кости Цейера доведены сюда благополучно; онъ здоровъ и вамъ кланяется всею длиною своего корпуса и всею прекрасною его душею.

XXVI.

Тобольскъ. 20-го Іюня 1819.

Естьлибъ вы знали, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, какъ пріятно получать письма отъ друзей въ Сибири, то конечно писали бы ко мнѣ чаще; на примѣръ письмо ваше отъ 30-го Маія въ коемъ ничего почти

нѣтъ, кромѣ переѣзда вашего на дачу, принесло уже мнѣ великое удовольствіе.

Что сказать вамъ о Сибири? Бездна зла и очень мало способовъ къ добру; въ прочемъ я вѣренъ своему правилу, чтобъ не дѣлать ничего существеннаго отрывками и все приводить въ одинъ составъ, который не иначе можетъ быть представленъ и рѣшенъ, какъ въ Петербургѣ. Изъ Tobольска на сихъ дняхъ отправляюсь въ Иркутскъ, куда настоятельно призываютъ меня дѣла и самыя худыя вѣсти.

Прилагаю представленіе въ Сенатъ о чинѣ новымъ моимъ рекрутамъ; оно въ двухъ экземплярахъ, выберите лучшее. Сомнѣніе въ томъ, что Вильде хотя и названъ въ данномъ ему свидѣтельствѣ кандидатомъ университета, но свидѣтельство сіе выдано ему не отъ университета, но отъ Дерптскаго магистрата; а я не желаю допустить не только подлога, но и малѣйшей натяжки.

Едва успѣлъ я написать сіе, какъ и передумалъ и рѣшился просто послать представленіе, наименовавъ обоихъ моихъ служивыхъ канцеляристами, что они и въ самомъ дѣлѣ: ибо я принялъ ихъ въ канцелярію симичинами и потому прошу о произведеніи ихъ просто въ коллежскіе регистраторы на общемъ основаніи.

XXVII.

Томскъ. 24-го Іюля 1819 г.

Что сказать вамъ о дѣлахъ здѣшнихъ?—Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла и зла почти нетерпимаго. Измученъ

жалобами, доносами, ябедою, едва нахожу я столько терпѣнія, чтобъ окончить дѣло мнѣ порученное. Слухи ничего не увеличивали, и дѣла хуже еще слуховъ. Есть способы къ исправленію; но они предполагаютъ совсѣмъ другой образъ управленія, совсѣмъ другой и полной наборъ чиновниковъ. Я ничего другаго не дѣлаю, какъ только отрѣшаю; но кѣмъ замѣнить отрѣшаемыхъ?

Въ прочемъ, держась во всемъ главного моего правила обзорѣнія, а не управленія, я ни о чемъ еще не представлялъ, и не буду представлять, кромѣ дѣлъ текущихъ, доколѣ всего не окончу.

Прощайте, любезнѣйшій; никогда не бывалъ я ни болѣе занятъ, ни болѣе измученъ дѣлами. Мое-ли дѣло преслѣдовать, уличать и разыскивать преступниковъ?

Отправится-ли Магницкій къ новому своему мѣсту въ Казань?

XXVIII.

Иркутскъ. 23 Октября 1819 г.

Препровождаю при семъ къ вашему превосходительству рапортъ мой Пр. Сенату объ увольненіи г.Трескина; въ порядкѣ мнѣ надлежало бы внести и списокъ съ самаго рескрипта; но теперь я сдѣлать сего еще не могу, ибо въ томъ же рескриптѣ предоставлено мнѣ устранить и Томскаго губернатора, если найду сіе нужнымъ. Но какъ слѣдствія тамъ еще не окончены и отвѣты губернатора на данные ему вопросные пункты еще не получены: то и должно подождать и между тѣмъ не оглашать сея мѣры. Самый рескриптъ данъ по моему представленію

и съ полною свободою употребить сіе полномочіе по моему усмотрѣнію.

Полномочіе сіе пришло весьма къ стати; безъ него мнѣ было бы несравненно болѣе труда обнаружить здѣшнія непотребства и болѣе нужно было бы времени. Сверхъ сего вообразите непріятность быть въ ежедневномъ сношеніи съ человѣкомъ, которой уже обличенъ и недостаетъ только нѣкоторыхъ формъ къ его осужденію. Теперь я почти увѣренъ, что къ Генварю все здѣсь будетъ окончено. И вообще все, чтѣ мнѣ по Сибири поручено, къ Марту будетъ готово. Послѣ сего мнѣ останется только думать о возвратномъ пути. Совершится ли онъ и когда имянно, не знаю; но то достовѣрно, что съ Марта я здѣсь буду совершенно лишній: ибо нельзя и помыслить управлять симъ краемъ безъ новыхъ правилъ и новыхъ людей. Никто за сіе не возмется.

Весьма благодаренъ вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, за рѣдкія, но всегда любезныя ваши письма. Благодаренъ за бѣднаго моего племянника Ильина, коего жребій я считаю совершенно по милости вашей устроеннымъ. Благодаренъ и за Смирнова. Мнѣ кажется и конца не будетъ, когда за все я начну васъ благодарить; но я надѣюсь со временемъ вдругъ однимъ пріемомъ съ вами расплатиться, тѣмъ, что на старости лѣтъ буду учить дѣтей вашихъ по латынѣ. Жаль дѣйствительно, если бы они безъ меня постарѣются. Лиза часто мнѣ о нихъ пишетъ и не можетъ нахвалиться.

Не ожидайте въ письмахъ моихъ подробностей о Сибири. Я веду жур-

налъ моего странствованія и со временемъ на досугъ будемъ вмѣстѣ его читать, чтобъ вспомнить старину.

Не знаю, что думать о Пестелѣ. Если онъ дѣйствительно не корыстолюбивъ здѣшними злоупотребленіями, то нельзя по крайней мѣрѣ не признать, что это самая слабая голова, которая не способна управлять и Олонецкою губерніею. Столько-то справедливо, любезный другъ, старое мое правило, что хитрость не есть умъ и что она даже противна здравому уму. Правда, что Трескинъ есть человѣкъ необыкновенной тонкости въ мелочахъ и изворотахъ: со всѣмъ тѣмъ однакоже, съ здравымъ умомъ, даже и посредственнымъ, въ 13 лѣтъ можно бы было его разгадать и удостоверить въ истинномъ положеніи дѣла. Особливо когда со всѣхъ сторонъ доходили и слухи, и свѣдѣнія, кои вообще называли они ябедами и доносами. Въ прочемъ это не наше дѣло: пусть они расчитываются, какъ хотятъ; а наше дѣло представить только вещи въ томъ точно видѣ, какъ они есть или суть.

Не вѣрьте, если будутъ вамъ разказывать о какихъ либо донесеніяхъ или отчетахъ по обозрѣнію губерніи. Я ничего не писалъ и ни о чемъ существенномъ не доносилъ еще Государю и считаю даже не возможнымъ и службѣ его вреднымъ доносить отрывками и за шесть тысячъ верстъ. Я сдѣлалъ во все время одно только представленіе и именнно объ устраненіи губернаторовъ Томскаго и Иркутскаго, и сіе точно къ тому времени, какъ я ожидалъ, исполнено самымъ милостивымъ образомъ. Вы спросите

о Тобольскомъ Фонѣ-Бринѣ; но это совсѣмъ отдѣльный человѣкъ—врагъ, хотя и близкой родня Пестелю и въ прочемъ ведетъ губернію, какъ только лѣта его преклонныя и слабое здоровье дозволяютъ; тутъ нѣтъ ничего, кромѣ обыкновенной слабости и маловажныхъ упущеній.

XXIX.

Иркутскъ. 19 Ноября 1819 г.

Съ минушею почтою получилъ и письмо ваше отъ 2-го Октября, и имѣю утѣшеніе изъ него видѣть, что ровно 40 дней тому назадъ вы были живы и здоровы. Пишу къ вамъ рѣдко потому именнно, что писать нечего. Сказавъ вамъ, что я живу въ доносахъ, ябедахъ и сыскѣ злоупотребленій, я сказалъ вамъ въ двухъ словахъ всѣ мои упражненія, все провозженіе моего времени. По свойствамъ моимъ вы можете судить, какова жизнь моя; всѣ письма мои къ вамъ должны бы были содержать одну исторію моихъ страданій. Я стою между закономъ и совѣстію. По совѣсти я никого бы не обвинилъ кромѣ тѣхъ, кои попускали злоупотребленія; но по закону всѣ безъ разбора виноваты, и списокъ ихъ по сіе время по всѣмъ тремъ губерніямъ составляетъ уже около 150 человѣкъ. Взятки обличенныя по Иркутской губерніи простираются уже почти до миліона; а что будетъ, еще не извѣстно. Но вопросъ разорена-ли губернія? Совсѣмъ нѣтъ: она есть одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи; самыя злоупотребленія даже способствовали къ ея обогащенію, и существенный ихъ вредъ есть болѣе нравственный, нежели экономической. Вредъ конечно

весьма важный; но изслѣдуйте начала и вы найдете, что законъ, подвергающій и начальника и безгласнаго подчиненнаго, за тысячи и за рубли одному и тому же сужденію, здѣсь не можетъ быть приложенъ безъ явной несправедливости. Потому-то кромѣ самыхъ рѣшительныхъ и вопіющихъ случаевъ удерживаюсь я обвиняемыхъ отдавать подъ судъ, ограничиваясь ихъ удаленіемъ, да и то тогда только, когда есть возможность ихъ замѣнить. Но возможность сія весьма рѣдка; ибо здѣсь вопросъ не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ. Въ прочемъ предать суду двѣсти человѣкъ никогда не поздно; но я на сіе не могу рѣшиться прежде общаго моего отчета и не испытавъ всѣхъ средствъ, чтобъ согласить законъ съ совѣстію. Заключу сіе повѣствованіе тѣмъ, что къ Генварю мѣсяцу надѣюсь всѣ слѣдствія здѣсь окончить и тогда донесу коротко, что мнѣ здѣсь дѣлать болѣе нечего, и точно нечего, и буду ожидать дальнѣйшихъ повелѣній, приготовляясь между тѣмъ въ обратный путь.

Посылаю вамъ обязательство на 4 т. рублей на Англинскомъ языкѣ. Здѣсь, то есть еще 600 верстъ далѣе Иркутска, живутъ два Англинскіе миссіонера библейскаго общества, Сталибрасъ и Ромъ. Послѣдній изъ нихъ теперь въ Петербургѣ. Сталибрасъ нуждался въ деньгахъ на постройку дома и не зная, какъ достать ихъ въ сей дали, обратился ко мнѣ. Странно бы было отказать человѣку въ его

положеніи. Я его ссудилъ, а онъ далъ мнѣ обязательство по предъявленію на Сарептскую Петербургскую контору подъ именемъ: *Asmus Simonsen et compagnie*. Прошу васъ, предъявивъ имъ сіе обязательство, получить деньги и отдать ихъ моей Елисаветѣ; ей они нужны. Къ стати вы можетъ быть спросите, что же здѣсь въ Селенгинскѣ дѣлаютъ сіи миссіонеры? Ничего, учатся по монгольски и по русски и предполагаютъ со временемъ завести школу. Дай имъ Богъ болѣе успѣха, нежели сколько Шотландцы имѣли въ Кабардѣ; какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ я бы желалъ видѣть другихъ миссіонеровъ, а именнно тѣхъ, кои бы христіанъ учили и убѣждали къ христіанству.

Я уже писалъ къ вамъ, помнится, о Словцовѣ. Онъ сталъ еще лучше и умнѣе, нежели былъ. Уединеніе освѣжило его мысли и успокоило его душу до того, что кажется онъ ничего не желаетъ и готовится умереть спокойно; въ свое время я буду о немъ сильно ходатайствовать; но кажется, если бы предложили ему мѣсто канцлера, онъ не двинулся бы никуда отсюда. Такъ же бѣденъ, такъ же студентъ, какъ и прежде, но еще менѣе желаетъ и менѣе заботится о житейскомъ; въ прочемъ бѣдность его есть почти произвольная: въ званіи совѣстнаго судьи и директора гимназіи онъ получаетъ 2000 рублей и не понимаетъ, куда ему здѣсь дѣвать сіе богатство; вообще онъ здѣсь всеми уваженъ и въ истинномъ смыслѣ есть судья совѣстный. Гимназія его есть можетъ быть одна въ Россіи, которая идетъ весьма правильно и съ успѣ-

хомъ; онъ каждый день въ ней бываетъ.

Францъ Ивановичъ *) председательствуетъ здѣсь въ слѣдственной комисіи, весьма прилеженъ и очень занятъ. Онъ дѣйствительно моя правая рука; ибо естественно могу я положиться на него какъ на себя.

PS. Не понимаю, какъ предметникъ мой, ослѣпленный Трескинымъ, по сіе время глазъ раскрыть не хочетъ. Онъ пишетъ къ нему каждую почту. Тутъ мнѣ кажется есть та смѣлка, что на случай, если бы письма ихъ на почтѣ раскрывались, увидѣли бы умиленные и благочестивые ихъ чувства, коими они другъ друга ублажаютъ. Не знаю, удастся ли имъ сей новый родъ ухищренія. Въ прочемъ не наше дѣло судить совѣсти.

XXX.

Иркутскъ. 3 Декабря 1819.

Сибирскія вѣсти такъ вообще неприятны и единообразны, что мнѣ и писать объ нихъ къ вамъ стыдно. — Это есть одно и тоже продолженіе мерзостей и злоупотреблений. — Если бы мнѣ можно было утѣшаться успѣхами сихъ открытій, то конечно было бы чемъ утѣшиться. Францъ Ивановичъ, правая моя рука, въ сихъ дѣлахъ переступилъ уже на другой миліонъ, разумѣется однихъ доказанныхъ и слѣдствіемъ обнаруженныхъ.

Небольшой образчикъ бывшаго здѣсь управленія вы усмотрите изъ правилъ о торговлѣ при семъ прилагаемыхъ. Каждая статья въ нихъ оз-

начаетъ и исправляетъ бывшія злоупотребленія и каждая основана или на вѣрной жалобѣ или на произшествіи, слѣдствіемъ обнаруженномъ. Сіи частные случаи я собралъ воедино и предложилъ губернскимъ правленіямъ для законнаго подтвержденія. Таковые же экземпляры препровождаю нынѣ къ М. Финансовъ и внутреннихъ дѣлъ для свѣдѣнія. Къ Дмитрію Александровичу посылаю такъ же нѣсколько представлений по соляной части, по повинностямъ и проч. Надѣюсь, онъ ими будетъ доволенъ, по крайней мѣрѣ я стараюсь поправить все, что можно, частно и независимо отъ общаго образованія, исправить и что считаю вреднымъ отлагать вдаль. Симъ я нѣсколько отхожу отъ правила моего, чтобъ не дѣлать ничего отрывками; но нужда и законы перемѣняютъ; и въ прочемъ все это я считаю еще бездѣлками, и какъ Неву нельзя исчерпать ситомъ, такъ нельзя ничего и здѣсь существеннаго сдѣлать сими частными разпорядками.

Зима наша есть 25^й каждый день морозу и всѣ увѣряютъ, что это зима весьма легкая; въ самомъ дѣлѣ въ полдень отъ солнца бываетъ довольно сносно. Я, слава Богу, здоровъ, и духъ мой еще не упалъ, хотя униженъ родомъ дѣлъ, и склонностямъ моимъ и привычкамъ противнымъ. Въ прочемъ утѣшаю себя мыслію, что къ Февралю или по крайней мѣрѣ къ Марту все будетъ кончено, и дѣлать мнѣ здѣсь совершенно будетъ нечего. Въ Мартѣ, или по крайней мѣрѣ въ Апрѣлѣ, пущусь въ обратный путь и въ Маѣ надѣюсь быть

*) Цейсръ.

въ Тобольскѣ, то есть тремя тысячами верстъ, цѣлою половиною, къ вамъ ближе.

XXXI.

Иркутскъ. 18 Декабря 1819.

Дѣла наши здѣсь подвигаются къ окончанію. Къ Марту всѣ слѣдствія будутъ окончены, предположенія мои готовы, и мнѣ останется думать о обратномъ пути.

Купецъ Трапезниковъ, съ коимъ сіе пишу, возвратится сюда; прошу непременно съ нимъ писать; онъ самый вѣрный человѣкъ.

Съ нимъ пишу и къ графу Кочубею. Даю краткое понятіе о здѣшнихъ дѣлахъ. Будущее мое располагаю слѣдующимъ образомъ. Въ Январѣ отправлю краткій отчетъ къ Всемилостивѣйшему Государю въ Собственныя руки чрезъ к. Голицына. Означу въ немъ, что къ Марту мѣсяцу всѣ порученія мои здѣсь окончатся; опишу, что дальнѣйшее мое пребываніе здѣсь было бы не только бесполезно, но и вредно по многимъ отношеніямъ; буду испрашивать дальнѣйшихъ его повелѣній. Отвѣтъ на сіе можетъ придти сюда въ концѣ Марта. Если угодно будетъ дозволить мнѣ возвратиться въ Петербургъ, то я тотчасъ отправлюсь и найду средства такъ расположить мое путешествіе, что въ концѣ Маія или въ началѣ Іюня я буду уже васъ обнимать.—Естьли нѣтъ: то всѣ дѣла и бумаги отправлю съ Цейеромъ; пошлю прошеніе въ отставку и буду ожидать ея въ Тобольскѣ; въ семъ случай естьли и увижусь съ вами, то развѣ уже глубокою осенью. Все сіе пишу только къ вамъ и частію къ

графу Кочубею; болѣе же не пишу ни къ кому.

XXXII.

Иркутскъ. 1-го Февраля 1820 года.

Какъ жалѣю я, что болѣзни ваши умножаются и кажется годъ отъ году дѣлаются жесточѣе; вамъ должно внимательно о семъ подумать. Въ ваши лѣта и съ вашимъ сложеніемъ можно еще многое поправить и издалека возвратиться. Строгость жизни въ вашей болѣзни особливо необходима. По счастью сенаторъ можетъ себя дозволить болѣе строгости и единообразія, нежели дѣловый и по необходимости связями окованный оберъ-прокуроръ. Можетъ быть не худо было бы провести вамъ нѣсколько времени въ теплыхъ климатахъ или и заграницею. Сіе впрочемъ было бы и самымъ удобнымъ средствомъ перемѣнить образъ жизни и разорвать связи часто тягостныя, но поддерживаемыя приличіемъ и любезностію вашихъ свойствъ общительныхъ. Не дивитесь, что изъ Иркутска даю вамъ совѣты. Хотя вы и подагрикъ и сенаторъ, но я васъ зналъ 17-ти лѣтнимъ вертопрахомъ, и любовь моя къ вамъ не можетъ измѣниться не только въ существѣ ея, но и во внѣшней ея формѣ.

Письмо ваше съ фельдъ-егеремъ я получилъ, и оно тѣмъ для меня драгоцѣннѣе, что вы писали его въ жестокой боли.—Мое здоровье здѣсь, слава Богу, держится; но я хожу по ниточкѣ и всего берегусь. Здѣшній климатъ можетъ или убить, или сдѣлать осторожнымъ.—Участь мою предаю совершенно Богу и Государю. Окончивъ здѣсь дѣла, съ весною отправлюсь въ

Тобольскъ и буду тамъ ожидать рѣшенія. — Впрочемъ дѣла мои здѣсь идутъ успѣшно, т.-е. все обнаружено, изслѣдовано, и всѣ свѣдѣнія собраны; надѣюсь, что Сибирь представится совсѣмъ въ другомъ и можетъ быть новомъ, по крайней мѣрѣ, въ истинномъ ея видѣ. Естьли не сдѣлалъ я много добра, по крайней мѣрѣ знаю, какъ должно его сдѣлать и возвращусь отсюда съ утѣшеніемъ, что прожилъ я здѣсь полтора года не напрасно. Много зла пресѣчено, и по крайней мѣрѣ возбуждены надежды и довѣріе къ лучшему. — Впрочемъ о положеніи моемъ какъ настоящимъ, такъ и будущемъ, пишу подробно къ графу Кочубею, къ к. Голицыну и частію къ Гурьеву.

XXXIII.

Иркутскъ. 20-го Маія 1820 года.

Письмо ваше съ фельдъ-егеремъ я получилъ; вы вѣроятно знаете или безъ сомнѣнія узнаете, какъ надежда свиданія съ вами, показавшись въ близи, чрезъ двѣ недѣли потомъ вдругъ удалась и даже, по мнѣнію моему, совсѣмъ исчезла. Уставъ надѣяться и непрестанно оболящаться, я рѣшился отринуть самую надежду и жить одними надеждами вышаго рода, кои никогда обмануть не могутъ. Сдѣлаю еще одинъ шагъ и все кончу. Самое здоровье мое, дѣйствительно разстроенное, приводитъ меня къ сему заключенію. Не стоитъ ли труда столь много хлопотать и заботиться въ мои лѣта! Еще пять, шесть лѣтъ, и предчувствіе мое исполнится. Мы увидимся съ вами въ другомъ отечествѣ, въ другой столицѣ. Жаль, что не увижу дѣтей вашихъ;

но благословляю ихъ издалека всѣми благословеніями любви и дружбы.

XXXIV.

Иркутскъ. 12-го Іюня 1820 года.

Елисавета мнѣ пишетъ, что представляется ей случай къ продажѣ дома. Вы знаете, что это всегда было мое намѣреніе, и я далъ ей въ томъ полную волю. Посылаю и довѣренность, если нужно. Увѣренъ, что она большой ошибки не сдѣлаетъ. Но при семъ надобно подумать о разчетѣ съ Баташевою..... Такимъ образомъ я останусь долженъ Баташевой 50 т. р., и это послѣдній мой долгъ. Будущимъ годомъ я имѣю всю надежду заплатить его. Есть-ли бы Баташева или ея племянникъ, управляющій дѣлами, стали требовать нынѣ уплаты сихъ остальныхъ: я прошу войти въ посредство и защиту. Они не смѣютъ васъ не послушаться. Уплата 10 т., 15 т., или даже и 20 т. для нихъ была бы мало-важна; а для меня тягостна, потому что я останусь безъ запаса, а запасъ мнѣ имѣть въ Петербургѣ всегда нужно. — Какъ прискорбно мнѣ заниматься всѣми сими дѣлами и разсчетами! Но по счастью конецъ видѣнъ, и я надѣюсь оставить Елисаветѣ дѣла мои въ ясности и порядкѣ; о себѣ же лично стыжусь и думать, и по истинѣ и не думаю.

Я пробуду здѣсь до половины Іюля и пробуду для того только, что спѣшить мнѣ некуда. Въ теченіи лѣта окружу еще разъ полуденную часть Сибири, а на осень и зиму погребу себя въ Тобольскѣ. Чтѣ будетъ далѣе, не знаю. Впрочемъ здоровье мое столь плохо, что можетъ быть и ничего бо-

лѣе не будетъ; а кости мои столь же покойно могутъ лежать въ Tobольскѣ, какъ и въ Пензѣ. Пишу къ вамъ сіе къ одному: ибо не желаю разжалобить никого.

XXXV.

Tобольскъ. 17 Ноября 1820.

Кажется, мы бились съ вами объ закладъ, кто кого перемолчитъ. Я проигралъ и первый прерываю молчаніе.

Тому три или четыре дни, какъ я получилъ письмо ваше съ докторомъ Бутицомъ, посланное въ Юлѣ; онъ долго прожилъ въ Москвѣ. Вы можете быть увѣрены, что оно все осталось въ моей памяти, и только въ памяти. Совѣты ваши совершенно сходны съ моими мыслями; тѣмъ удобнѣе мнѣ имъ слѣдовать. Убѣдитесь въ одной истинѣ, что я ни къ кому почти не пишу, кромѣ Елисаветы. Я расположу путь мой отсюда точно такъ, какъ вы предвидѣли и имянно не ранѣе послѣднихъ чиселъ Января или первыхъ Февраля. Мнѣ необходимо нужно побывать въ Пензѣ, какъ для разпорядка по деревнѣ, такъ и для того, чтобъ не явиться у васъ въ видѣ нищаго. Такимъ образомъ естли бы я даже и сиѣшилъ, то ранѣе исхода Марта путешествіе мое не окончится. Дай Богъ, чтобъ оно когда-нибудь окончилось и было бы послѣднее. По крайней мѣрѣ я ничего болѣе не желаю, ни на что никакихъ ни въ чемъ не имѣю притязаній, какъ только окончить.

Не могу довольно благодарить васъ за продажу дома: въ теченіи одного года заплатить 215 т. долгу—не без-

дѣлица. Я разумѣю тутъ продажу дома и Великополя.

XXXVI.

Tобольскъ. 7-го Декабря 1820.

На сихъ дняхъ прибылъ сюда П. А. Словцовъ; онъ отправился изъ Иркутска для обозрѣнія училищъ и продолжитъ путь свой на Пермь и Вятку до Казани, гдѣ надѣется узрѣть лицомъ къ лицу попечителя и поблагодарить его за всѣ знаки его вниманія. Здоровье его плохо, какъ и прежде, но умъ свѣжъ; жаль только, что никакими дѣлами онъ не хочетъ заниматься; весь въ благочестіи, чего однако же не жаль: ибо благочестіе стоитъ дѣлать, чѣмъ бы у васъ ни говорили.

XXXVII.

Мнѣ назначено сего-дни *) въ 5-ть часовъ быть у Государя съ Сибирскими дѣлами. Слѣдовательно мы съ вами не увидимся. Напишите, естли есть что нибудь значительное въ положеніи Елисаветы. Естли же все идетъ по прежнему: то щадя вашу лѣность освобождаю отъ писанія. Останетесь ли вы завтра на дачѣ? Я полагаю у васъ тамъ быть завтра къ обѣду или тотчасъ послѣ обѣда. Въ прочемъ сіе зависѣть будетъ отъ сего двишней работы. Корабль спускается—добрый путь.

Четвертокъ.

XXXVIII.

Все идетъ съ успѣхомъ, въ больной моей я нашелъ сего-дни болѣе нравственныхъ и физическихъ силъ,

*) Государь находился въ Царскомъ Селѣ (Августъ 1821 г.)

нежелан найти чайлъ. Завтра къ обѣду надѣюсь ее самъ перевести и рѣшительно переселить къ вамъ на дачу. Не разсудите-ли сего-дня же предупредить о семъ хозяйку, благодѣтельница и мою? Прочее все само собою устроится, я на все принятъ ятры.

Вторникъ.

Учрежденіе по Россіи генераль-губернаторствъ не имѣло сочувствія Сперанскаго, что видно изъ вышеприведеннаго письма его отъ 12 Сент. 1818. Онъ не полагалъ, чтобъ можно было ожидать пользы отъ этого учрежденія, если оно не будетъ пріуготовлено другими учрежденіями и появиться одно. На самомъ дѣлѣ, учрежденіе генераль-губернаторствъ было только предварительное распоряженіе одного общаго проэкта, заключавшаго, извѣстныхъ размѣровъ и степени, реформы: законодательную, административную, а также и судебную. По принятому, какъ извѣстно, въ то время обычаю, проэктъ не объявлялся къ исполненію въ цѣломъ, а только частями. Главная мысль Государя Александра Павловича, часто и публично имъ высказываемая, заключалась въ томъ, чтобъ законностью замѣнить произволъ. Но такъ какъ не объявлялись въ цѣломъ предпринимаемыя для этой цѣли мѣры, то неизбѣжность порождала недоумѣніи и даже страхъ въ обществѣ.

Здѣсь, можетъ быть, къ стати сказать нѣсколько словъ о гласности въ дѣлахъ и о печати. Часто изъяснялось опасеніе отъ вреда, который можетъ причинить появленіе въ печати

ш. 4

разрушительныхъ для общества востемъ. Опасеніе совершенно справедливое, такъ какъ отличительныя черты нашего времени: крайность мнѣній, доктринерство и абсолютность идей—печальная метафизика, которая часто влекла общество къ самымъ крайнимъ выводамъ и абсурдамъ*. Ошибочно однако полагають, что цензурный произволъ достаточенъ, чтобъ поправить дѣло и что онъ можетъ замѣнить правильный законъ. Эгоистическія и исключительныя понятія всегда имѣють преобладаніе въ безмолвствующемъ обществѣ: одними полицейскими цензурными мѣрами ихъ искоренить нельзя. Тутъ нужны другія мѣры. Цензура можетъ помѣшать

* Принципы свободы и порядка, каждый изъ коихъ составляетъ только половину одного цѣлаго, поняты исключительно, доводились иногда до свѣшняго и жазнаго. Извѣстны разныя проѣзды на Западъ, во имя свободы; въ сѣверо-восточномъ привѣтствіи что дѣлалось у насъ, въ общинахъ посещеніяхъ, во имя порядка. Напримѣръ извѣстныя обязательныя на дѣлахъ въ Чугуевѣ различныя выѣзды офицерскихъ вещей, кобасники, а также орлы для запечатанія аптеки, когда ничего подобнаго въ этихъ домахъ не было. Говорилось, что все это для порядка. Но спрашивается, удобно ли это было для заболѣвшаго, — случай, который былъ съ дивизионнымъ генераломъ, киевдинеръ коего принесли обратно съ пустыми руками изъ мѣной аптеки; или для Чехова, канцелярскія Радзевскаго государева полка, который былъ помѣщенъ именно въ домъ съ выѣзкою „разныхъ свѣтлыхъ припасовъ“, по поводу чего проживающіе останавливались у его квартиры для покупки этихъ вещей. Также первый дивизионъ помѣщенъ былъ на площадкѣ, на которой стоялъ перхъ колодезного прибора, но снѣгъ колодезь не былъ вырытъ, чрезъ что дивизионъ приходилось далеко ходить до воды. Все это было въ 1856 г., по пѣрвоту и прежде дѣлалось. Любопытно было бы знать, какъ именно оправдывалось это во имя порядка. Д. С.

русскій архивъ, 1871. 16

гласности, но не можетъ помѣшать мыслить; а извѣстно, что нельзя опредѣлить—до какой степени извращенія и до какихъ чудовищныхъ размѣровъ можетъ дойти мысль человѣческая, не имѣющая способовъ выразиться и питаемая въ одиночествѣ или тѣсномъ кружкѣ. Одновременно съ этимъ падаетъ духъ общественный, распространяется деморализація и когда общество призывается дѣйствовать, то, въ виду угрожающей опасности, оказывается, что оно состоитъ изъ людей необыкновенныхъ ни дѣйствовать, ни мыслить. Законы о печати, замѣняющіе цензурный произволъ, довольно сильны, чтобъ оградить отъ зла, а вмѣстѣ съ тѣмъ оградить благотворные ростки общественнаго мнѣнія, безъ коего никакое общество не мыслимо, а о-стается только толпа.

Учрежденія соціальныя и политическія имѣютъ огромное дѣйствіе на людей. Намѣренія Государя Александра Павловича были весьма благотворны и широки по его времени. Различные проекты, составленные въ его царствованіе, если были бы преданы гласности, то чрезъ гласность же были бы очищены отъ всего ошибочнаго и могли бы получить практическое примѣненіе. Но именно недостатокъ гласности и былъ причиною, что они остались одними намѣреніями, одновременно возбуждая сильныя предубѣжденія и даже страхъ въ обществѣ. Сперанскій высказывался всегда противъ этого способа ведѣнія дѣлъ.

Д. Столыпинъ.

21 Іюня 1870.

Саратовъ.

СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ УМЕРШИХЪ ВЪ 1869 Г.

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, сост. Г. Н. Геннади)

Бабинъ, Иванъ Александровичъ, помѣщикъ данковского уѣзда, занимавшійся съ усердіемъ и успѣхомъ введеніемъ у насъ правильнаго скотоводства и разведеніемъ прочной и доходной породы скота, для чего образовалъ даже мѣстное «общество любителей скотоводства» и имѣлъ ферму. На петерб. выставкѣ 1869 г. онъ получилъ золотую медаль отъ Государя Императора. Ум. 18 ноября 1869 въ скопинскомъ имѣніи княгини Мещерской.

Н. О. Рюмина, въ Биржев. Вѣдом. № 335.

Боткинъ, Василій Петровичъ, сынъ купца. Ум. 10 октября 1869 въ Петербургѣ (Голосъ № 281).

Любитель и знатокъ искусствъ и литературы, участвовавшій въ Отеч. Запискахъ и въ Современникѣ, особенно извѣстный своими занимательными и дѣльными «Письмами объ Испаніи», появившимся въ Современникѣ 1847, потомъ отд. книгою въ томъ же году, и критическими статьями.

Онъ завѣщалъ 70,000 р., оставленныхъ разнымъ учреждениямъ на поощреніе наукъ и искусствъ. Объ этомъ см. въ воспоминаніи о немъ въ Моск. Вѣдом. 1869, № 227.

Бутаковъ, Алексѣй Ивановичъ, контръ-адмиралъ, гидрографъ. Ум. въ Швальбахѣ 28 іюня 1869 г. (Всем. Илл. № 34, стр. 115). Печатавъ статьи по морской части.

Вейссе, И. Г., т. сов., сконч. лѣтомъ 1869 въ Ревелѣ (Илл. Газета 1869, № 33, некрологи).

Онъ былъ основатель первой дѣтской больницы въ Петербургѣ.

Воскресенскій, Александръ Григорьевичъ, сынъ священника села Козловки, ардатовскаго уѣзда (род. 30 марта 1835), учился въ симбирской семинаріи, кончилъ курсъ въ казанской академіи въ 1858, былъ потомъ учителемъ въ пермской семинаріи до 1861, когда поступилъ въ гражданскую службу и съ 1864 жилъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ сконч. 6 февраля 1869.

Онъ посылалъ корреспонденціи и статьи въ Спб. Вѣдомости, Правосл. Собесѣдникъ, Прав. Обзорѣніе, Журналъ Мин. Н. Пр., Моск. Вѣстникъ и разныя газеты, большею частію безъ подписи имени и былъ нѣкоторое время редакторомъ «Ирбитскаго Ярмарочнаго Листка».

Н. П. В. въ Спб. Вѣдом. № 102.

Голубевъ, Моисей Александровичъ, род. въ Петербургѣ въ 1824 г., учился въ Александровскомъ дух. училищѣ и въ спб. академіи, въ которой по окончаніи курса остался бакалавромъ (1847) и былъ съ 1853 экстр., а съ 1857 орд. профессоромъ и преподавалъ священную герменевтику, съ объясненіемъ книгъ св. писанія. Ум. 22 авг. 1869.

Онъ участвовалъ съ Хвольсономъ и Ловягинымъ въ переводѣ священныхъ книгъ, издаваемыхъ съ 1868 г. Синодомъ. Статьи его, помѣщенные въ Христ. Чтеніи, указаны въ Исторіи спб. дух. академіи *Чистовича*, стр. 312. Отдѣльно издано:

Обзорѣніе посланій св. апостола Павла къ Коринѣянамъ. Т. I. Спб. 1861. Н. Бирж. Вѣдом. 1869, № 228.—Голосъ № 239.

Гумилевскій, Александръ Васильевичъ, священникъ, сынъ дьякона царскосельскаго уѣзда, род. 1833, учился въ спб. семинаріи, кончилъ курсъ въ спб. академіи въ 1855 году магистромъ, былъ профессоромъ въ спб. семинаріи, потомъ священникомъ хри-

сторожественской церкви въ Петербургѣ (на Пескахъ), при которой учредилъ братство (см. лѣтопись этого братства. Спб. 1864). Онъ былъ секретаремъ комитета историко-статистическаго описанія петербургской епархіи. Въ 1866 г. его перевели въ Нарву священникомъ въ соборъ, а съ 1867 онъ снова служилъ въ Петербургѣ, при церкви обуховской больницы. Ум. 20 мая 1869, оставивъ добрую память своею усердною службою и даромъ проповѣди.

Онъ издавалъ съ *И. Флеровымъ* журналъ: Духъ Христіанина, 1861—1865. Его же: 1) Анастасья. Разсказъ приходскаго священника. Спб. 1862. 2) Житіе препод. Алексѣя, челоѣка божія. 2-е изд. 1869. 3) На память православнымъ жителямъ г. Нарвы, нѣсколько словъ и рѣчей. Спб. 1868.

Біографія, съ портретомъ, во Всем. Иллюстраціи 1869, № 27 и 49, Н. С.-овъ (здѣсь изложены причины его перемѣщенія въ Нарву. Объ его участіи въ сѣздахъ депутатовъ духовенства въ Петербургѣ см. газету «Москва» 1868, № 125.)

Дуровъ, Сергѣй Ѳеодоровичъ. Ум. въ Полтавѣ 6 дек. 1869 (Бирж. Вѣдом. № 335).

Онъ помѣщалъ стихотворенія, большею частію переводныя, въ Современникѣ, Отеч. Запискахъ и другихъ журналахъ и напечаталъ нѣсколько разсказовъ и повѣстей.

Дютакъ, Юлій Ивановичъ, педагогъ. Окончивъ университетскій курсъ въ 1848 г., онъ былъ преподавателемъ исторіи въ пажескомъ корпусѣ, маринскомъ и павловскомъ институтахъ, маринской, рождественской и литейной женской гимназіяхъ. Въ послѣднихъ трехъ заведеніяхъ онъ былъ, съ 1862 г., инспекторомъ. Ум. 31 марта 1869.

Н. Бар. Мих. Косинскаго, въ Спб. Вѣдом. № 97.

Ершовъ, Петръ Павловичъ, сибирскій уроженецъ, ученикъ тобольской семинаріи и студентъ спб. университета, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1834 г. Въ послѣдствіи былъ учите-

лемъ, потомъ инспекторомъ и наконецъ директоромъ тобольской гимназіи. Прослуживъ 25 лѣтъ, онъ лѣтъ за шесть до кончины своей вышелъ въ отставку по болѣзни, которая свела его въ могилу въ августѣ 1869 г. (См. Моск. Вѣдом. № 189).

Онъ печаталъ стихотворенія въ Библиотекѣ для чтенія Смирдина и Сынѣ Отечества и особенно извѣстенъ своею сказкою въ стихахъ:

Конекъ Горбунокъ. Русская сказка, въ 3 ч. Спб. 1834.—2-е и 3-е изд. М. 1840 и 1843. 12°. Изданія Крашенинникова 5-е, 6-е и 7-е съ 7 картинками. Спб. 1861, 1865 и 1868.

Завадскій - Краснопольскій. Степанъ Павловичъ, д. с. с. докторъ медик. ум. въ іюнѣ 1869 (Биржевыя Вѣд. № 151).

Заржецкій, Іосифъ Альбертовичъ, инженеръ-генераль-лейтенантъ. Ум. 29 января 1869, въ Петербургѣ.

Въ Кронштадтскомъ Вѣстникѣ при извѣстии о его кончинѣ сказано, что онъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ инженеровъ нашего времени, соединившій со многими теоретическими познаніями по строительной и гидротехнической частямъ обширныя практическія свѣдѣнія. Въ Кронштадтѣ Николаевскій докъ, батарея Князь Меншиковъ, Николаевская батарея на Кроншлотѣ и другія важныя сооруженія—строились подъ непосредственнымъ его руководствомъ.

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ. Воспитанникъ нижегородской гимназіи, онъ окончилъ курсъ кандидатомъ въ казанскомъ университетѣ въ 1833 и отправленъ былъ для приготовленія себя къ профессурѣ въ дерптскій профессорскій институтъ. Здѣсь онъ занялся составленіемъ книги изданной въ послѣдствіи подъ именемъ Булгарина: Россія въ историч., статистич., географич. и литературномъ отношеніи, 3 ч. — Выдержавъ экзаменъ на степень доктора философіи, онъ въ 1839 г. защитилъ диссертацию: *Cultus*

popularis in Russia originis ac progressus adumbratio (напеч. въ Дерптѣ) и затѣмъ назначенъ профессоромъ исторіи въ Казань. Въ Уч. Запискахъ университета 1843 ч. II и III онъ помѣстилъ изслѣдованія, вышедшія и отдѣльно: Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ Москвѣ и Петербургѣ и Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ. Въ 1856 онъ перешелъ на кафедрѣ русской же исторіи въ Дерптъ, черезъ три года вышелъ въ отставку и въ послѣдствіи былъ преподавателемъ русскаго языка и рус. исторіи въ митавской гимназіи. По порученію начальства онъ составилъ программу русской исторіи для гимназій. Онъ умеръ 30 марта 1869, въ Дерптѣ, куда незадолго до кончины былъ приглашенъ для поступленія доцентомъ русскаго языка въ тамошній университетъ.

Н. А. Котляревскаго, Голосъ, 1869, № 103.—См. также Справ. Энц. Словарь, VI, ч. 1-я стр. 10.

Иннокентій (Александровъ), епископъ. Сынъ протоіерея г. Астрахани, гдѣ род. въ 1790 г. По окончаніи курса въ астраханской семинаріи поступилъ въ спб. дух. академію, по выходѣ изъ коей (1819) былъ инспекторомъ семинарій тверской и новгородской и ректоромъ смоленской. Въ 1832 назначенъ былъ епископомъ въ Екатеринославль и послѣ 16-лѣтняго управленія епархіею уволенъ на покой въ куряжскій монастырь близъ Харькова, гдѣ ум. 31 марта 1869 г. (Иллюстр. Газ. 1869 г., стр. 255).

Н. Харьк. Губ. Вѣдом. 1869, № 39.

Иноземцевъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, медикъ д. с. с.— Сынъ чиновника, р. 1802, февраля 12, въ деревнѣ Бѣлкинѣ боровскаго уѣзда, учился въ Харьковѣ въ уѣзд. училищѣ и въ университетѣ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ унив-тѣ, онъ былъ назначенъ учителемъ историческихъ наукъ въ львовское уѣздное училище (курской губ.,

но по приѣздѣ его на мѣсто оказалось, что исторія была поручена другому. Тогда И. сталъ преподавать математику до 1825, когда оставилъ по болѣзни службу, а въ 1826. опять вступилъ въ университетъ на медич. факультетъ и особенно усердно занялся хирургіею. Въ 1828 г. онъ поступилъ въ дерптскій профессорскій институтъ, гдѣ получилъ степень доктора медицины въ 1833 г. и затѣмъ отправленъ за границу для изученія хирургіи въ германскихъ унив-тахъ. По возвращеніи изъ за границы и по прочтеніи въ академіи наукъ пробной лекціи о камнераздробленіи (напеч. въ Военно-мед. журналѣ), онъ въ 1833 назначенъ былъ экстр. профессоромъ въ моск. университетъ для преподаванія практической хирургіи и въ 1837 утвержденъ орд. профессоромъ. Въ 1839 и 1840 онъ обозрѣвалъ госпитали и клиническіе институты за границею и въ Петербургѣ и составилъ трактатъ о практическомъ преподаваніи медицины въ Россіи. Преподаваніемъ съ кафедръ, въ клиникѣ и на дому, гдѣ ученики его присутствовали при постоянныхъ приѣмахъ больныхъ, И. образовалъ многихъ молодыхъ хирурговъ. При усердныхъ занятіяхъ для университета, онъ имѣлъ огромную практику въ Москвѣ и извѣстность какъ отличный операторъ и глазной врачъ.

Въ 1859 г. онъ оставилъ кафедру, и 6 сентября его слушатели и товарищи дали ему обѣдъ, описанный въ Моск. Вѣдомостяхъ № 218 и 219. См. также письмо къ нему *Погодина* въ Русс. Газетѣ № 39 и тамъ же замѣтку *С. Маслова*.— Онъ скон. въ Москвѣ 6 авг. 1869.

1) *De lithotomiae methodo bilateralis. Borpat* 1833. (Диссертация).— 2) О заслугахъ Хр. Ив. Лодера въ хирургіи. М. 1837. 8°.— 3) Замѣчаніе на два случая грибовидныхъ наростовъ (*fungus medularis*) Спб. 1845. 4) *De scirrhi et cancri genuini fonte et progressu, com-*

mentatio physiologica - pathologica. М. 1845.—5) Нѣкоторыя критико-практич. замѣчанія относительно леченія водяной болѣзни сывороточною оболочкою яичка по способу Траверсе и Китта. Спб. 1846.—6) Нѣсколько словъ о назначеніи операціи для вскрытія дыхательнаго горла. М. 1847.—7) О переносѣ грибовидной матеріи. М. 1848.—8) Объ анатомическо-патологическомъ значеніи холеры. Спб. 1847.—9) Подлинный составъ Воронежскаго эликсира и его употребленіе. М. 1849.—10) О брюшномъ раздраженіи. М. 1852.—11) О леченіи холернаго процесса сложною ревенною настойкою. М. 1853.—12) Терапевтический опытъ. М. 1851.—13) О вліяніи раздражительности на образованіе грыжъ. Спб. 1853. 14) О вліяніи мутной мочи *Urina Rimentosa* народъ и заживленіе ранъ, послѣ хирургическихъ операцій остающихся. М. 1854.

Иноземцевъ былъ секретаремъ физико-медич. общества и предпринялъ изданіе еженедѣльной: „Московской Медицинской Газеты“ съ 1858, съ С. Смирновымъ.—

Биографич. Словарь моск. професс. I, 353—359.— Некрологъ въ Соврем. Лѣтописи 1869, № 30.— Рѣчь въ память о немъ Н. Бергута въ засѣданіи Общества рус. врачей 18 авг. въ особомъ Приложеніи при Моск. Медич. Газетѣ 1869 г.— Воспоминаніе о немъ Полунина, въ Моск. Унив. Извѣстіяхъ 1870. № 1, стр. 52—54.— и портретъ въ Крестномъ Календарѣ на 1870.

Юаннз (Владиміръ Сергѣевичъ Соколовъ) сынъ москов. священника, учился въ моск. дух. семинаріи и въ моск. дух. академіи (1838-1842), въ которой былъ потомъ бакалавромъ по нравственному богословію и въ 1843 г. получилъ степень магистра. Въ дек. 1844 онъ перемѣщенъ былъ бакалавромъ въ спб. дух. академію на кафедру церковнаго законовѣдѣнія, въ 1848 назначенъ членомъ спб. академической конференціи, возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ членомъ спб. духовно-цензурнаго ко-

митета, а въ 1851 утвержденъ въ должности инспектора академіи и возведенъ въ званіе экстр., а въ 1852 орд. профессора. Въ 1853 за сочиненіе: Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія получилъ степень докт. богословія. Въ 1855 его опредѣлили ректоромъ и профессоромъ спб. семинаріи. Въ 1857 онъ былъ переведенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ казанскую дух. академію и редакторомъ Православнаго Собесѣдника, въ 1864 перемѣщенъ на должность ректора спб. дух. академіи, въ 1865 хиротонисанъ во епископа Выборскаго, викарія с.петербургскаго, въ 1866 епископомъ смоленской епархіи, въ которой прослужилъ до кончины своей 17 марта 1869 г.

—Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Спб. 1851. Продолженіе этого труда появилось отрывками въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858-1863 и въ Христ. Чтеніи 1863-1866.

Нѣсколько статей и проповѣдей его въ Правосл. Собесѣдникѣ и въ Христ. Чтеніи (между прочимъ о преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ, 1866, февраль).

Чистовича, Історія спб. дух. академіи, стр. 340 и 398. — Н. П. Нечаева, въ Странникѣ т. 38 (1869, № 4), хроника, 43-49. — Газета Голосъ 1869, № 79. — Бирж. Вѣдом. 1869, № 78 и письмо по поводу некролога, № 80. — Соврем. Извѣстія № 83. — Соврем. Листокъ № 23 и 24. — Смол. Епарх. Вѣдом. 1869, № 6 и 7, статья М. Духонина. — Газета Донъ, № 35. — Статья о немъ въ Правосл. Собесѣдникѣ 1869, № 4, стр. 377-386.

Кашинъ, Александръ Петровичъ, лекаръ, ум. въ Павловскѣ въ 1869 г. 50 лѣтъ. Онъ десять лѣтъ былъ помощникомъ редактора Военно-мед. журнала и съ 1865 сотрудиномъ Архива суд. медицины.

Н. Илл. Газета 1869, № 36

Колоколовъ, Иванъ Дмитриевичъ, магистръ и преподаватель по богословскому классу въ Спб. дух. академіи, протоіерей морскаго богоявленскаго собора, потомъ протоіерей

и настоятель спб. Исаакіевскаго собора. Ум. 6 дек. 1869 (Бирж. Вѣдом. № 338).

Въ Реестрѣ Ольхина показана вѣроятно его книга: Св. Іоанна Златоустаго слово о священствѣ. Пер. съ греч. свящ. Іоаннъ Колоколовъ. Спб. 1836. 8°.—См. Чистовичъ, Історія спб. Академіи, стр. 334.

Колошинъ, Сергѣй Павловичъ, воспитанникъ Александровскаго лицея, служилъ въ кавалеріи, потомъ въ Восточной Сибири, а съ 1857 жилъ въ Москвѣ. Ум. въ 1869.

Онъ началъ печатать въ Москвитинѣ (Записки празднующагося), писалъ фельетоны съ рѣдкимъ у насъ остроуміемъ и живостью, для Пантеона и Сѣв. Пчелы, а съ 1859 въ Развлеченіи Θ. Миллера, подъ псевдонимомъ: не я.

Въ сборникѣ „Утро“ 1858 помѣщенъ его романъ: „свѣтскія язвы“. Въ 1862 онъ началъ издавать литератур. иллюстрированный журналъ: Зритель, продолжавшійся полтора года.

Последніе годы онъ прожилъ въ Италіи, откуда посылалъ корреспонденціи въ Голосъ и въ Русс. Инвалидъ и описалъ свою поѣздку въ Соврем. Лѣтописи, изъ которой отпечатана книжка: Европа и Европейцы, зигзаги и арабески русс. туриста. Вып. 1-й М. 1866. 4-°. — Прежде еще изъ его фельетоновъ составила книжка: Наша деревня изо дня въ день. Дневникъ фельетониста „Развлеченія“. М. 1860. 8°.

Н. въ фельетонѣ Голоса 1869, № 63.

Крыловъ, Иванъ Захаровичъ, ум. 12 дек. 1869 г. въ Москвѣ на 54 году. Онъ былъ сынъ почетнаго гражданина и получилъ образованіе въ моск. практич. академіи.

1) Юрій послѣдній Вел. Князь Смоленскій. Русская была лѣта 1406. 2 ч. М. 1840. 12°.

2) Достопамятныя могилы въ Моск. Вышне-Петровскомъ монастырѣ. М. 1841.

3) Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти. М. 1843. 12°.

4) Странныя и чудныя приключенія отставнаго солдата Архипа Сергѣича. Старинное русское преданіе. М. 1844. 12°. 2-е изд. 1864.°

5) Жизнь честнаго и славнаго пророка и крестителя Іоанна изъ св. Евангелія и житія святыхъ. Съ 4 картинками. М. 1848. 5-е изд. М 1852. 16°. 6-е изд. М. 1858.

6) Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ Н. А. Полеваго. М. 1849. 12°.

7) Исторія креста, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Изд. 4° испр. и доп. М. 1855. Съ карт.

8) Историческое описаніе всѣхъ коронацій Вел. Князей и Царей Россійскихъ. М. 1856.

9) Чудныя видѣнія, бывшія нѣкот. благочестивымъ людямъ въ Москвѣ на день 21 мая 1521 при Князѣ Василѣ Іоанновичѣ предъ угрожавшимъ Москвѣ нашествіемъ крымскаго хана Магометъ-Гирея. М. 1862.

10) Убіеніе Димитрія Царевича въ Угличѣ. Полная историч. повѣсть. Изд. 3-е. М. 1863.

11) Житія славныхъ и всехвальныхъ двѣнадцати апостоловъ Христовыхъ и сказаніе о прочихъ семидесяти апостолахъ и житія ихъ. 2 ч. М. 1863-1864.

Кажется, ему же принадлежать слѣд. романы: Влюбленный въ самаго себя или приключенія съ красавцемъ 2 ч. М. 1852.— Для чего женился человекъ, романъ. М. 1852.— Тюфякъ, романъ. 2 ч. Изд. 2-е М. 1862.

Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ. Р. 14 сент. 1794 г. въ помѣстіи отца, въ коломенскомъ у. Воспитанный гувернеромъ-французомъ, онъ еще мальчикомъ началъ писать по французски, а въ 1811 уже была напечатана его статья „о безопасности“ въ Вѣстникѣ Европы. Записанный въ архивъ мин. ин. дѣлъ въ Москвѣ, онъ въ 1812 г.

вступилъ на военное поприще, состоялъ въ моск. гренадерскомъ полку, былъ адъютантомъ принца Карла Мекленбургскаго, потомъ Полухтова и участвовалъ въ заграничныхъ походахъ, о коихъ напечаталъ письма. Въ 1817 вышли его „первые опыты“, которые доставили ему доступъ въ петерб. литературное общество. Въ 1818 онъ поступилъ въ адъютанты къ начальнику гренадерскаго корпуса гр. Остерману-Толстому, въ томъ же году переведенъ въ лейбъ-гвардіи павловскій полкъ, а въ 1819 вышелъ въ отставку. Потомъ онъ служилъ директоромъ училищъ пензенской губерніи (1823-1826), казанской гимназіи и казанскихъ училищъ до 1831., когда получилъ мѣсто директора училищъ тверской губерніи. Успѣхъ его романа, „Послѣдній Новикъ“, написаннаго еще въ Казани, поощрилъ его посвятить свой талантъ историческому роману и вскорѣ появились Ледяной домъ и Бусурманъ, долго остававшіеся лучшими представителями этого рода литературы у насъ. Въ 1837 г. Л. вышелъ въ отставку, продолжая жить въ Твери, гдѣ въ 1843 г. получилъ мѣсто вице-губернатора, въ 1853 перемѣщенъ въ Витебскъ, а въ 1854 вышелъ въ отставку. Съ 1856 до 1858 онъ снова служилъ въ петерб. цензурномъ комитетѣ цензоромъ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ сконч. 26 іюня 1869 г.—Л. написалъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, которыя были менѣе удачны, нежели его первые романы, и напечаталъ отрывки изъ своихъ воспоминаній (Новобранецъ) 1812 г. (о Магницкомъ, о Пушкинѣ, о Бѣлинскомъ и „Бѣленькіе, черненькіе и сѣренькіе“).

1). Первые опыты въ прозѣ и стихахъ. М. 1817. 8°.—2) Походныя записки русскаго офицера. Спб. 1820. 8° съ картинкою, и М. 1836. 8°.—3) Послѣдній Новикъ, 4 ч. Спб. 1832. М. 1833. Спб. 1839. 12°. *Die Eroberung Livlands*. 4 ч. 1852. 38. 8°.—4) Ледяной домъ,

4 ч. Спб. 1835 и М. 1837. 12.—*Der Eispalast*. 2 ч. Leipzig. 1838. 8.—*Lamaison de glace*, trad. par A. Dumas. 4 ч. Leipzig. 1859. *Der Eispalast*, von A. Dumas. Pest, Wien u. Leipzig. 3 ч. 1859. 8.—*Kejsarinnan Annas Gunstlinga*, Stokk. 4 ч. 1840. 12.—5) Бусурманъ 4 ч. М. 1838.—4-е изд. М. 1847—1850. 18.—*The heretic and the maid of Moscow*. Transl. by B. Shaw. 3 ч. London, new ed. 1849. 8.—6) Христіернъ и Густавъ Ваза, драматич. очеркъ въ 4 актахъ. Спб. 1842. 8.—7) Опричникъ. Трагедія въ 5 д. въ стихахъ. М. 1867.—8) Собрание сочиненій съ портр. 8 т. Спб. 1858 (отдѣльно выпущены Драматич. Сочиненія).—9) Немного лѣтъ спустя. Романъ. 4 ч. М. 1858.—10) Горбунъ, драма. Спб. 1858. 8.—11) Внучка панцырнаго боярина, романъ изъ временъ послѣдняго польскаго мятежа. Спб. 1868.

Б. Худож. Листокъ 1858. № 7.—Празднованіе юбилея пятидесятилѣтней литерат. дѣятельности И. И. Лажечникова, 4 мая 1869. М. 1869. И. И. Лажечниковъ, Л. Нелюбова, въ Рус. Вѣстникѣ т. 83, (1869, № 10), 560—601.—По поводу его юбилея П. III. въ Моск. Вѣдом. 1869, № 97 и 93.—Б. Илл. Газета 1869 № 20 (съ портретомъ).

Лашкаревъ, Сергій Сергѣевичъ. По окончаніи курса въ спб. университетѣ въ 1838 г. Л. поступилъ въ министерство ин. дѣлъ, въ которомъ состоялъ недолго, занялся хозяйствомъ въ имѣніи отца и напечаталъ въ 1843 г. въ Журналѣ мин. гос. им. нѣсколько хозяйственныхъ статей, въ слѣдствіе чего былъ избранъ въ члены корреспонденты уч. комитета этого министерства, въ которомъ съ 1844 служилъ по деп-ту сельскаго хозяйства. Исполняя разные порученія и состоя членомъ нѣсколькихъ ученыхъ комиссій, онъ между прочимъ составилъ проектъ сельскаго страхованія и пожарную инструкцію, составляя отчеты по деп-ту и напечаталъ въ 1849 г. пятилѣтній Обзоръ дѣйствій деп-та. Въ 1849 г. онъ былъ посланъ на ревизію въ Самару, гдѣ остался служить началь-

никомъ управленія казенныхъ земель. Между прочими трудами онъ составилъ административную карту новой самарской губерніи. Памятниками его пребыванія въ Самарѣ остались церковь въ тюремномъ замкѣ, скверъ и городская библіотека. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ чиновникомъ 5-го класса при мин. госуд. имущ. и совершилъ множество поѣздокъ по разнымъ порученіямъ. Въ 1861 г. осуществилась мысль его объ учрежденіи комитета грамотности при вольноэкономич. обществѣ, и онъ избранъ былъ предсѣдателемъ и былъ главнымъ его дѣятелемъ. Ему же принадлежитъ починъ въ дѣлѣ основанія общества объ устройствѣ торговаго флота. Состоя въ послѣдніе годы членомъ управы петербургскаго уѣзда, онъ въ 1869 г. по болѣзни долженъ былъ отказаться отъ этой должности, а 1 іюня скончался.

Б. и портретъ во Всемирной Иллюстраціи 1869, № 28.

Лашкевичъ, Иванъ Николаевичъ, акробителъ театра, написавшій для сцены нѣсколько водевилей, ум. въ Москвѣ въ Февралѣ 1869. (Голосъ № 63, фельетонъ С. II).

Лашинковъ, Иванъ Васильевичъ, профессоръ. Получивъ первоначальное образованіе въ черниговской семинаріи, онъ вступилъ въ 1844 г. въ лицей Князя Безбородко; окончивъ въ немъ курсъ перешелъ на историко-филологич. факультетъ кievскаго унив.—та и особенно занимался историческими науками. Потомъ, послѣ 2-хлѣтняго преподаванія русской словесности во 2-й кievской гимназій, онъ въ 1853 поступилъ исправляющимъ должность профессора русской исторіи и статистики въ лицей князя Безбородко и, выдержавъ въ 1854 г. экзаменъ на степень магистра, оставался въ этой должности до 1868 г., когда избранъ былъ доцен-

томъ исторіи въ кіевскій университетъ. Ум. 25 окт. 1869 г. въ г. Борзнѣ.

Н. въ Голосѣ, № 323. — Илл. Газета, № 48 стр. 367.

Лосцовъ, Мартынъ Леонтьевичъ, протоіерей церкви неопалимыя купины въ Зубовѣ, въ Москвѣ, законоучитель мос. Екатерининскаго института. Ум. въ Янв. 1869 г. (Русс. Вѣдом. № 27).

Лубяновскій, Ѳеодоръ Петровичъ, д. т. сов., сенаторъ. Сынъ священника, изъ дворянъ полтавской губерніи, учился въ харьковскомъ коллегіумѣ и въ моск. университетѣ. Въ 1796 г. онъ поступилъ адъютантомъ къ князю П. В. Репнину, въ послѣдствіи былъ секретаремъ министра вн. дѣлъ, статъ-секретаремъ, управляющимъ дѣлами принца Георгія Ольденбургскаго (1809), губернаторомъ пензенскимъ (1819—1830) и подольскимъ (1831—1833) и съ 1833 сенаторомъ. Ум. 2 февраля 1869 г. въ глубокой старости (см. Спб. Вѣдом. № 34).

1). Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 гг., 3 ч. Спб. 1805. 8°. — 2) Приключенія Телемака, *Фенелона*, съ франц. 2 ч. М. 1805, съ картинками. — У Сопикова подъ № 8996 показано такъ: Приключенія Телемака сына Улисова, соч. Фенелона съ прибавленіемъ краткаго описанія свойствъ высокой добродѣтели и изящныхъ сочиненій великаго Фенелона и нѣсколько о немъ анекдотовъ и проч. Вновь переведено съ подлинника Ѳ. Лубяновскимъ. 2 ч. съ карт. М. 1800; 2-е изд. М. 1805 и 3-е М. 1810. 8°. Въ каталогъ Селивановскаго переводъ Лубяновскаго указанъ вышедшимъ въ Москвѣ въ 1784 г.; въ другихъ каталогахъ не нашлось точныхъ указаній на изданія этого перевода. Онъ въ послѣдствіи перевелъ его вновь и издалъ подъ заглавіемъ: Телемакъ, соч. Фенелона, новый переводъ, 2 ч. Спб. 1839. 8°. Въ предисловіи сказано, что прежнія изданія 1797 и 1814 вышли въ Москвѣ безъ его вѣдома. 3) Тос-

ка по отчизнѣ, Генриха Штиллинга. Съ нѣм. 2 ч. 1806. 8° (у Сопикова сказано, что обѣщано было 5 частей, а вышло только двѣ; оригиналъ въ 5 ч. Въ росписи Плавильщикова указано изданіе 1816 г.). 4) Ѳеобальдъ, или мечтатели, истинная повѣсть *Юна Штиллинга*. Съ нѣм. 4 ч. М. 1819. 12°. 5) Замѣтки за границую въ 1840 и 1843 г. Ф. П. Л. Спб. 1845. 8°.

Въ газетѣ Голосъ 1869, № 38 въ некрологѣ его, сказано, что онъ оставилъ Записки.

Н. Вѣст. 1869, № 40 и Суд. Вѣстникъ, № 30.

Никельсъ, Александръ Андреевичъ, инженеръ-технологъ. Кончивъ курсъ съ золотой медалью въ технологическомъ институтѣ 1837 г. онъ служилъ на сахарныхъ и винокуренныхъ заводахъ, участвовалъ въ работахъ по постройкѣ бобруйской крѣпости, былъ однимъ изъ дѣятелей по проектированію водопроводовъ и устройствъ ихъ въ Петербургѣ. Последняя практическая дѣятельность его была постройка по собственной системѣ желѣзныхъ домовъ и церквей (между прочимъ трехъ большихъ корпусовъ лавокъ на Апраксеномъ дворѣ въ Петербургѣ.) Живя въ Варшавѣ, куда вызванъ былъ для устройства образцоваго для солдатъ желѣзнаго дома, онъ заболѣлъ и едва перебравъ въ Гатчину сконч. 21 іюля 1809 г. на 53 году.

Его брошюрка: Нѣск. словъ о Спб. водопроводахъ. Спб. 1862. 8°.

Н. Сѣв. Пчела 1869, № 38 (Изъ Спб. Вѣдом.).

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ, академикъ. — Сынъ помѣщика, р. 1796 г., въ молодости служилъ въ военной службѣ и 26 авг. 1812 подъ Бородинымъ былъ раненъ въ ногу, въ слѣдствіе чего у него была отнята нога. Въ 1823 онъ былъ уволенъ изъ военной службы въ статскую и состоялъ съ 1827 г. по министерству вн. дѣлъ. Въ 1834—1835 г. онъ совершилъ поѣздку на востокъ. Въ 1839 онъ былъ опредѣленъ правителемъ канцеляріи

статсъ - секретаря у принятія прошений, а вскорѣ потомъ членомъ комисіи прошений. Съ 1849 онъ присутствовалъ въ сенатѣ и былъ членомъ человеколюбиваго общества, въ 1850 назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и въ слѣдующемъ предсѣдателемъ археографич. комисіи, 7 апр. 1853 исправляющимъ должность министра нар. просв., а съ 1854 г. апр. 11 по 23 марта 1858 былъ министромъ. Его управленіе памятно просвѣщеннымъ взглядомъ на науку и литературу, первыми опытами преобразования цензуры. Покинувъ министерство, Норовъ оставался членомъ госуд. совѣта съ сохраненіемъ прочихъ званій.

Въ молодости Н. печаталъ стихотворенія въ журналахъ и альманахахъ, между прочимъ переводы съ итальянскаго. — Запасшись нужными свѣдѣніями, онъ совершилъ ученое путешествіе на Востокъ и далъ русской литературѣ до сихъ поръ лучшее въ ней сочиненіе о Палестинѣ, прекрасно изложенное, и занялъ почетное мѣсто между лучшими нашими писателями. По его вчинанію и заботамъ археографич. комисія издала Путешествіе Данила Паломника и предприняла изданіе Четыхъ-Миней. Какъ ревностный библиофилъ Норовъ собралъ значительную бібліотеку, особенно богатую изданіями классиковъ и сочиненіями о Востокѣ; она поступила въ московскій музей, и начало ея описи напечатано также тщательно какъ всѣ соч. Норова. — Востоковъ описалъ его славянскія рукописи и книги въ Журналѣ М. Н. Пр. ч. IX и XII (1836).

1) Путешествіе по Сициліи въ 1822 г. 2 ч. Спб. 1828. Съ картинами и планами. — 2) Путешествіе по Святой Землѣ въ 1835 г. 2 ч. Спб. 1838. 8^о съ грав. картинами, планами и картою. Изд. 2-е дополненное, 2 ч. Спб. 1844. 8^о. Съ тѣми же карт. — 3) Путешествіе по Египту и Нубіи, въ 1834—1835 годахъ, служащее до-

подненіемъ къ путеш. по святой землѣ. 2 ч. Спб. 1840. Съ рисунками и планами. — 4) Путешествіе къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Спб. 1847. Съ рис. и планами. — Эти сочиненія составили 3 томовъ „Путешествій Норова“, изд. въ 1853—1854) Смирдинымъ. — 5) Исслѣдованіе объ Атлантидѣ. Спб. 1854. (Изъ записокъ II отд. Академіи). — 6) Нѣсколько мыслей стараго паломника. Спб. 1858. — 7) Окружное посланіе, назидательныя мысли, предсмертное завѣщаніе Георгію Схоларію и предсмертныя слова Георгія Схоларія. Марка Ефесскаго. Отвѣтъ на предсмертное завѣщаніе Марка Ефесскаго. Надгробное слово Марку Ефесскому, эпитафія Марку Ефесскому. Издалъ А. Норовъ. Парижъ. 1860 (Каталогъ Баунова № 141). — 8) Защита синайской рукописи Библии отъ нападеній архимандрита Порфирія Успенскаго. Спб. 1863. — 9) Путешествіе игумена Данила по святой землѣ, въ началѣ XII в. (1113—1115). Изд. Арх. комиссіею подъ редакціею А. Норова, съ его критич. замѣчаніями. Спб. 1864. 4^о. Съ картою, планомъ и снимками. — 10) Библіотека А. С. Норова — *Bibliothèque de M. Ab. de Noroff*. Ч. I. Спб. 1868. 8^о. — 11) *Notice bibliographique sur un manuscrit autographe des oeuvres inédites de Giordano Bruno Nolano, tiré du catalogue de M. A. Noroff*. St. Pet. 1868. Съ факсимиле. — 12) Война и Миръ. 1805—1812 гг. съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. (По поводу соч. Гр. Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ») Спб. 1868. 8^о (Изъ Военнаго Сборника № 11).

В. съ потретою (изъ Правит. Вѣстника) Всек. Иллюстраціи 1869, № 6. — Голосъ № 26 (Никитенко). По поводу кончины его, П. Щербатскаго, въ Соврем. Лѣтописи 1869, № 6. (Здѣсь говорится о его министерствѣ). Біографія, читанная въ торж. собраніи Академіи 29 дек. А. Никитенко, въ Спб. Вѣдом. 1870, № 22 и въ Запискахъ Академіи, т. XVII, кн. 1.

Обушовъ, Павелъ Матвѣевичъ, д. с.

с. По окончаніи курса въ горномъ институтѣ въ 1843 г. поступилъ на службу на казенные уральскіе заводы и будучи назначенъ въ 1855 г. управителемъ златоустовской оружейной фабрики, занялся опытами литья стали и довелъ это дѣло до такого совершенства, что его способъ превзошелъ всѣ прочіе прочностью выдѣлки, такъ что сталь эта получила именованіе „буховской.“ Ум. 1 янв. въ г. Піетро, въ Молдавіи.

Н. В. Полетики въ Спб. Вѣдом. 1869 г. № 39.
Н. Князя Всев. Докторукано, въ Голосѣ, № 41.

Одоевскій, князь Владиміръ Θεодоровичъ, гофмейстеръ, т. сов., р. въ 1803 г. и учился въ благородномъ пансіонѣ при моск. унив-тѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1821 г. съ золотою медалью. Службу началъ онъ въ 1826 г., поступивъ въ моск. дворянское депутатское собраніе и въ томъ же году опредѣленъ въ цензурный комитетъ министерства вн. дѣлъ, а въ 1827 назначенъ секретаремъ его общаго собранія. Съ 1828 по 1846 онъ служилъ при гр. Блудовѣ, сначала въ министерствѣ вн. дѣлъ, потомъ съ 1840, во II отд. собственной Его И. В. канцеляріи. Сверхъ того участвовалъ въ нѣсколькихъ комитетахъ и съ 1835 былъ членомъ уч. комитета госуд. имуществъ и правителемъ дѣлъ комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Съ 1846 по 1861 онъ былъ помощникомъ директора публичной библіотеки и завѣдующимъ румянцовскимъ музеемъ, а 1861 г. 13 окт. съ переводомъ музеума въ Москву назначенъ присутствующимъ въ 1 отд. 6-го деп-та сената, съ увольненіемъ отъ должности завѣдывающаго музеемъ, а въ 1862 присутствующимъ въ 8-мъ деп-тѣ сената, и затѣмъ въ 1864 первоприсутствующимъ въ немъ. Ум. 27 февраля 1869 г.—Къ служебнымъ его занятіямъ должна быть отнесена и филантропическая дѣятельность князя. Онъ составилъ уставъ

дѣтскихъ пріютовъ и усердно содѣйствовалъ организациі ихъ; былъ учредителемъ Елисаветинской дѣтской больницы, и учредителемъ и предсѣдателемъ общества посѣщенія бѣдныхъ; по его мысли учреждена лечебница герцога лейхтенбергскаго («Максимилиановская»); онъ былъ предсѣдателемъ комитета правленія крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія.

Съ ранней молодости занялся онъ литературою. Первые его печ. опыты находятся въ рѣчахъ, произнесенныхъ на публичныхъ актахъ И. М. Благ. Пансіона М. 1821 и 1822. (Разговоръ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ и Рѣчь о томъ, что всѣ знанія и науки тогда только доставляютъ намъ истинную пользу, когда они соединены съ чистою нравственностью и благочестіемъ). Потомъ онъ помѣстилъ нѣск. статей въ Вѣстникѣ Европы 1822 г. Въ 1824—1825 онъ издалъ съ В. Кюхельбекеромъ 4 книжки лит. сборника: „Мнемозина“ съ литографіями и нотами, въ которомъ кромѣ издателей участвовали Пушкинъ, Давыдовъ, Языковъ, Полевой и друг. Онъ тогда вращался въ кругу лучшихъ литераторовъ, усердно занимался философіею Шеллинга и естеств. науками. Потомъ онъ писалъ повѣсти, особенно удачно въ фантастическомъ родѣ. Когда онъ стали появляться въ Отеч. Запискахъ съ 1839 г., то поставили его на ряду съ первоклассными нашими писателями и вскорѣ (1844) вышли отдѣльно. Его домъ въ эту эпоху былъ одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ въ Петербургѣ, и на его литературныхъ вечерахъ вмѣстѣ съ свѣтскими людьми и иностранцами сходились артисты, литераторы и ученые (См. Записки И. Панаева). Страстно любя музыку и будучи знатокомъ ея, князь писалъ о ней какъ специалистъ. Онъ изобрѣлъ особаго рода органъ и переѣхавъ въ Москву усердно забо-

тился о воспроизведеніи нашего древняго пѣнія и облегченіи методы обученія пѣнію. (См. его письмо о исконной великорусской музыкѣ въ 3-мъ выпускѣ Калѣкѣ Перехожихъ Безсонова и статьи въ Днѣ 1864, № 4, —17 и 46). При крайней любознательности и начитанности, кн. О. обладалъ энциклопедическимъ образованіемъ и имѣлъ самыя разнообразныя свѣдѣнія; такъ между прочимъ онъ напечаталъ остроумныя и полезныя „Лекціи доктора Пуфа“ о кухнѣ и занимался химіею. По педагогикѣ есть его статья: „О педагогич. способахъ при первонач. образованіи“ (въ Отеч. Запискахъ, т. 43 *) нѣсколько дѣтскихъ сказокъ и статей для народа въ изданномъ имъ съ А. Заблѣцкимъ «Сельскомъ чтеніи» (1-я книжка, Спб. 1843 (два изданія) 3-е изд. 2 книжки Спб. 1844.—3-я книжка 1845.—1-я книжка 4-мъ изданіемъ 1845, и 5-мъ въ 1845 и 8-мъ 1851. Кн. 2-я изд. 5-е 1851; 3-я изд. 4-е 1852; 4-я изд. 2-е 1851.— Изданіе 4-е (?) 4 книги Спб. 1863.

Съ Врасскимъ онъ издалъ Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней, издан. В. и О. Спб. 1833. 8°, и тоже на 1835, изд. Б. В. и К. О. Съ картинками.

1) Четыре аполога. М. 1824. 12°. 2) Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринею Модестовичемъ Гомозейкою, изданныя В. Безгласнымъ. Спб. 1833. 12°. 3) Опытъ о музыкальномъ языкѣ, или телеграфѣ, могущемъ посредствомъ музыкальных звуковъ выражать все то, что выражается словами и служить пособіемъ для различныхъ сигналовъ на морѣ и на сухомъ пути. Спб. 1833. 8°. Съ таблицею нотъ.—4) Городокъ въ табакеркѣ. Дѣтская сказка дѣдушки Ириней. Спб. 1834 и вторично 1847, миниатюрная книжка въ 64 д. л.—5) Сказки и повѣсти для

дѣтей дѣдушки Ириней, собр. Кн. В. Одоевскимъ. Спб. 1841. 16°.—6) Прошедшее въ настоящемъ. Отрывокъ изъ русскихъ ночей. Спб. 1844. 12°.—7) Собраніе сочиненій. 3 ч. Спб. 1844. 8°.—8) Сборникъ дѣтскихъ пѣсень съ нотами дѣдушки Ириней. Спб. 1847. 8°.—9) Морозъ Ивановичъ, дѣтская сказка дѣдушки Ириней. Спб. 1847. 64 д. л.—10) Отрывокъ изъ записокъ Ириней Модестовича Гомозейки, Безгласнаго. Спб. 1855. 24° (Въ Библиотекѣ для дачъ).—11) Воспоминаніе о 28-мъ іюля 1856. Спб. 1856. 8°.—12) *Lettre et plaidoyer en faveur de l'abonne russe (reponse à M. Alphonse Karr) par Pr. W. Odoewsky (V. l'Avenir de Nice de 1857)*, брошюра по поводу газетныхъ статей о Россіи.—13) Хорное пѣніе въ Исаакіевскомъ соборѣ 1838. 8°. (Изъ Спб. Вѣдом. № 95).—14) Записки о пѣніи въ приходскихъ церквахъ. 1864. 16° (День, № 4).—15) Бесплатный классъ простаго хороваго пѣнія Русскаго музыкальнаго общества въ Москвѣ. 1864. 12°. (Изъ газеты. День, № 46).—16) Русская и такъ называемая общая музыка М. 1867. 12° съ примѣч. Погодина.—17) Недовольно. М. 1867. 8°. (Въ 1 ч. Бесѣдъ Общ. любит. рос. словесности. Отвѣтъ на статью Тургенева).—18) Музыкальная грамота для немужиковъ. Изд. Я. О. Орлова. М. 1868. 4°.—19) Публичныя лекціи профессора Любимова. М. 1868. 12°.—20) О пѣніи въ приходскихъ церквахъ. М. 1868. 8°.

Извѣстіе о кончинѣ его въ Моск. Вѣд. 1869, № 47; некрологъ № 50 и въ извлеченіи въ Голосѣ, № 67: Еще на память о немъ К. Побѣдоносцевъ. — Воспоминаніе читанное въ Обществѣ любит. р. слов. 13 апр. 1869 М. Погодинымъ, въ Голосѣ № 171. — Біограф., портретъ, послужной списокъ (изъ Правит. Вѣстника) и списокъ сочиненій во Всемирн. Иллюстраціи 1869, № 12; Иллюстрир. Газета 1869, № 62 (Съ портретомъ).

Павловскій, Иванъ, учитель въ Ригѣ, потомъ съ 1837 по 1858 лекторъ русскаго языка въ дерптскомъ унив-тѣ. Ум. 31 іюля 1869 въ Дерп-

(*) Отрывокъ большаго предпринятаго имъ труда о первоначальномъ обученіи подъ названіемъ: Наука до Науки.

тъ (Илл. Газета 1869, № 33, стр. 128)

1) *Russische Sprachlehre für Deutsche, Dorpat* 1838. 2) Начертаніе Географіи Росс. Имперіи (для уѣздныхъ учил.) Дерптъ, 1841. 8°. — 4) Географія Росс. Имперіи 2 ч. Дерптъ, 1843. 8°. — 3) Русская Хрестоматія, Митава, 1842. 8°. — 5) *Theoretisch-practischer Coursus der Russ. Sprache für Deutsche 2-e Aufl. Mitau*, 1843. 8°. (Это пополненное изданіе книги № 1). — 6) Пространная Географія Росс. Имперіи. Изд. 2-е 2 ч. Спб. 1846. 7) Руководство къ Географіи Росс. Имперіи 2 ч. Изд. 5-е Спб. 1858. (1-я ч. вышла въ Дерптѣ, въ 1844.) — 8) Полный русско-нѣмецкій словарь 2 ч. Рига, 1859. — 9) Полный нѣмецко-русский Словарь 2 ч. Рига, 1856. 8° и новое изд. Рига, 1867.

Плаксинъ, Василий Петровичъ, ст. сов. + 6 фев. 1869. (Голосъ, № 39). Онъ былъ студентъ спб. университета и преподаватель русской словесности во многихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

1) Краткій курсъ словесности, приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ. Спб. 1832 и 1835. 8°. — 2) Руководство къ познанію исторіи литературы. Спб. 1833. 8°. — 3) Лѣтопись факультетовъ на 1835. 2 книжки. Спб. 8°. (Сборникъ уч. статей, изданный вмѣстѣ съ Галичемъ). — 4) Учебный курсъ словесности съ присовокупленіемъ предварительныхъ попятій о человѣкѣ вообще, о его познавательныхъ силахъ, о свойствахъ и связи мыслей, краткой теоріи изящныхъ искусствъ и примѣровъ во всѣхъ родахъ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій. 2 ч. Спб. 1843-44. 8°.

Пузановъ, Михаилъ Александровичъ, агрономъ, помѣщикъ щигровскаго уѣзда + 1869. (Илл. Календарь 1870 г. стр. 144). —

1). О земледѣліи и скотоводствѣ въ Россіи. Спб. 1862. — 2) О сельско-хозяйственныхъ выставкахъ въ Россіи, какъ о могущественномъ рычагѣ общественнаго преуспѣянія. Спб. 1864.

3) О скотоводствѣ въ Россіи. Изъ изслѣдованій и наблюденій М. Пузанова. Спб. 1864.

Пулятинъ, Родіонъ Тимофѣевичъ, извѣстный проповѣдникъ, протоіерей рыбинскаго спасопреображенскаго собора, ум. 4 Ноября 1869 г. на 62 г. въ Рыбинскѣ. (Виржевыя Вѣдомости, № 309).

Краткія поученія. М. 1842, 1843, 1844 (съ прибавленіями, вышедшими также отдѣльно: Девять поученій...); 3-е изд. 1845, съ прибавленіемъ 10 поученій; 4-е сходно съ 3-мъ М. 1845; 5-е, 6-е и 7-е 1847; 8-е, 9-е изданіе 1851; 10-е—1853; 11-е 1856. — XVI новыхъ краткихъ поученій. М. 1854. — XVI новыхъ поученій. М. 1858. — VIII краткихъ поученій. М. 1859. — XV и VIII краткихъ поученій. М. 1861. — Катихизисъ Бесѣды. Рыбинскъ. 1862. — Краткихъ поученій XX. М. 1863. — Полное собраніе поученій, Рыбинскъ, 1864, 8°. — Полное собраніе поученій изд. 14-е М. 1865. — Въ отчетѣ И. Публ. Библиотеки за 1865, стр. 29., указанъ болгарскій переводъ поученій Пулятина, вышедшій въ Царьградѣ, въ 1861 г.

Не сличивъ этихъ изданій, нельзя указать связь и послѣдовательность ихъ: указанія наши взяты изъ каталоговъ и изъ хроники Отеч. Записокъ. Есть его поученія въ Душесп. Чтеніи и Странникѣ и вѣроятно, имѣя въ виду общедоступность и извѣстность словъ Пулятина, можно ожидать полного ихъ изданія.

Памяти Пулятина, свящ. I. В-го; въ Москов. Епарх. Вѣдомостяхъ 1869, № 47, стр. 10.

Рабиновичъ, Осипъ Аароновичъ, ум. въ Меранѣ, въ Тироли 16 окт. 1869 г. на 83 г. (Мос. Вѣдом. № 244 и Сѣв. Пчелу № 64). Обладая знаніемъ и литературнымъ талантомъ, онъ писалъ на русскомъ языкѣ въ защиту евреевъ и для этого началъ издавать газету: Разсвѣтъ. Его повѣсти и статьи находятся во множествѣ русскихъ журналовъ. Изъ отд. издан-

ныхъ мнѣ извѣстна повѣсть: Гакрабъ (битва). Пер. съ еврейскаго. Одесса, 1847 г.

Роки, Павелъ Егоровичъ, инженеръ-генераль-майоръ, профессоръ инженерной академіи, ум. 2 іюля 1869. (Голосъ, № 182).

Соколовъ, Константинъ Матвѣевичъ, докторъ медицины, р. 1826 г. въ семьѣ священника рязанской губ. По выходѣ изъ рязанской гимназіи поступилъ онъ въ рязанскую уголовную палату, откуда, перейдя на службу въ Москву, поступилъ въ 1846 г. въ медіц. факультетъ, и въ 1858 получилъ степень доктора медицины. Врачебную службу онъ началъ съ 1851 г. въ Екатерининской больницѣ, состоя также при канцеляріи моск. генераль-губернатора. По представленію князя В. А. Долгорукова онъ назначенъ былъ инспекторомъ московскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства. Онъ усердно способствовалъ устройству и поддержкѣ лечебницы общества русскихъ врачей и заботился объ улучшеніи больницы для черноработчихъ. Кругъ его практики въ Москвѣ былъ весьма обширный. Ум. 26 мая 1869.

Н. В. Ельцинскаго, въ Моск.¹ Вѣдом. 1869, № 118.

Цертелевъ, князь Николай Андреевичъ, р. въ г. Хоролѣ въ 1790 и происходилъ изъ древняго рода имеретинскихъ князей Цертели, вѣтвь коихъ поселилась въ Россіи въ 1739 г.—Онъ учился въ моск. университетѣ; переѣхавъ въ Петербургъ, занялся словесностью, помѣщалъ статьи въ Сынѣ Отечества и былъ членомъ спб. лит. обществъ. Въ 1823 г. онъ былъ назначенъ директоромъ училищъ сперва Тамбовской, потомъ Полтавской губерніи, а съ 1838 по мартъ 1859 былъ помощникомъ попечителя харьковскаго уч. округа, послѣ того состоялъ членомъ главнаго правленія училищъ. Вышедъ въ отставку

въ 1861 г., онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ сконч. 8 сент. 1869.

1) Опытъ собранія старинныхъ мало-россійскихъ пѣсень. Спб. 1819. 8°. 2) О произведеніяхъ древней русской поэзіи. Спб. 1820. 8°—3) Опытъ общихъ правилъ стихотворства. Спб. 1820. 8°.—4) Взглядъ на русскія сказки и пѣсни, и повѣсть въ духѣ старинныхъ русскихъ стихотвореній. Спб. 1820. 8°.

Н. Соврем. Летопись 1869, № 41.

Шишковъ, Николай Петровичъ, агрономъ и свеклосахарный заводчикъ. Воспитанный въ московскомъ университетѣ, онъ служилъ въ военной службѣ, потомъ былъ смотрителемъ училища въ г. Данковѣ, въ уѣздѣ ко-его было его помѣстье, гдѣ онъ дѣятельно и успѣшно занимался хозяйствомъ и завелъ свеклосахарный заводъ (Обзоръ его въ Журналѣ Сельскаго Хоз. 1846. № 1). Онъ былъ нѣкоторое время президентомъ лебедянскаго общества сельскаго хозяйства. Будучи съ 1832 г. членомъ моск. общества сельскаго хоз., онъ помѣстилъ въ Земледѣльческомъ Журналѣ (съ 1832) много статей по свеклосах. производству и къ 50—лѣтнему юбилею общества приготовилъ историч. обзоръ свеклос. производства въ Россіи. (См. Моск. Вѣдом. 1869, № 66).

1) Опытъ учета работъ при свеклосахарномъ производствѣ. М. 1842 и 1854. 8°.—2) Обзоръ свеклосахарнаго производства. Отд. I. М. 1842. 8°.—3) Описаніе усовершенствованнаго способа горячей вымочки свекловицы. М. 1842. 8°.—4) Химическія изысканія о вліяніи разныхъ дѣятелей въ сахарномъ производствѣ и явленіяхъ отъ того происходящихъ, г. Гахштеттера. Пер. съ нѣм. съ доп. М. 1845. 8°.—5) О сушкѣ хлѣба и описаніе зерносушилки. М. 1857. 8°. (Изъ Записокъ лебед. общества).

В. Земледѣльческая Газета 1854, № 11 и 12.

Щербина, Николай Ѳедоровичъ, поэтъ, р. 2 дек. 1821, близъ Таганрога.

Отецъ его былъ дворянинъ харьковской губ. Учился онъ въ таганрогской гимназiи и въ харьк. университетѣ. Будучи внукомъ гречанки, онъ изучилъ греческій языкъ, а потомъ и древнюю литературу грековъ, и это отразилось въ его произведенiяхъ. Первое его стихотворенiе: «Къ Морю» было напечатано въ Сынѣ Отечества 1838 № 10; въ Молодикѣ на 1844 г. появились его «Греческiя Мелодiи», послѣ того его стихи появлялись въ столичныхъ журналахъ. Въ 1850 г. онъ переселился въ Москву на службу и участвовалъ въ Москвитинѣ. Съ 1855 онъ жилъ въ Петербургѣ и служилъ при деп-тѣ мин. нар. про-свѣщенiя. Не за долго до кончины, онъ поступилъ въ главное управленiе по дѣламъ печати. Ум. въ Спб. 10 апрѣля 1869 г.

1) Греческiя стихотворенiя. Спб. 8°.—2) Стихотворенiя Н. Щербины, 2 т. Спб. 1857. 8°.—3) Сборникъ лучшихъ произведенiй русской поэзiи. Спб. 1858. 8°.—4) Пчела. Сборникъ для

народнаго чтенiя и для употребленiя при народномъ обученiи. Спб. 1863, 1866 и 1869. Съ политипажамъ.—5) Иово и Мара. Сербская народная поэма. Переводъ. М. 1860.—8°. (Изъ Рус. Вѣстника).

Биографич. очеркъ съ портретомъ въ Худож. Листѣ Тимма 1858, № 7.—Н. Г. Данилевскiй въ Голосѣ 1869, № 106; Пет. Газета № 53. Всемирная Иллюстрацiя № 18 (съ портретомъ).—Иллюстр. Газета 1869, № 21.

Геофилактъ (Праведниковъ). По окончанiи курса въ кievской академiи служилъ учителемъ и инспекторомъ павловскаго духовнаго училища и воронежской семинарiи. Въ 1845 г. онъ постригся, а въ 1852 возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ тамбовской семинарiи, въ 1857 перемѣщенъ въ херсонскую семинарiю, 1868 назначенъ епископомъ новгородъ-сѣверскимъ, викарiемъ черниговскимъ. Ум. 12 янв. 1869 г., 58 лѣтъ.

Н. Чериг. Епарх. Вѣдомости 1869, № 2 при-бавленiя, здѣсь же и надгробныя слово ему А. Е. и Г. Дяконова. — Литовскiя Епарх. Вѣдом. № 4 и Воронежскiя, № 4.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОСЛѢДНЕМЪ ПОЛЬСКОМЪ ЗАГОВОРѢ.

(Печатается съ разрѣшенiя Его Сiятельства г. Намѣстника Царства Польскаго.)

ГЛАВА V (*).

Адресъ.—Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ.—Торжественныя похороны пяти жертвъ.—Занятiя Делегатовъ.—Слѣдственная коммиссiя для разбора дѣла о выстрѣлахъ.—Маркизъ Веленопольскiй.—Упраздненiе Делегацин.

Сильно шумѣла купеческая Ресурса послѣ паденiя пяти жертвъ, но едвали менѣе было шуму на другой день въ Земледѣльческомъ Обществѣ, на экстрен-

номъ засѣданiи всѣхъ находившихся въ Варшавѣ его членовъ (какъ полагаютъ, около двухъ тысячъ).

Обдумывался вопросъ: что имъ дѣлать,—имъ, бѣлымъ? Если они устроятъ себя отъ движенiя и передадутъ «книги въ руки» младшимъ, хотя-бы эти младше выступили подъ предводительствомъ Делегатовъ, утвержденныхъ намѣстникомъ, дѣло будетъ немедля проиграно. Делегация, этотъ новый, невѣроятный Народный Сенатъ, на который были обращены теперь всѣ очи и отъ котораго стра-

* Первые четыре главы напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1870 года. II. Б.

на ожидала какихъ-то чудесъ, конечно въ красномъ духѣ, — Делегация, несмотря на почтенныя лѣта, сѣдину и лысину иныхъ ея членовъ, была въ сущности тѣмъ-же краснымъ лагеремъ, какъ и безусые мечтатели и крикуны Академіи. Бѣлая половина Делегатовъ, если только не всѣ, были знакомы и дружны съ Юргенсомъ, Годлевскимъ и прочими главами Красныхъ. Надо было бѣлымъ, настоящимъ бѣлымъ, овладѣть, во что-бы то ни стало, всѣмъ движеніемъ, забрать въ руки и Новаковскихъ, которые кричали, что если имъ дадутъ волю, то они сейчасъ-же возьмутъ Цитадель и Замокъ; и Делегатовъ, которые покаместъ еще ничего особенно-дикаго не кричали, но... какъ-бы собирались крикнуть, да было совѣстно. Все нужно было забрать, но для этого слѣдовало предварительно обратить хотя немного глаза толпы въ другую сторону, хоть немного измѣниться въ глазахъ Варшавы и Польши. Варшава и Польша смотрѣли на бѣлыхъ недружелюбно, отчасти какъ на людей, соединенныхъ такъ или иначе съ правительствомъ, зачастую помогавшихъ правительству тормозить разговоры, парализовать дѣйствія всего того, что считалось въ краѣ живымъ и спасительнымъ; отчасти какъ на людей, думавшихъ только о своихъ интересахъ и привилегіяхъ и не хотѣвшихъ дѣлиться этимъ добромъ съ низшею братіею, дѣлать уступки, приносить жертвы, тѣмъ менѣе становиться въ ряды защитниковъ отечества въ критическую минуту. Варшава и Польша знали хорошо, кого бѣлые суютъ обыкновенно въ такіе опасные ряды, запрягаютъ въ черную работу, а сами, когда дѣло кончится благополучно, норовятъ только захватить власть и командовать, но командуютъ очень плохо.

Понятно теперь, почему Варшава, въ минуту нами изображаемую, устремляла свои глаза вовсе не туда, гдѣ

стоялъ грандіозный Намѣстниковскій палацъ ¹⁾, огромный трехъ-этажный домина, съ двумя по обѣимъ сторонамъ его, неменѣе огромными, флигелями, — этотъ когда-то пышный дворецъ Радзивилла, съ комнатами, гдѣ подписана была конституція 1815 года и гдѣ позже диктаторствовалъ Круковецкій. Не туда смотрѣла Варшава послѣ событій 27 Февраля, а на сѣрый, неказистый домикъ близъ Рымарской улицы, уже извѣстный читателямъ, — домикъ, гдѣ устроилась Делегация ²⁾.

Про бѣлыхъ, про Земледѣльческое Общество тогда никто и не думалъ, какъ будто они вовсе не существовали въ Польшѣ. Ихъ превращеніи въ красныхъ къ вечеру 27 Февраля никто не замѣтилъ, какъ не замѣтили и ихъ торжественнаго поѣзда въ Замокъ и не слышали заносчивыхъ патріотическихъ криковъ графа Өомы Потоцкаго передъ намѣстникомъ; тогда какъ про выходку сапожника Гишпанскаго говорили всѣ и его карточки покупали на расхватъ, такъ-что Байеръ едва успѣвалъ ихъ стряпать. Бѣлые совершенно по напрасну вдругъ поглупѣли и перешли въ младшій возрастъ. Выстрѣлъ пропалъ даромъ.

Какъ же было теперь поправить дѣло? Гдѣ скрывались такіе силы, которыя могли-бы заставить Варшаву снова вспомнить о Земледѣльческомъ Обществѣ, объ его заслугахъ краю, объ несомнѣнныхъ патріотическихъ завоеваніяхъ? Какъ было сдѣлать, чтобы голоса бѣлыхъ стали хоть немного слышны среди этой невѣроятной сумятицы и хаоса?

Часть членовъ заявила, что только «немедленное постановленіе о надѣлѣ крестьянъ землею и скорѣйшее приведеніе этого въ исполне-

¹⁾ Мѣсто засѣданій Земледѣльческаго Общества.

²⁾ Изображеніе его можно видѣть въ № 151 *Tygodnika Illustr.* за 1870, с. 245.

ніе» могло бы вновь разогрѣть охлажденіе массы къ Обществу, отозвалось-бы въ городѣ благоприятно. Въ пользу этой мѣры были всѣ не такъ богатые, но не въ ихъ власти было рѣшеніе. Рѣшалъ Комитетъ, состоявшій, само собою ризумѣется, изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ было неудобно разставаться съ вѣковѣчными привилегіями своего сословія, самимъ занести на нихъ руку. Какъ ни опасна была минута, но барская закоснѣлость, шляхетство одержали верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Комитетъ Земледѣльческаго Общества нашелъ, что надѣлъ хлопа землю потребовалъ-бы въ скоромъ времени совершеннаго освобожденія его отъ рабства, но къ этому еще не сдѣлано надлежащихъ подготовленій; а потому, вмѣсто надѣла, учредить пока наслѣдственные аренды (*Systeme wieczystych dzierżaw*) на образецъ Англіійскій, что и было принято.

Когда городъ узналъ о такомъ рѣшеніи Земледѣльческимъ Обществомъ вопроса, всѣхъ тогда естественно занимавшаго,—все поднялось противъ Комитета Общества, противъ его вождей. Положеніе бѣлыхъ стало еще хуже. До этой минуты объ нихъ не говорили просто ничего; теперь-же называли ихъ отсталыми, мертвецами, дикими людьми, неспособными ни на какую патріотическую жертву³⁾.

Комитетъ растерялся и не нашелъ другого выхода, какъ—слиться съ Ресурсою и помогать ей искренно во всемъ, что бы такое она ни затѣяла.

Ресурса писала Адресъ: бѣлые предложили тутъ не только свои соображенія, но даже и перья, не отказываясь потомъ и подписать то что будетъ составлено и одобрено общими силами. Это конечно для противупо-

ложной стороны было дѣломъ очень важнымъ. Она соединилась отъ всего сердца въ этихъ работахъ со своими антагонистами. Вся Варшава представила на ту пору истинно единогласіе, единъ духъ. Даже, кто повѣритъ? Не любимый никѣмъ, антипатичный маркизъ Велепольскій суетился тутъ-же и въ началѣ, правда нѣсколько мгновеній, не нарушалъ гармоніи. Бѣлые вообще такъ хлопотали, что за ними даже осталось поле дѣйствій, какъ-будтобы они одни, безъ красныхъ, сочиняли Адресъ.

Авейде говоритъ, что партіи писавшихъ раздѣлились на два главные лагеря: «одни, болѣе всего маркизъ Велепольскій, рекомендовали проэктъ адреса опредѣленнаго (*adresu określonego*) т. е. адреса, который-бы ясно обнималъ желанія народа относительно возвращенія Конституціи 1815 года, съ соотвѣтственными конечно настоящему времени измѣненіями и съ тою, какъ кажется, разницею, чтобы о своемъ Польскомъ войскѣ не упоминать вовсе».

«Другіе, во главѣ которыхъ стоялъ всѣми уважаемый помѣщикъ Ставицкій, предлагали проэктъ адреса съ неопредѣленными условіями (*adresu nieokreślonego*), т. е. слѣдовало только сказать, что намъ-де не хорошо; что нами управляютъ несогласно съ нашими потребностями, а потому мы желаемъ, дабы въ будущемъ всѣ наши дѣла пользовались болѣшимъ покровительствомъ законовъ, нежели это было до сихъ поръ»⁴⁾.

⁴⁾ Авейде II, 16.—Онъ добавляетъ къ этому еще слѣдующее: «Мнѣ говорили, что въ этомъ адресѣ (т. е. *неопредѣленно*) принимаемы были во вниманіе два совершенно противурѣчащія одно другому соображенія и цѣли; во-первыхъ, чтобы, не зная еще вполнѣ настроенія Монарха, не возстановить его какъ нибудь противъ насъ и не оскорбить заявленіемъ опредѣленныхъ

³⁾ Такъ разказываетъ объ этомъ фактѣ Авейде, II, 10, *примѣч.* Другихъ источниковъ для того мы не имѣли.

Этотъ послѣдній адресъ восторжествовалъ; иные думаютъ, отчасти потому, что на другой сторонѣ стояла непріятная для всѣхъ фигура Велепольскаго. Спрячяся Велепольскій тогда за другія плечи, дѣло, можетъ быть, пошло-бы иначе.

Ставискій, при помощи нѣсколькихъ другихъ бѣлыхъ и небѣлыхъ, написалъ слѣдующее:

«Горестныя событія, недавно случившіяся въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ и послѣдовавшая за ними глубокая скорбь, которая проникла въ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ Вашего Величества, отъ имени всей страны, въ надеждѣ, что Ваше благородное сердце, Государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа».

«Эти событія, которыхъ горькія сцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушитель-

желаній. Во вторыхъ, чтобы опредѣленныхъ адресомъ не связать себя передъ правительствомъ никакими, такъ сказать, условіями и имѣть чрезъ то, на будущее время, въ резервѣ открытую дорогу просить о чемъ-либо болѣе важномъ, нежели Конституція 1815 года безъ войска, напр хотъ объ этомъ войска и о присоединеніи къ Польшѣ Литвы и Руси. Кромѣ того, въ неопредѣленномъ адресѣ не говорилось, *чьмъ именно мы будемъ окончательно довольны*, но молчаливо, однако для всѣхъ вразумительно, допускалась всегдашняя возможность обратиться къ желаніямъ о возстановленіи самобытной Польши, въ прежнихъ ея границахъ, а слѣдовательно и къ мысли о революціи. Адресомъ-же съ точно-опредѣленными условіями, утвержденнымъ нашими подписями, мы сами закрывали добровольно дорогу всѣмъ своимъ планамъ и стремленіямъ къ самобытной Польшѣ. Такъ по крайней мѣрѣ въ то время разсуждали, разрѣшая вопросъ объ адресѣ».

ными страстями какихъ-либо отдѣльныхъ классовъ населенія; напротивъ того, онѣ составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ непризнанныхъ. Болѣе полустолѣтія страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ теченіи нѣкоихъ учрежденіями либеральными, народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія Монарху жалобъ и для выраженія общественныхъ нуждъ: все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе подать свой голосъ, какъ только стономъ жертвъ, а потому и не перестаетъ приносить эти жертвы».

«Въ глубинѣ души каждаго жителя этой несчастной страны хранится сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями. Несчастія не только не ослабили, напротивъ еще болѣе укрепили его. Все, чтѣ его оскорбляетъ, или неосторожно относится къ нему, — волнуетъ умы. Край видитъ съ грустію, что если эти нужды останутся неудовлетворенными, это подорветъ всякое довѣріе между правителями и управляемыми. Довѣрія не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственные, принудительныя мѣры, не ведущія ни къ чему. Страна, нѣкогда стоявшая въ уровень по образованію со своими сосѣдями въ Европѣ, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матеріально, доколѣя церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій».

«Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной Европейской семьѣ онъ одинъ, въ настоящее время, лишенъ необходимыхъ условій къ существованію, безъ которыхъ ника-

кое общество не можетъ слѣдовать путемъ развитія до цѣлей, указанныхъ ему Провидѣніемъ».

«Повергая къ стопамъ Трона выраженія нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе Вашего Императорскаго Величества, мы осмѣливаемся, Государь, взывать къ Вашему великодушію».

«Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.»

«Варшава 27 Февраля 1861 года».

Адресъ этотъ, переведенный на Французскій языкъ графомъ Андреемъ Замойскимъ, былъ подписанъ прежде всего архіепископомъ Фіалковскимъ и затѣмъ 180-ю лицами первыхъ дворянскихъ фамилій Царства Польскаго, представленъ Намѣстнику и посланъ имъ немедленно въ Петербургъ.

Потомъ подписи продолжали собираться по всему городу разными способами и въ разныхъ пунктахъ, между прочимъ въ кондитерской Конти (что нынѣ Черниера, на углу Европейской гостинницы) куда народъ сзывали съ улицы неопредѣленными кучками, въ 20, 30, 40 и болѣе человекъ. Чтецъ становился на мраморныя ступени, которыми поднимаются въ билльярдную и читалъ Адресъ собравшимся, послѣ чего ихъ заставляли подписываться, выпускали на улицу и кликали новую кучку.

Дня въ два набралось такимъ образомъ 18 тысячъ подписей. Затѣмъ Намѣстникъ приказалъ прекратить подписыванье.

А странный и упрямый Велепольскій носился въ это время со своимъ адресомъ и собиралъ для него подписи!..

Конечно, на него никто не смотрѣлъ и никто его не слушалъ. Массы помѣщиковъ толкались, вмѣстѣ со всякимъ другимъ народомъ, кто только считалъ себя вправѣ подавать голосъ,—то въ Купеческомъ клубѣ, то въ Европейской гостинницѣ, и обду-

мывали теперь вопросъ погребенія убитыхъ. А нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ чиновникъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги Лейя, съ помѣщикомъ Пѣтровскимъ, выставивъ въ окно шляпы, собирали всякія пожертвованія. Народъ, толпившійся на противъ, на площадкѣ, что между Европейской гостинницей и Ордонансъ-Гаузомъ, долго стоялъ въ раздумьи: давать или не давать; но когда кто-то опустилъ въ шляпу первую монету,—деньги и цѣнные вещи посыпались довольно щедро.

Можно было дѣлать что угодно. Варшава представляла тогда видъ исключительный: города безъ полиціи и войскъ; даже... почти безъ правительства.

Около 10 часовъ дня (28 Февраля н. ст.) явился въ залу Европейской гостинницы генералъ Паулуччи и, какъ увѣряютъ, спросилъ у присутствующихъ: «Желають-ли они имѣть его въ званіи главнаго начальника полиціи?» Всѣ прокричали: ура! Кое-гдѣ раздалось: и Гарибальди Италиянецъ и это Италиянецъ! Да здравствуютъ Италиянцы! Да здравствуетъ Гарибальди! Да здравствуетъ Паулуччи!»⁵⁾

Какъ это именно было—добратъся трудно. Несомнѣнно только, что Паулуччи явился къ помѣщикамъ въ Европейскую гостинницу и выслушалъ отъ нихъ разные привѣтственные крики. Что-то дѣйствительно кричали о Гарибальди и объ Италиянцахъ. Подобные же крики раздались тогда и у входа въ гостинницу, гдѣ толпилась вѣчно куча народу.

Побесѣдовавъ любезно съ помѣщиками въ залѣ, маркизъ Паулуччи отправился въ 64 номеръ, для присутствованія при форменномъ осмотрѣ тѣлѣ вторымъ огдѣленіемъ Варшавскаго полицейскаго суда, прибывшимъ въ узаконенномъ комплектѣ съ реен-

⁵⁾ Авейде. II, 12, 13, примѣчаніе.

томъ и 12-ю помѣщиками, въ качествѣ свидѣтелей».

Кромѣ того набилось туда-же много всякаго любопытнаго народу; успѣлъ побывать и фотографъ Байеръ, съ фотографическимъ аппаратомъ, для снятія убитыхъ во всей красѣ: съ отверзтыми въ сторону зрителей ранами—и скоро эти карточки полетѣли по всей Польшѣ.

Второе отдѣленіе полицейскаго суда, сообразивъ по тогдашнему всѣ обстоятельства дѣла, составило такой протоколъ:

«Такъ-какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается несомнѣннымъ, что смерть лицъ, подлежащихъ нынѣ судебному - медицинскому изслѣдованію, произошла отъ ранъ, нанесенныхъ воинскими чинами изъ огнестрѣльнаго оружія, за что виновные могутъ въ послѣдствіи подвергнуться законной отвѣтственности, то необходимо, для присутствованія при таковомъ изслѣдованіи, потребовать военнаго депутата».

Онъ потребованъ и явился въ 64-й номеръ того-же числа, въ 2 часа пополудни.

Началось скрытіе тѣлъ, и составленъ новый протоколъ, названный «слѣдственнымъ дѣломъ о разысканіи причины смерти господъ: Рутковскаго, Карчевскаго, Бренделя и Адамкевича».

Дѣло объ Арцыхевичѣ, лежавшемъ въ домѣ Замойскихъ, составлено особо тѣмъ-же вторымъ отдѣленіемъ Варшавскаго полицейскаго суда.

Оба эти дѣла очень любопытны и хорошо рисуютъ минуту. Мало того, что пресерьезно описано положеніе тѣлъ — на матрасахъ, въ номерѣ гостиницы, послѣ того какъ онѣ обѣхали нѣсколько улицъ, были кидаемы и перекидываемы и наконецъ уложены въ фотографическихъ позахъ, — въ протоколъ помѣстили даже слѣды нечистотъ на ягодицахъ одной жертвы. несовѣмъ переваренный карто-

фель въ желудкѣ другаго трупа и наиточнѣйшее описаніе пули, найденной въ третьей жертвѣ.

Словомъ, дѣлалось не дѣло, а шалили непристойнымъ образомъ дѣти, спущенныя не во время съ помочей; и эту шалость, эту иронію надъ властями долженъ былъ нисколько не шутя подписать Русскій военный депутатъ!

Естественно, что въ Русскихъ кружкахъ Варшавы, особенно между военными, которымъ было приказано какъ-можно менѣе показываться на улицахъ, поднялся ропотъ. Иные говорили прямо, что «Горчаковъ сдалъ Полякамъ Варшаву!»...

По окончаніи медицинско-судебнаго изслѣдованія, тѣла были сложены въ приготовленные заранѣ особые черные гроба, убитые бѣлыми гвоздями, и снесены ночью въ верхній храмъ Свенто-Кршискаго костела, въ видѣ исключенія, по торжественности случая (обыкновенно-же покойниковъ ставить въ нижнемъ храмѣ, въ такъ-называемыхъ Катакомбахъ).

Вокругъ гробовъ, поставленныхъ такъ, что одинъ приходился въ серединѣ, а четыре по угламъ, явилось къ утру, 1 Марта н. ст., множество цвѣтовъ и деревьевъ изъ лучшихъ оранжерей города. Весь храмъ обить изнутри чернымъ сукномъ, пожертвованнымъ разными суконными фабрикантами. Особые народные констабли, изъ учащейся и другой городской молодежи, съ бѣлой перевязью на лѣвой рукѣ, заботились о сохраненіи порядка при входѣ и выходѣ, впуская народъ дверями каплицы, что подлѣ аптеки, а выпуская въ главные двери, гдѣ статуя Спасителя. Давка была немовѣрная. Все знатное и незнатное, всѣхъ возрастовъ, отъ преклонныхъ стариковъ и старухъ до дѣтей десяти-двѣнадцати лѣтъ, или немного старше, протискивалось къ гробамъ, помолиться, потрепетать и поплакать, призывая на Москалей всевозможные пе-

руны. Все, разумѣется, было въ глубочайшемъ траурѣ.

Тутъ, въ этихъ черныхъ, траурныхъ волнахъ двигавшагося взадъ и впередъ народа, замѣтны были болѣе всего легкія, юркія, одушевленные существа, которыхъ во всякое время довольно въ Варшавѣ, но тогда ихъ какъ-будто еще откуда-то прибыло чуть не вдвое. Эти легкія, предестинныя существа играютъ важную роль въ жизни Поляковъ вообще и особенно ревностно, можно сказать храбро и отчаянно, служатъ возстаніямъ. Мы должны ими немного заняться. Пусть Народный Сенатъ Ресурсы разрѣшаетъ заданныя ему необычайными обстоятельствами задачи, какъ угодить и своимъ, и правительству въ одно и тоже время; какъ устроить эффектные, внушительныя похороны, которыхъ-бы Русскія власти не забыли, — устроить такія похороны и вмѣстѣ сдерживать въ извѣстныхъ границахъ черезъ-чуръ нетерпѣливыя порывы красныхъ. Пусть все это улаживается и устроивается, пусть городъ и правительство отыскиваютъ различныя квадратуры круга: мы скажемъ въ это время нѣсколько словъ о кипучемъ элементѣ, который выступилъ теперь наружу, тараторилъ, помогалъ мужчинамъ, проникалъ туда, куда, казалось, никакъ нельзя проникнуть, молился и плакалъ и готовъ былъ на все.

Немного странъ на свѣтѣ, гдѣ-бы этотъ элементъ выдвигался на столько впередъ, столько значилъ для своего народа, какъ въ Польшѣ. Въ мужскомъ населеніи Польши происходятъ разныя перемѣны, смотря по тому, каковы политическій воздухъ, каковы правители. Мужское населеніе можетъ иногда попытаться назадъ, уступить; перекраситься въ другой цвѣтъ, просто-за-просто утомиться въ борьбѣ и впасть въ апатію, даже не конспирировать (хотя Мохнацкій и говоритъ, что конспирація вѣчно живетъ въ Поль-

скомъ народѣ). Женское населеніе Польши никогда не измѣняется. На немъ лежитъ постоянно одна и тоже окраска. Женщина въ Польшѣ — вѣчная, неугомонная, неизлѣчимая повстанка. Мушина-Полякъ можетъ быть бѣлый, красный, коричневый — мало-ли какихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, Польша можетъ быть только красная. Всѣ Польки — красныя. Всѣ онѣ кипятъ и клокочутъ. Это маленькіе, движущіеся вулканчики. Чуть притрунуса — ужъ и полетѣли искры! Воображенія ихъ нельзя сдерживать ничѣмъ. Оно летитъ Богъ знаетъ куда. Польская женщина вся — воображеніе, пламень и молитва. Въ инныя минуты, правда, на нее дѣйствуетъ немного ксендзъ, вооруженный распятіемъ, отпущеніемъ грѣховъ и пекломъ. Другаго начальства она не признаетъ. Напротивъ, у нея самой есть постоянное стремленіе подобрать къ своимъ рукамъ — къ своимъ хорошенькимъ ручкамъ — рѣшительно все, и она подбираетъ. Она характерна, она молодецъ, эта Польская женщина, нечего сказать; въ ней есть что-то мужественное, удалое. Разсматривая ее внимательно, вы вспомните Зарему Бахчисарая, разныхъ Венеціанокъ, Испанокъ: Югъ, а не Сѣверъ. Типическій гербъ Варшавы недаромъ представляетъ Сирену съ саблей. Это вѣрно какъ нельзя больше, вѣрно исторически. Мы-бы, для полноты картины, вложили въ другую руку Сирены молитвенникъ, *Ōltarzyk Złoty*, который точно также ея никогда не оставляетъ. Она тотъ-же инокрыцарь, что, по словамъ Мицкевича, *Oczy utkwiwszy w nieprzyjaciół szaniec, Nabija strzelbę i liczy różaniec* *).

Мало всего этого: она даже не безъ жестокости. Изъ нея выше-бы, въ

⁶⁾ „Устремивъ глаза въ станъ непріятеля, заряжаетъ ружье и перебираетъ четки.“

случаѣ надобности, весьма хорошій женскій Торквемада. О, еслибъ вы могли иногда подслушать, какія вещи очень свободно и легко слетаютъ съ ея удивительныхъ розовыхъ устъ, созданныхъ, повидимому, для однихъ только поцалуевъ и ни для чего больше; какъ сверкаетъ ея взоръ, назначенный, повидимому, только внушать любви! Не шутите съ нею, съ Польской женщиной; она не всегда годится для шутокъ...

Таковъ характеръ Польской женщины во всѣхъ слояхъ общества. Всѣ онѣ бѣгутъ на встрѣчу всякому бурному движенію, всѣ исполнены однимъ и тѣмъ-же духомъ. Но болѣе всего служить и полезеть возстаніямъ средній классъ женскаго населенія, даже и не средній: эти дочери управляющихъ домами, не то — «принципаловъ» разныхъ ремесленныхъ заведеній (не то мелкихъ чиновниковъ); наконецъ, дочери Богъ ихъ вѣдаетъ чьи; эти барышни, не-барышни, горничныя, не-горничныя, гризетки, не-гризетки, которыхъ выгоняютъ изъ ихъ мудреныхъ жилищъ, съ третьихъ и четвертыхъ этажей, на Варшавскіе тротуары утренніе лучи, особенно въ ясный хорошій день, — и онѣ бѣгутъ, рассыпаются въ разныя стороны, сами подобныя яркимъ, игривымъ лучамъ, и стрѣляютъ въ васъ и въ магазины своими быстрыми, газельими глазками.

Онѣ всегда одѣты очень мило; иной разъ хоть куда. Но не судите по этому блеску обо всемъ остальномъ. Вы не можете представить, мой скромный читатель, по какимъ лѣстницамъ, мимо какихъ кадетъ съ разнымъ добромъ, пролетаютъ зачастую эти обворожительныя, уму непостижимыя ножки, обутыя въ изящнѣйшія башмачекъ, всегда какъ-бы сейчасъ только что сшитыя; вы не можете представить, на какой комодъ кладутся эти дорогія серьги и кольца; въ какой шкапъ запираются эти пышныя паль-

то и бурнусы и какіе, въ заключеніе всего, супы и жаркія проглатываютъ храбрый, повстанскій желудокъ разоблачившейся Сирены!

Да и на что вамъ это представлять! Зачѣмъ знать всѣ секреты! Было-бы дурно, очень дурно для человѣка, для поэзіи, если-бъ приподнялись рѣшительно всѣ занавѣсы...

Вечеромъ многія изъ Сиренъ въ театрѣ, но никогда не платятъ за это денегъ. Какъ и откуда являются къ нимъ билеты на всякія удовольствія — разъясненіе этого вопроса завлекло-бы насъ далеко въ сторону, а мы и такъ заговорились... Сирены смертельно любятъ театръ, маскарады, танцы, въ особенности танцы. За лишній часъ танца, за маскарадъ иная Сирена поставитъ на карту все: жизнь, будущее, спасеніе души. Въ этомъ она совершенная женщина, слабое, безсильное существо. Скажите ей въ иную минуту, что если еще одинъ туръ вальса — и все кончено: грянутъ громы, земля разверзнется подъ ея ногами; она легко пропуститъ все это мимо ушей и помчится вальсировать, съ отчаяніемъ, съ упоеніемъ, какого мы съ вами, скромный читатель, ни отъ чего не знаемъ.

Вотъ этихъ-то легкихъ существъ, этихъ-то смиренныхъ съ затаеннымъ кинжаломъ, Сиренъ, не менѣе опасныхъ, чѣмъ тѣ, которыя едва не погубили хитроумнаго Одиссея, — при-было откуда-то внезапно въ улицахъ Варшавы послѣ 27-го Февраля. Онѣ были видны вслѣдъ. Онѣ пробивались сквозь все преграды въ храмъ Св. Креста, измятыя, съ оттоптанными пожками, розовыя, дышація пламенемъ, со слезами на глазахъ; онѣ жужжали точно черныя мухи, какъ-бы стараясь показать, что и онѣ члены этой огромной патріотической семьи, вѣрныя дочери пробудившейся, встающей изъ гроба отчизны, не менѣе кого инаго способныя принести жертвы. И въ самомъ дѣдѣ: не

одна пара послѣднихъ, дорогихъ сердцу серегъ опустилась въ шляпу Лейя, выставленную въ окно Европейской гостинницы; передана секретно въ руку ксендза, или другаго кого, сбившаго «складки» на дѣло отчины.

Дома, на третьихъ и четвертыхъ этажахъ, проворныя ручки Сиренъ шпли въ это время траурныя платья для бѣдныхъ людей, по заказу высшаго общества; приготовляли черныя ковры съ бѣлыми крестами—на балконы болѣе видныхъ домовъ. Кто-бы иной нашилъ всякаго трауру на цѣлую Варшаву, и все это въ одни сутки и совершенно даромъ.—еслибъ не такая масса усердныхъ патріотическихъ ручекъ! На этотъ разъ повелительныя ручки подчинились странно-му начальству изъ молодежи, обыкновенно покорной, падающей Сиренамъ до ногъ; начальству изъ академиковъ, которыхъ Сирены, тараторя между собою, не удостоиваютъ даже называть полнымъ именемъ, а даютъ имъ, на своемъ сиреньемъ жаргонѣ, только отрывокъ ихъ имени: мики, что значить академики. Впрочемъ мики (говоря въ скобкахъ) на это не въ претензіи, потому что Сирены, несмотря на такое, повидимому, пренебреженіе къ микамъ, предоставляютъ иногда ихъ бурнымъ поцѣлуямъ и ручки, и ножки, и все что дорого, ухъ какъ иногда дорого, достается ле-микамъ; ножки конечно безъ всякихъ *общаговъ* и *корковъ*, которые, какъ извѣстно, необходимы Польскому женскому бапмаку

*) Сужденіе автора о Польскихъ женщинахъ принадлежитъ къ числу его личныхъ воззрѣній, съ которыми едва-ли согласятся многіе, особенно тѣ, кому приходилось самому хоть разъ въ жизни столкнуться съ этою частью Польскаго населенія. Авторъ не можетъ видѣть въ Полькѣ почти ничего кромѣ красиваго личика, изящной одежды, оригинальной обуви, лег-

Теперь роль миковъ измѣнилась. Они командовали и довольно стро-

кой походки, юркости и вертлявости; эти качества оказываются въ глазахъ его на столько важными, что онъ не безъ сочувствія смотритъ и на тѣ проявленія, которыя относятся къ нравственной области и которыя своими непривлекательными особенностями способны въ понятіяхъ другаго наблюдателя, на оборотъ, охладить впечатлѣніе и отъ наружныхъ прелестей Польской женщины изъ того слоя, какой избранъ предметомъ характеристики въ предлагаемыхъ запискахъ. Идея, мысль, еще болѣе причины, почему развились въ Полькѣ такія, а не инныя свойства, не остановили вниманія автора, и перо его нарисовало скорѣе портретъ какихъ-то куколъ, нежели живыхъ существъ; самыя наблюденія его отзываются больше уличнымъ осмотромъ и случайнымъ столкновеніемъ съ Польскими женщинами въ темныхъ углахъ очерченныхъ имъ жилищъ, чѣмъ трезвымъ и внимательнымъ изученіемъ дѣйствительнаго ихъ характера и значенія въ общественной жизни. А между тѣмъ дѣло не такъ трудно и вопросъ не такъ новъ, чтобы не найти достаточно основательнаго отвѣта даже среди Польскихъ писателей. Стоило только при-смотреться къ превратности и извращенности господствовавшаго до послѣднихъ лѣтъ воспитанія Полекъ, подъ вліяніемъ фанатическихъ ксендзовъ и не менѣе фанатическихъ монахинь, чтобы дѣйствительно въ куклообразныхъ фигурахъ женской Польской молодежи видѣть образованному человѣку не предметъ, способный удовлетворить страстности чувства мужчины, а горькій плодъ испорченности цѣлаго поколѣнія, произведенной систематическимъ гнѣтомъ шляхетскаго Польскаго духовенства, принявшаго на себя роль проводниковъ политическихъ шляхетскихъ цѣлей, и избравшаго для этого удобнѣйшимъ орудіемъ Польскую женщину. Ред.

го, а тѣ слушались безпрекословно, безъ малѣйшаго ропота.

Ко 2-му Марта все было готово для торжественныхъ похоронъ жертвъ. Умы значительно успокоены. Труднѣе всего было уговорить Наваковского съ братіей, который заявлялъ очень громко въ Ресурсѣ и вездѣ, гдѣ только могъ быть услышанъ хоть немного его голосъ, что ему мѣшаютъ завершить патріотическіе подвиги его товарищей взятіемъ Цитадели, или хоть Замка, посредствомъ огромной манифестаціи, гдѣ-бы участвовалъ весь городъ; что лучшаго момента для этого нѣтъ и не будетъ.

Вслѣдствіе такихъ криковъ Наваковского и его единомышленниковъ, распространились по городу слухи, что во время похоронъ вспыхнетъ революція, и что вся торжественная обстановка погребальнаго обряда клонится единственно къ тому, чтобы собрать побольше народа. Для этого рѣзники Сольца и другихъ захолустныхъ мѣстъ Варшавы хотѣли явиться на похороны съ топорами и съ ножами. Князь Горчаковъ до того серьезно отнесся ко всѣмъ этимъ угрозамъ и до того боялся за свой Замокъ, что призвалъ къ себѣ одного офицера и вручилъ ему двѣ шкатулки, для передачи коменданту Цитадели, на храненіе впредь до востребованія; при этомъ сказалъ офицеру, что именно заключается въ шкатулкахъ. Начальникъ штаба тоже что-то передалъ тому-же лицу. А генералъ-губернаторъ Панинъ, еще прежде, послалъ на храненіе въ Цитадель два большихъ сундука. Кромѣ того, около 20 человекъ высшихъ чиновъ отправили туда-же разныя вещи ⁷⁾. Валы Цитадели приказано было одно время уставить солдатами и зарядить орудія ⁸⁾.

⁷⁾ Сообщено автору тѣмъ самымъ офицеромъ, который принялъ отъ князя Горчакова шкатулки.

⁸⁾ Сообщ. разн. офицерами, очевидцами.

Делегаты говорили Русскимъ властямъ, что отвѣчаютъ за спокойствіе города; между тѣмъ сами побаивались своихъ шалуновъ, и одинъ делегатъ, пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ во всѣхъ слояхъ населенія, ходилъ пресерьезно уговаривать мясниковъ оставить всѣмъ неприятныя затѣи. Кромѣ того, въ разныхъ газетахъ явились два такихъ воззванія:

«Въ субботу, 2 Марта, въ 10 часовъ утра, произойдетъ погребеніе жертвъ, погибшихъ 27 Февраля. Во имя любви къ отечеству, во имя самыхъ священныхъ и дорогихъ для каждаго изъ насъ обязанностей, заклинаямъ жителей города, чтобы честь, отдаваемая жертвамъ въ минуту погребенія ихъ тѣлъ, сопровождалась возможно-большимъ порядкомъ и спокойствіемъ. Жители Варшавы, послушайте братьевъ вашихъ!»

(Слѣдуютъ подписи делегатовъ ⁹⁾).

Второе воззваніе, отъ 1 Марта, было таково:

«Мы, нижеподписавшіеся, делегаты города Варшавы, объявляемъ, что если кто-либо изъ жителей будетъ замѣченъ завтра съ оружіемъ ¹⁰⁾ въ рукахъ, того сочтутъ измѣнникомъ отечеству».

Наступило 2-е Марта. Съ ранняго утра Варшава облеклась въ глубокой трауръ, исполняясь необычайной тишиной и торжественностью, какъ-будто бы дѣло шло о погребеніи нѣсколькихъ королей, умершихъ разомъ.

Изъ оконъ улицъ, по которымъ должно было тянуться шествіе, и съ балконовъ нѣкоторыхъ домовъ, какъ напримѣръ Европейской гостинницы,

⁹⁾ Ксендзъ І. Вышинскій, ксендзъ І. Стецкий, Ксаверій Шленкеръ, Яковъ Пѣтровскій, Іосифъ Левинскій, Теофилъ Пѣтровскій, А. Тршетршевинскій, І. І. Крашевскій, Іосифъ Кѣнигъ, Карлъ Байеръ, С. Гишпанскій, докт. Халубинскій, Л. Кронебергъ, Матвѣй Розень.

¹⁰⁾ Крупно въ подлинникѣ.

свѣшено черное сукно, съ бѣлою каймою по краямъ и такими-же крестами посрединѣ. Вездѣ разставлены народные констабли съ особеннымъ знакомъ на шляпѣ и бѣлой перевязью на рукѣ. Нашей полиціи не было и тѣни. Даже всѣ военные вообще, офицеры и солдаты, вслѣдствіе секретнаго, строжайшаго предписанія, не смѣли выглянуть на улицу. Только небольшая кучка солдатъ забралась на крышу Ратуши и Арсенала и глядѣла оттуда на запретный спектакль. Народъ показывалъ на нихъ пальцами и смѣялся.

Погода вполне благопріятствовала торжеству.

Въ 10-мъ часу, послѣ того, какъ ученики музыкальнаго института, подѣ дирекціей А. Контскаго, исполнили *Requiem* сочиненія І. Стефани, причемъ партіи *solo* исполнялись лучшими артистами Польской оперы ¹¹⁾, — процессія тронулась изъ храма Св. Креста по Краковскому предмѣстью, на лѣво.

Вмѣсто войскъ, въ видѣ какъ-бы необходимаго воинскаго украшенія, ѣхало впереди нѣсколько человекъ любимой городомъ пожарной команды, съ брандмейстеромъ во главѣ.

Потомъ ѣхалъ, верхомъ-же, начальникъ полиціи, генералъ Паулуччи, въ полной парадной формѣ; иные говорили даже: снявши каску.

Далѣе шли сироты и старцы Варшавскаго благотворительнаго общества; воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній; всевозможные цѣхи, со своими знаменами, убранными въ траурныя ленты. Тутъ-же было, какъ увѣряютъ иные, знамя съ гербомъ Литвы и Польши.

Затѣмъ: католическое духовенство. Тѣла убитыхъ, несомыя на рукахъ почетнѣйшими гражданами. Еврейское духовенство, въ своемъ національномъ

платѣ и, согласно требованію ихъ обряда,—съ покрытыми головами.

Въ заключеніе шли такъ называемые друзья, въ своихъ оборванныхъ гуняхъ и со своими широкими шляпами въ рукахъ ¹²⁾.

Словомъ, не было забыто ни одно сословіе Варшавы.

Комитетъ Земледѣльческаго Общества рисовался у всѣхъ на виду: подлѣ гробовъ. О графѣ Андрѣ Замойскомъ говорили, что онъ шелъ подѣ руку съ крестьяниномъ. Современный литографическій листокъ, изображающій похороны, представляетъ Замойскаго рядомъ съ крестьяниномъ и какъ-бы разговаривающаго съ нимъ. У крестьянина подвязанная рука: значитъ, это одинъ изъ раненныхъ въ свалкѣ 25 или 27 Февр.

Многія дамы просили позволенія возложить на плечи хотя одинъ гробъ, но имъ поручили нести большой терновый вѣнецъ — «символъ торжества и невинности» — *godło zwycięstwa i niewinności* — какъ выразилась потомъ одна газета ¹³⁾.

Вся масса участвовавшихъ въ погребеніи простиралась, по газетамъ, до ста тысячъ человекъ ¹⁴⁾. Иные считаютъ до ста шестидесяти.

¹²⁾ *Kurjer Warszawski* 1861, № 58.

Друзья (*Dróciarze*, проволочники, отъ *drót*—проволока) бѣдная ребятижъ Карпатскихъ горъ. Они бродятъ по всѣмъ городамъ Польши, лѣто и зиму въ одномъ и томъ-же платѣ: въ коричневой *чунѣ* (родъ пальто-сака) накинута на грязную рубашку, увѣшанные пучками проволоки, мышеловками и тому-подобными проволочными издѣльями. Шляпы на нихъ тоже коричневые, съ большими полями. Нерѣдко друзья обращаются къ прохожимъ, какъ нищіе, прося милостыни, и имъ подають, какъ и псыимъ другимъ нищимъ.

¹³⁾ *Gazeta Codzienna* 1861, № 60,

¹⁴⁾ *Kurjer Warszawski* 1861, № 58.

¹¹⁾ *Gazeta Warszawska* 1861, № 60.

Дойдя до Европейской гостинницы, процессія поворотила на лѣво, черезъ Саксонскую площадь, а за тѣмъ слѣдовала обыкновеннымъ путемъ по Вержбовой, Бѣлянской и Пршеязду—на Повонзки¹³⁾.

На Повонзкахъ гробъ жертвъ опущены въ могилу одинъ подлѣ другаго, и надъ каждымъ возведена особая насыпь. Всѣ эти насыпи тотчасъ покрылись вѣнками и цвѣтами, а потомъ обозначены крестиками¹⁴⁾.

Ксендзы на кладбищѣ произносили патристическія рѣчи, а студенты раздавали присутствующимъ фотографіи убитыхъ, части терновыхъ вѣнковъ, лежавшихъ на гробахъ, и по пяти клочковъ полотна, омоченнаго въ неповинной крови¹⁵⁾.

Артисты оперы, съ учениками музыкальнаго института, при участіи, сверхъ того, нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ публики, спѣли маршъ Нидецкаго¹⁶⁾.

По возвращаніи толпы въ городъ, замѣченныя на Вержбовой улицѣ театральныя афишки были сорваны. Тоже самое послѣдовало и на другой день¹⁷⁾. Начинался трауръ, воздержаніе отъ всѣхъ удовольствій. По городу ходилъ циркуляръ (okólnik) будто-бы архіепископа Фіалковского, которымъ предписывалось всѣмъ жителямъ Польши, названной Присносущею (odwieczna Polska) наложить на себя трауръ и носить его въ теченіе

неопредѣленнаго срока. Женщинамъ позволялось имѣть бѣлое платье только въ день свадьбы²⁰⁾.

Всѣ послушались этого циркуляра.

Теперь, съ погребеніемъ убитыхъ, должно-бы, казалось, окончиться все необычайное и наступить прежняя, обыкновенная жизнь города. Желанный спектакль сыграть; публика удовлетворена; предметъ, раздражавшій болѣе или менѣе умы, убранный прочь, лежитъ въ могилѣ. Что мѣшало выступившей изъ береговъ рѣкѣ войти въ обычное русло? Энергическіе люди совѣтовали Намѣстнику разрубить узелъ, связавшійся какъ-то такъ, роковымъ снѣженіемъ обстоятельствъ, отчасти какъ-бы минуя все то, что можно назвать собственными нашими промахами и потворствомъ либеральному движенію. Совѣтовали: ту же минуту огласить военное положеніе, которое было уже написано²¹⁾; закрыть Делегацию; внести въ Купеческій клубъ войска (какъ это сдѣлано позже съ Малымъ театромъ, при несравненно меньшей опасности); пустить по городу патрули, и подъ впечатлѣніемъ всего этого рѣшать вопросъ о томъ, что дѣлать далѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что все бы пришло къ тому же скорѣе на сторонѣ силы, чѣмъ тогда, когда сила перестала быть силою. Даже красный повстанецъ Авейде говорить объ этомъ въ своихъ Запискахъ нѣчто подобное: «Правительство обязано было уничтожить Делегацию, клубъ и делегационную позицію, тотчасъ послѣ погребенія пяти жертвъ. Не сдѣлавъ этого, оно неизбежно должно раздѣлить съ Поляками отвѣтственность за

¹³⁾ Главное Варшавское Кладбище.

¹⁴⁾ Въ такомъ видѣ эти насыпи оставались до 1866 года, если только не позже. Но теперь ихъ уже нѣтъ.

¹⁵⁾ Записка полковника Добродѣева.

¹⁶⁾ *Gazeta Warszawska*, 1861, № 60.

¹⁷⁾ Представленіе въ день похоронъ было отиѣнено. На другой день, 3-го Марта н. с., шли піесы: въ Большомъ театрѣ—два акта *Сомнамбулы* и два акта *Эсмеральды*; въ Маломъ: *Кляга*; *Dziwadła, czyli odrodzony*. Были только Русскіе,

²⁰⁾ Любопытные могутъ видѣть этотъ циркуляръ въ брошюрѣ: *Wiadomości z kraju z lat 1861—1861, Lipsk*, 1863, стр. 3.—Въ Русскомъ переводѣ—*Библ. для Чтенія* 1864, Гена, стр. 27.

²¹⁾ Объ этомъ сказывалъ автору бывшій тогда директоромъ канцеляріи Намѣстника, т. е. Казачковскій.

послѣдствія сорокодневнаго безначалія... Народъ, избалованный такимъ положеніемъ вещей, привыкъ въ безпорядочной жизни и началъ считать ее нормальною и естественною».

Но мало-ли что хорошо совѣтуется правителямъ въ инныя трудныя минуты; мало-ли что еще лучше пишется и выводится послѣ заднимъ числомъ, изъ совершившихся уже событій, когда громъ грянулъ, когда, какъ говорится по-просту, «изъ боку уже не вынешь». Исторія идетъ своимъ неотразимымъ путемъ; въ ней есть что-то неоспоримо-роковое, есть даже, какъ замѣтилъ кто-то, — своя иронія.

Слабость-ли и нерѣшительность властей, или ужъ такіе міазмы, носившіеся въ воздухѣ и парализовавшіе обычный ходъ дѣлъ, — что бы тамъ ни было, только разрубить узелъ Александра Македонскаго въ тогдашней Варшавѣ никого не нашлось. Узлу предоставили развязываться медленно, мало-по-малу, какъ онъ захочетъ самъ. Нашло на всѣхъ какое-то затмѣніе; отнято пониманіе самыхъ простыхъ вещей. Кажется, Заболоцкій достаточно-ясно показалъ описаннымъ выше «фокусомъ Цинетти»²²⁾ что такое эти яко бы опасныя уличныя массы; а всетаки ихъ продолжали какъ-бы бояться. Вообще, боялись неизвѣстно чего, какого-то сочпшеннаго призрака. Такимъ образомъ энергическіе голоса раздались въ пространствѣ напрасно. Военное положеніе убрало подъ сукно; бараки для войскъ, начавшіе было строиться на разныхъ площадяхъ, сняты; Народный Сенатъ Купеческой Ресурсы оставленъ заниматься своими дѣлами.

Конечно никто не явился помогать слабости и испугу, какими ознаменовала себя въ то время власть. Напротивъ, каждый Полякъ только и думалъ, какъ-бы побольше выиграть изъ такого неожиданнаго и невѣро-

ятнаго оборота вещей. Всѣ бѣлые и не-бѣлые точно стакнулись между собою — успокаивать правительство фразами, а подъ шумокъ вести патріотическіе подкопы. Куда правительство ни обращалось, — вездѣ встрѣчало оппозицію, если не явную, то тайную; совершенное отсутствіе готовности идти съ нимъ объ руку, какъ это весьма недавно дѣлали многіе изъ бѣлыхъ — почти всѣ делегаты, отъ которыхъ мы прежде всего могли ожидать успокоительныхъ мѣръ, кому для этого и были вручены бразды правленія. Делегаты выпустили, послѣ погребенія пяти жертвъ, такое воззваніе:

«Вчера совершилось погребеніе жертвъ, павшихъ въ Середу. Вчера народъ доказалъ, что понимаетъ значеніе обязанностей въ отношеніи къ отечеству. Всѣ безъ изъятія, соединенные однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, мы прощались съ погибшими. Братья! Пусть это чувство обязанности править нами и впредь во всякую минуту!»

Кажется, ничего особеннаго не написано, но въ то напряженное время, когда у каждаго Поляка были совѣмъ особыя «уши слышати» — въ этихъ строкахъ было сказано очень довольно. Слова: «соединенные однимъ и тѣмъ-же чувствомъ» стали типическою фразою многихъ подобныхъ публикацій.

Чтобы не отстать отъ Ресурсы, Земледѣльческое Общество выпустило въ свѣтъ такой-же одобрительный плакатъ, относившійся собственно къ учащейся молодежи:

«Именемъ всѣхъ членовъ Земледѣльческаго Общества, Комитетъ онаго благодаритъ васъ, благородное юношество Академіи и школъ, за оказанную вами помощь къ сохраненію порядка въ минуту столь печальнаго и виѣсть торжественнаго обряда погребенія жертвъ, павшихъ 27 Февраля, между коими было также нѣ-

²²⁾ См. Р. Арх. 1870, стр. 1910.

сколько членовъ Земледѣльческаго Общества». ²²⁾

«Примѣрнымъ поведеніемъ своимъ вы дали доказательство того, что обладасте всѣми качествами, кои въ будущемъ сдѣлаютъ изъ васъ достойныхъ и полезныхъ сыновъ отечества, которое мы вмѣстѣ съ вами всѣмъ сердцемъ любимъ и которому служить есть священная обязанность каждаго».

Затѣмъ первымъ дѣломъ Делегациі было учредить особый «Комитетъ для поставленія памятника павшимъ 27 Февраля, также и для оказанія помощи оставшимся послѣ нихъ семействамъ, равно и вспоможенія раненымъ 25 и 27 Февраля».

Кратко называли его: «Памятничко-вспомогательнымъ Комитетомъ». ²³⁾

Онъ засѣдалъ въ той-же Купеческой Ресурсѣ, гдѣ и Делегациа. Сверхъ того тамъ-же засѣдала «Дирекція блюстителей безопасности и общественнаго спокойствія», подъ предсѣдательствомъ купца Осипа Квятковскаго.

Одного такого факта, какъ учрежденіе Комитета для постановленія памятника жертвамъ, о которыхъ надо было поскорѣе забыть, достаточно, чтобы показать, по какой дорогѣ пошла Делегациа. Нѣсколько недѣль сряду Комитетъ печаталъ свои воззванія и отчеты во всѣхъ газетахъ.

²³⁾ Собственно двое: Рутковский и Карчевскій.

Лица, его составлявшія, по Маевскому: Предсѣдатель каноникъ Іосифъ Вышинскій; члены: Карлъ Байеръ, Карлъ Маевскій; акціонеръ Европейской гостиницы Вамбахъ; редакторъ Варшавскаго Курьера Кучъ и генералъ бывшихъ Польскихъ войскъ І. Левинскій. Позже, по случаю увеличившихъ занятій, приглашены еще студентъ Мед. Хирург. Академіи Шанявскій и Фохтъ. Сумма всѣхъ пожертвованій, по Маевскому, простиралась до 260 тыс. злотыхъ.

Варшавы и собиралъ приношенія. Допустившее такіа чудеса правительство все смотрѣло и какъ-бы ждало поворота дѣлъ въ другую сторону.

Но делегаты шли дальше. Въ числѣ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, стоялъ прежде всего вопросъ Еврейскій. Мы видѣли выше, что еще въ 1859 году была почувствована Польскимъ обществомъ Варшавы необходимость сблизиться съ Евреями. Читатели помнятъ исторію Кѣнига ²⁴⁾. Но тогда дѣло кончилось ничѣмъ. Евреи могли еще оставаться для Поляковъ «народомъ въ народѣ» и даже, пожалуй, ласкаться къ правительству и считать свои Еврейскіе интересы чѣмъ-то другимъ отъ интересовъ края. Теперь настали иныя минуты. Особенно нельзя было шутить съ Евреями, которыхъ въ одной Варшавѣ, на 200 тысячъ населенія, почти половина и которые поставили христіанскую половину (во всѣхъ городахъ Польши) въ такую отъ себя зависимость, что когда они запираютъ, въ субботній шабашъ, свои лавки,—христіанамъ это весьма чувствительно. Теперь необходимо было знать, куда именно тинетъ Еврей и его капиталы? Симпатизируетъ онъ или нѣтъ Польскому движенію? Словомъ: якъ беда, то до Жіда—какъ говорить пословица.

Никто конечно не сомнѣвался, что Польскій Еврей, особенно образованный,—въ душѣ Полякъ, а не Русскій, что онъ не промѣняетъ Польши ни на какую страну въ мірѣ; что онъ, также какъ и Полякъ, считаетъ Москаля варваромъ и притѣснителемъ. Но тѣмъ не менѣе, было что-то такое, разъединявшее тѣхъ и другихъ: лежалъ постоянно между тѣми и другими какой-то непереступаемый порогъ. Еврей-Полякъ все-таки назывался у Поляковъ проклятымъ именемъ Жіда и никогда не игралъ, ме-

²⁴⁾ См. Р. Арх. 1870, стр. 1855.

жду настоящими Поляками, роли Поляка, какъ бываютъ Поляки вообще, русое Славянское племя, съ русымъ молодецкимъ усомъ, котораго Жиду не отростить, какъ онъ ни бейся. Мало того, что Жиды съ Жидовскими фамиліями не шли въ гармонію съ Поляками: народъ помнилъ даже фамиліи Жидовъ, перешедшихъ въ католичество еще при Якубъ-Франкъ,²³⁾—фамиліи, по звуку совершенно Польскія. Всякій мальчикъ, всякая дѣвочка пересчитаютъ вамъ эти фамиліи по пальцамъ. Даже, когда рѣчь зайдетъ о Воловскомъ или Маевскомъ. иной Полякъ, или Поляка, позволяютъ себѣ замѣтить съ пренебреженіемъ: «а, Волдскесъ, Маѣскесъ!» И всякій понимаетъ, что это значить. Случается, что такихъ Поляковъ честятъ Мехеса ми, что значить собственно выкрестъ: слово обидное, произносимое негромко. Вслѣдствіе всего этого, въ общемъ, конечномъ результатѣ выходило, что Жиды Польши оставались ничѣмъ инымъ, какъ Жидами, отъ Поляковъ отдѣльно, хотя въ сущности тоже были Поляки, а никто другой.

Делегация рѣшилась теперь сгладить какъ нибудь эти шероховатости, произвести хотя искусственное, хотя вреиенное, повстанское сближеніе двухъ разныхъ элементовъ.

По давнимъ законоположеніямъ страны, Евреи Польши не пользовались

одинаковыми правами съ коренными жителями Польскаго происхожденія. Въ Варшавѣ они, между-прочимъ, не принадлежали къ мѣстному купеческому обществу, а составляли свою особую купеческую корпорацію. Равно ихъ нельзя было выбирать въ судьи Коммерческаго Трибунала и въ нѣкоторыя другія должности.

Это было указано прежде всего—и, по инициативѣ делегата Шленкера, состоявшаго главою Варшавскихъ купцовъ, Варшавское купеческое общество приняло купцовъ-Евреевъ въ свое лоно, и одинъ банкиръ Еврейскаго происхожденія сдѣланъ ихъ старшиною.

Когда такимъ образомъ рѣшили вопросъ о Евреяхъ, вопросъ Мехесовъ рѣшался самъ-собою. Одинъ изъ Мехесовъ, человекъ уважаемый всѣмъ городомъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ дирекціи кредитнаго общества Варшавской губерніи.

Правительство утвердило и то и другое назначеніе. А Евреи, въ благодарность за вниманіе къ нимъ Польскаго общества, выдали вскорѣ «циркуляръ Евреевъ города Варшавы къ Евреямъ всего края», исполненный дружескихъ чувствъ къ Полякамъ и приглашавшій всѣхъ Евреевъ Польши помогать, чѣмъ и какъ случится, христіанамъ—католикамъ. Всѣ несчастія при этомъ сваливались, разумѣется, на правительство. Одно высшее лицо, весьма близкое къ Намѣстнику, названо въ этомъ циркулярѣ Сатанинскимъ врагомъ—*Szańskiim wrogiem*²⁴⁾.

Болѣе ничего неизвѣстно о занятіяхъ делегатовъ между 1 и 6 Марта н. стили. Мы слышали что всѣ свои протоколы за это время они отправляли въ Познань, къ Владиславу Неголевскому и однажды, вмѣстѣ съ протоколомъ, отослали какую-то бумагу, полученную отъ Намѣстника. Такъ—

²³⁾ Молдавскій Еврей Яковъ Лейбовичъ, прозваніемъ *Франкъ*, склонилъ, во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, многихъ изъ своего племени перейти наружно въ христіанскую вѣру, для пріобрѣтенія общихъ всѣмъ христіанамъ привиллегій. Эти перешедшіе приняли въ Польшѣ даже и фамиліи Поляковъ.—Подробности о жизни и дѣйствіяхъ Франка можно узнать въ брошюрѣ Скимборовича, изданной въ Варшавѣ въ 1866 году: *Żyć i nauka Jakóba Józefa Franka*.

²⁴⁾ Авейде, II, 39.

какъ Горчаковъ любилъ всѣ свои бумаги передѣлывать по нѣскольку разъ, онъ потребовалъ и эту, для пересмотра и передѣлки. Отвѣчали, что она «затеряна»; а чего затеряна: она мчалась къ Неголевскому!

6 Марта н. ст. засѣданія Делегатовъ перенесены, по распоряженію Намѣстника, въ Ратушу, и къ нимъ приставленъ наблюдатель, генералъ Паулуччи, въ званіи предсѣдателя. Помощникомъ ему назначенъ генералъ бывшихъ Польскихъ войскъ Левинскій. Что до числа членовъ, делегатамъ предоставлено выбрать хоть еще столько же. Предѣлъ службы ихъ въ Ратушѣ обуславливался временемъ получения отвѣта на поданный Адресъ.

Сущность дѣла, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вслѣдствіе оставленія всего прочаго на прежнихъ мѣстахъ, — нисколько не измѣнилась. Делегаты, окончивъ засѣданіе въ Ратушѣ съ генераломъ, отправлялись въ Ресурсу и тамъ имѣли новое засѣданіе, гдѣ досказывалось то, что было скрыто въ Ратушѣ, писался новый протоколъ и летѣлъ по желѣзной къ Неголевскому. А тѣ протоколы, которые составлялись въ Ратушѣ, были секретно литографируемы въ значительномъ числѣ экземпляровъ и разлетались по городу, въ видѣ какъ-бы отчетовъ, подаваемыхъ Делегацию всему обществу и народу о томъ, что такое она дѣлаетъ въ Ратушѣ, какъ хлопочетъ изо всѣхъ силъ, отстаивая то или другое въ отечественныхъ интересахъ. При этомъ факты не рѣдко сильно искажались, такъ-что присутствовавшій на засѣданіи генералъ не узнавалъ иной разъ этого засѣданія въ прочитанномъ имъ печатномъ протоколѣ.

На это печатаніе правительство смотрѣло сквозь пальцы, какъ и на многое другое, какъ и на все что дѣлалось кругомъ Поляками. Делегату Байеру, съ нѣсколькими другими фотографами, позволялось распространять въ пуб-

ликѣ тысячи, десятки тысячъ карточекъ пяти жертвъ, въ разныхъ форматахъ. Говорятъ, что учебныя заведенія края выписывали эти карточки изъ Варшавы по числу учащихся и учащихся, съ уступкою противъ Варшавской цѣны нѣсколькихъ процентовъ: именно по 30 коп. вмѣсто 50. Въ это-то время, какъ увѣряютъ весьма многіе, закладывался фундаментъ одного четырехъ-этажнаго дома на Краковскомъ предмѣстьи...

Одновременно съ фотографіями были распространяемы, съ вѣдома делегатовъ, особые медали, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ Богоматери, а на другой сломаннаго креста, вокругъ котораго была надпись: «Спаси Господи!» (Ratuj Ojcie!) и стояли цифры 25 и 27.

Тѣже цифры писались и вырѣзывались ножомъ на деревянныхъ скамьяхъ Саксонскаго, Красинскаго и Ботаническаго садовъ, даже на иныхъ деревьяхъ, стоявшихъ на видныхъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣній, что кое-гдѣ сохранились онѣ и до сихъ поръ.

Внутри края, по дорогамъ, воздвигались большіе деревянные кресты, подобные тѣмъ, какіе вообще разсѣяны по Польшѣ и Малороссіи, и на нихъ выставлялись тѣже знаменательныя цифры 25 и 27, иной разъ сопровождаемыя объясняющими дѣло надписями. Такъ стояли они по крайней мѣрѣ до 1866 года, а мѣстами, вѣрно, стоять и до сихъ поръ.

Легко понять, что все это сильно дѣйствовало на воображеніе массы, подымало духъ народа, какъ тогда выражались руководители движенія; подготавлило тотъ воздухъ который потребенъ настоящему заговору.

Во многихъ городахъ Царства Польскаго образовались самовольно провинціальныя Делегации, на подобіе Варшавской, съ тою-же обстановкой народной стражи и сборщиковъ пожертвованій; но такъ-какъ это не было утверждено правительствомъ и да-

же мѣстами преслѣдовалось, то провинціальныя Делегаціи не имѣли большой силы, и стража ихъ вовсе не пошла въ ходъ. Чтѣ-же до Варшавской городской стражи,—она ходила по улицамъ какъ-бы законные, правительственные патрули, производила аресты, вмѣшивалась въ порядки на базарахъ и гдѣ случится. Само-собою разумѣется, что при этомъ происходили весьма комическія сцены...

Правительство, допустивъ эти патрули, хотѣло, повидимому, дать какую-нибудь работу горячимъ головамъ, занять дѣтей игрушками на то время, покамѣстъ вопросъ рѣшится такъ или иначе,—и тогда снова усадить за школьныя лавки. Узелъ и тутъ развязывался медленно. Между тѣмъ ребята, бродя по улицамъ денно и пощно, цѣлый мѣсяцъ или около того, конечно пріобрѣли заговору кое-какіе сподручные матерьялы. Авейде выражается объ этомъ такъ: «Манифестаторы, усмиравшіе манифестаторовъ, дѣти, сдѣлавшіяся преждевременно совершеннолѣтними, сближались съ народомъ, становились оракулами толпы и командовали ею не по приказу тѣхъ, отъ кого получили власть, а по приказу особыхъ революціонныхъ вождей».

О самой Делегаціи, постоянно внушавшей правительству, что только одними мягкими мѣрами можно дойти до лучшаго и прочиѣйшаго разрѣшенія вопроса,—Авейде говоритъ такъ: «Несмотря на достойный уваженія характеръ ея членовъ, на ихъ разсудительность и житейскую опытность, Делегация, въ отношеніи сердца, не различалась ничѣмъ отъ самыхъ юныхъ манифестаторовъ; она, какъ и всѣ мы, терялась въ облакахъ неопредѣленныхъ чувствъ; какъ и всѣ, прельщенчалась этимъ приливомъ религиозно-патріотическихъ восторговъ; не только боялась успокаивать взволнованные умы, не только не заботилась объ этомъ и за это не принималась;

напротивъ того, продолженіе волненія ей очевидно нравилось, и она его поддерживала... вполне одобряла хаотическія собранія разнаго рода политиковъ въ Купеческой Ресурсѣ; являлась въ эти собранія съ рапортами, кокетничала съ ними.... А вѣдь было ясно какъ день, что Клубъ представлялъ въ то время пристанище и центръ агитации, мастерскую будущихъ манифестацій и заговоровъ».

«Я не допускаю, говоритъ онъ далѣе, чтобы мысль о заговорѣ могла родиться въ умахъ консервативныхъ членовъ Делегации. Они дѣйствовали, въ отношеніи правительства, съ добрыми намѣреніями, но ничуть не хуже, если только не лучше, хорошо-устроеннаго и сознательно идущаго къ своей цѣли заговора ²⁷⁾».

Разрѣшенная правительствомъ октава ²⁸⁾ по убитымъ конечно пріобрѣла новыхъ ратниковъ революціонному движенію. Это была тоже манифестация, точнѣе: нѣсколько манифестацій вдругъ. По разнымъ костеламъ служились торжественныя панихиды. У Св. Креста былъ исполненъ новый *Requiem*, подъ управленіемъ А. Контскаго. Дамы высшаго круга собирали квесту. Начала княгиня Любомирская, урожденная графиня Замойская. Собрано, кромѣ денегъ, много разныхъ цѣнныхъ вещей: серегъ, колець, браслетовъ, брошекъ... Одушевленіе доходило до послѣдней степени. Женщины плакали навзрыдь.

У реформатовъ, при такой-же торжественной обстановкѣ панихиды, управлялъ хорами оперный композиторъ Монюшко. Въ числѣ пѣвцовъ находился первый теноръ Варшавской оперы, Добрскій, который спѣлъ подъ конецъ особый патріотическій гимнъ.

Правительство знало всѣ подробности этихъ манифестацій, имѣло въ рукахъ списки всѣхъ гимновъ и рѣ-

²⁷⁾ II, 23—26.

²⁸⁾ Панихида на 8-й день.

чей. Оно, какъ уже было замѣчено, рѣшилось идти до конца мягкою, терпѣливою дорогою всевозможныхъ уступокъ: оно нарядило Коммисію для изслѣдованія дѣла о выстрѣлахъ.

11 Марта н. ст. Коммиссія эта, состоявшая изъ Варшавскаго коменданта, генераль-майора Мельникова, предсѣдателя уголовного суда Вечерковскаго и юрисконсульта коммисіи финансовъ, «защитника» 9 и 10 департаментовъ правительствующаго сената, Коисевича, подъ предсѣдательствомъ командира 2-го пѣхотнаго корпуса, генер.-отъ инфантеріи Липранди,—открыла свои засѣданія въ намѣстниковскомъ дворцѣ.

Подобныя коммисіи служатъ полнымъ отголоскомъ того, что думаютъ о разбираемомъ происшествіи высшія власти. Такъ и настоящая Коммиссія взглянула на дѣло глазами князя Горчакова и кое-кого изъ вторившихъ ему лицъ въ Замкѣ,—лицъ крупнаго чина, и трудно сказать, что было-бы съ несчастнымъ генераломъ Заболоцкимъ, еслибъ слѣдователи обратились въ судей. Замѣтимъ читателямъ, что двое изъ членовъ были къ тому-же Поляки.

Коммиссія видѣла передъ собою только букву происшествія: что Заболоцкій «не имѣлъ никакого приказанія вывести роту,»—въ чѣмъ онъ и не запирался; напротивъ, выразился въ рапортѣ командиру 2-го корпуса, отъ 26 Февраля ст. ст. 1861, за № 18, съ прямою и смѣлостью солдата такъ: «чтобъ взять 7-ю роту Низовскаго пѣхотнаго полка изъ манежа примасовскаго дома, я не имѣлъ ни чьего приказанія.»—Коммиссія видѣла эту букву происшествія, но не видѣла его сокровеннаго смысла. О снисхожденіи къ человѣку, растерявшемуся въ тѣ роковыя минуты, точно также, какъ растерялись всѣ, раненному, а потому взволнованному, главное-же, увѣренному, что онъ дѣйствуетъ правильно, не могло быть

и помину. Для изслѣдователей не существовалъ обще-европейскій законъ, говорящій, что бываютъ заблужденія, которыя способны измѣнить все, представить событіе въ обратномъ видѣ. Довольно, что Намѣстникъ и Варшава были убѣждены, что Заболоцкій виноватъ: стало быть онъ и былъ виноватъ. Зачѣмъ тутъ разсуждать и призывать на помощь мудреные и таинственные процессы человѣческой души!

Изъ такого предвзятаго взгляда на предметъ вытекли и соотвѣтственные приемы въ изслѣдованіи. Коммиссія не довѣряла самымъ простымъ объясненіямъ генерала и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Когда напр. Заболоцкій и старшіе адъютанты главнаго дежурства 1-й арміи, подполковникъ Гришинъ и капитанъ Роткирхъ, замѣтили, въ одинъ голосъ, что «соколо почты подъзжалъ къ ротѣ какой-то Кубанскій казакъ, который сказалъ то-то и то-то»: *Sancta Simplicitas*, храбрый казачина Заваровъ, «изъ перерусскихъ Русскій», приглашенный Коммиссіей въ свидѣтели, возразилъ (будучи, самъ не зная какъ, проникнутъ тѣмъ-же моднымъ и общимъ въ то время преслѣдованіемъ Заболоцкаго) что «никакого казака генералъ не могъ встрѣтить у почты, потому-что всѣ казаки были у Бернардинскаго костела и на Замковой площади, а въ другіе пункты онъ, Заваровъ, казаковъ не посылалъ.»

Это показалось Коммиссіи до такой степени важнымъ, что она предложила Заварову выстроить на Замковой площади всѣхъ казаковъ, а Заболоцкаго, стараго, сѣдаго генерал-лейтенанта, просила пройтись по ихъ рядамъ и отыскать казака, котораго онъ видѣлъ у почты. Генералъ прошелся и, на бѣду свою, не отыскалъ казака! ²⁹⁾ Заваровъ торжест-

²⁹⁾ Цитированное выше дѣло «о происшествіи въ городѣ Варшавѣ 15 (27) Февраля 1861 года», стр. 82.

вовалъ, не видя, вмѣстѣ со всѣми другими, какой страшный соблазнъ производить въ городѣ эта сцена, въ ущербъ нашему дѣлу и успокоенію края.

Въ числѣ странныхъ пріемовъ, допущенныхъ Коммиссіей, было, между прочимъ, совершенно - невѣроятное «свидѣтельство» Ветеринарнымъ Факультетомъ казацкихъ лошадей, раненныхъ въ свалкѣ 27 Февраля, чѣмъ-то острымъ, въ родѣ ножа». Составлены акты на нѣсколькихъ листахъ, гдѣ величина раны (черезъ двѣ недѣли послѣ происшествія!), описывается не только въ дюймахъ, но даже въ линияхъ. Описаніе раны одного коня занимаетъ поллиста.

Такимъ усердіемъ къ дѣлу пылали члены Коммиссіи съ мѣсяцъ; потомъ охладѣли. Засѣданія ихъ изъ Намѣстническаго дворца перенеслись на квартиру предсѣдателя и приняли небрежный, халатный характеръ. Можетъ-статься, было почувствовано и то, что къ дѣлу подошли не съ той стороны....

14—26 Мая, за четыре дни до смерти князя Горчакова, когда онъ уже нисколько не управлялъ Варшавой, Коммиссія, неизвѣстно по чьему приказанію, закрыта, и все велѣно предать забвенію. Однако исписано 329 листовъ.

Межъ-тѣмъ какъ узелъ развязывался такимъ образомъ, межъ-тѣмъ какъ «Мастерская манифестацій» хаотически разсуждала о своихъ Польскихъ дѣлахъ, при чемъ Новаковский съ пріятелями постоянно вызывался взять Цитадель и Замокъ, лишь-бы только ему не мѣшали; межъ-тѣмъ какъ народныя констабли пресерьезно маршировали по улицамъ, воображая, что несутъ важную службу отечеству, и дѣлалось еще много страннаго и невѣроятнаго въ разныхъ пунктахъ Варшавы: въ это время Замокъ придумывалъ выходъ изъ такого положенія вещей, ожидая вмѣстѣ съ тѣмъ и по-

ворота кое-кого изъ консерваторовъ на прежнюю дорогу; ожидая и отъ Делегациі, что она, пококетничавъ съ ребятами и занявъ ихъ какими-нибудь пустяками, обратится къ правительству и подастъ ему искренно и честно руку помощи. Но не тутъ-то было. Никто не шелъ. Напротивъ, казалось, что все краснѣетъ съ каждымъ часомъ больше и больше; пламень разливается шире и шире. Надо было забѣжать впередъ и преградить ему дорогу; надо было образовать какъ-можно скорѣе консервативную среду изъ Поляковъ-же; отыскать, во что-бы то ни стало, лицо, около котораго, по вѣсу и вліянію его въ обществѣ, собралась-бы масса людей, способная направить ходъ всей машины, пожалуй, хоть и по польски, но только не радикально во вредъ Русскимъ правительственнымъ интересамъ. Но среди того волненія, въ какое было приведено все въ краѣ и въ Варшавѣ, среди волненія, которое поддерживалось самимъ правительствомъ, когда самые спокойные и умѣренные имѣли положительное право сбиться съ толку, трудно, очень трудно было найти Поляка, который-бы отважился надѣтъ на себя Русскій мундиръ и принять градъ стрѣлъ. Никто изъ вліятельныхъ Поляковъ, сколько-нибудь дорожившихъ своимъ общественнымъ положеніемъ, не подумалъ-бы итти въ такую службу, садиться на такое шаткое, опасное кресло. Даже и старыя зданія разшатывались и грозили паденіемъ. Главный директоръ коммиссіи финансовъ (по нашему министръ) Ленскій, воспитанный въ Петербургѣ, считавшійся почти-русскимъ, подалъ въ отставку. Директоръ коммиссіи юстиціи, Воловскій, тоже собирався подать въ отставку, а потомъ и подалъ... Было что-то уже въ родѣ заговора. Взять Русскаго, онъ-бы, казалось, не сладилъ. О Русскомъ не было тогда и рѣчи *).

*) А.Николай Алексѣевичъ Милютинъ? П. В.

вительства сосредоточилось на одномъ Польскомъ аристократѣ изъ самыхъ крупныхъ, поставленномъ разными обстоятельствами отдѣльно отъ всѣхъ и уже довольно давно искавшемъ въ Русскихъ. Это былъ маркизъ Александръ Велепольскій.

Этому лицу, до сихъ поръ не-совсѣмъ выясненному событіями, о коемъ судять вкривь и вкосъ и какъ придется, выпала на долю видная и серьезная роль въ Польскомъ возстаніи; потому мы считаемъ нелишнимъ обрисовать его читателю со всѣхъ сторонъ, какія только намъ извѣстны, коснувшись нѣсколько и его родословной.

Въ половинѣ XVI столѣтія былъ Пюцкимъ, а позже Краковскимъ епископомъ нѣкто Петръ Мышковскій, князь Сѣверскій, извѣстный по своему высокому уму и любви къ наукамъ и искусствамъ, который оставилъ племянникамъ, Сигизмунду и Петру Мышковскимъ, огромное наследство, заключавшееся въ капиталахъ на сумму (тогда весьма большую) 8.000.000 злотыхъ³⁰⁾ и въ имѣніяхъ: Хробежъ, Пинчовъ, Ксѣнжъ и Мировъ—въ Краковскомъ воеводствѣ; Орышовъ и Шимановъ—въ Мазовецкомъ; Вепржъ въ Силезіи, и еще кое-какихъ мелкихъ деревняхъ въ разныхъ пунктахъ Польши.

Черезъ пять лѣтъ по смерти дяди (1596) Сигизмундъ Мышковскій получилъ отъ папы Климента VIII марграфское достоинство, а князь Мантуанскій, Викентій Гонзага, передалъ ему свой гербъ и титулъ.

Новый марграфъ, иначе маркизъ, основалъ, совокупно съ братомъ своимъ Петромъ, въ 1601 году, одну изъ пяти Польскихъ ординацій, извѣстную подъ именемъ «ординаціи Мышковскихъ»³¹⁾.

³⁰⁾ Милліонъ двѣсти тысячъ рублей.

³¹⁾ Остальныя четыре ординаціи бывшаго Польскаго королевства суть слѣдующія: 1) Ординація Замойскихъ на

Въ концѣ XVII вѣка одинъ изъ Мышковскихъ оставилъ дочь (которая вышла замужъ за нѣкоего Іордана) и внучку по сынѣ, котораго пережилъ. Эта внучка была выдана за Велепольскаго.

Іорданъ и Велепольскій затѣяли процессъ изъ-за Мышковской ординаціи. Послѣ многихъ схватокъ въ судахъ и въ полѣ (тогда уже входили въ моду такъ-называемые наѣзды, въ родѣ того, что описанъ Мицкевичемъ въ поэмѣ Панъ-Тадеушъ) Велепольскій (чуть-ли не пращуръ нашего) одержалъ верхъ: Мышковская ординація, съ титуломъ маркиза, перешла въ эту фамилію.

Во дни Станислава-Августа, маркизъ Іосифъ Велепольскій, женатый на сестрѣ великаго маршала Бѣлинскаго, выхлопоталъ себѣ, при помощи послѣдняго, позволеніе у Австрійскаго правительства продать часть марграфства. Король Саксонскій, герцогъ Варшавскій, Фридрихъ-Августъ, позже подтвердилъ это. Такимъ образомъ ординація Мышковскихъ распалась на двѣ половины: одну изъ нихъ, оцененную въ 20 милліоновъ злотыхъ, прибрѣлъ нѣкто Іоаннъ Ольрихъ, меценасъ Варшавскаго суда, за 8 милліоновъ злотыхъ, изъ коихъ 6 пошло на уплату долговъ, а 2 назначено въ приданое марграфини Христины, един-

Замость въ Щебржешинѣ (1589); 2) Княземъ Радзивилловъ—на Ольщѣ и Несвижѣ (1589); 3) Острогскихъ на Острогѣ (1609) и наконецъ 4) Сулковскихъ на Радзынѣ (1775). Земли этихъ пяти ординацій составили бы нынѣ, еслибъ существовали въ первоначальномъ видѣ (говорить Крыжановскій, авторъ сочиненія *Dawna Polska*), почти половину теперешняго Царства Польскаго.

Въ настоящее время въ Польшѣ находятся только три ординаціи: Замойскихъ, Красинскихъ и Велепольскихъ.

Русскихъ маіоратовъ въ царствѣ около 200.

ственной дочери вышеупомянутаго Іосифа Велепольскаго, вышедшей замужъ за нѣкоего Бонтани.

Изъ оставшейся части, цѣнимой въ 12 милл. золотыхъ, образована новая ординація на Мышковѣ, которая досталась въ наслѣдство двоюродному брату Іосифа Велепольскаго, также Іосифу³²⁾.

Это былъ отецъ маркиза Александра.

Родители не щадили ничего, чтобы дать сыну, единственному въ родѣ, сколь-возможно полнѣйшее классическое образованіе. Его учили всему: разнымъ языкамъ, древнимъ и новымъ; исторіи, географіи, въ самомъ обширномъ смыслѣ и, какъ увѣряютъ иные, даже юридическимъ наукамъ, якобы съ тѣмъ, чтобы онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, съумѣлъ возстановить свой Мышковскій майоратъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ устроенъ знаменитымъ предкомъ его, Сигизмундомъ Мышковскимъ, великимъ короннымъ маршаломъ короля Сигизмунда III.

Объ этомъ цѣльномъ майоратѣ сталъ дѣйствительно очень-рано слышать молодой маркизъ. Очень рано снилась ему возможность сдѣлаться обладателемъ всѣхъ тѣхъ земель, гдѣ пышно марграфствовали его предки. Громкія имена этихъ предковъ, какъ по мужескому, такъ и по женскому колѣну, *po mieści i po kądzieli*³³⁾ стали тоже ему очень рано знакомы, пуще Отче-нашъ и Вѣрую, особенно имя Петра на Мировѣ—Мышковскаго, который гремѣлъ по всей Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ, въ счастливые дни Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія, какъ ученый и высокихъ талантовъ мужъ, чья слава достигала и до чужихъ краевъ, о комъ упоминаетъ въ своихъ безсмерт-

ныхъ пѣсняхъ самъ князь Польскихъ пѣвцовъ, Кохановскій.

Затвердилъ онъ не менѣе того, что мѣстечко Пинчовъ, гдѣ жили Велепольскіе, называлось, еще при Олесницкихъ³⁴⁾, Польскими Аѣинами. Все это онъ затвердилъ и вообразилъ, что въ Польшѣ нѣтъ другихъ такихъ магнатовъ, какъ они и ихъ родъ. Такія понятія, пышная, истинно-аристократическая обстановка жизни, эти княжескіе приемы, звонки, швейцары, доклады, гербы, куда ни сунься; это мелкое шляхетство, а иногда и не очень мелкое, падавшее до ногъ на огромномъ пространствѣ вокругъ; баловство и нѣжность родителей, не чаявшихъ, что называется, въ сынѣ и души, родителей гордыхъ и важныхъ: все это имѣло сильное вліяніе на молодаго Велепольскаго. Онъ выросъ надменнымъ, холоднымъ аристократомъ, съ ухватками феодальныхъ временъ. Его высокомеріе не знало границъ. Онъ только и думалъ о томъ, какъ-бы выставиться ярче, грандіознѣе, забрать въ свои руки все, рѣшительно все, вездѣ и во всемъ первенствовать. По образованію, которое было окончено въ Берлинскомъ университетѣ, ему дѣйствительно не представлялось соперниковъ въ гуляющей, кутящей съ юныхъ лѣтъ аристократіи Польши. Но по значенію, по богатству былъ соперникъ, и не одинъ. Прежде всего стояли поперекъ горла Замойскіе, съ ихъ необъятными имѣніями. Одинъ Замойскій, какъ уже извѣстно читателямъ, былъ владѣлецъ ординаціи, самой древней въ Польшѣ, ординаціи не знавшей потрясеній и захватывавшей чуть не цѣлый уѣздъ. Было чему позавидовать! Предожъ этого

³²⁾ Брошюра: *Margrabia Alexander Wielopolski, Paryż, 1861.*

³³⁾ По мечу и веретену.

³⁴⁾ Для образованнаго Поляка сказать: «еще при Олесницкихъ»—довольно, чтобы опредѣлить эпоху. Олесницкіе жили въ началѣ XVI столѣтія. Одинъ изъ нихъ былъ примасомъ, и онъ-то собственно прославилъ эту фамилію.

Замойскаго даже пустилъ въ ходъ самое слово ординація, начавъ имъ свое «завѣщаніе» относительно земель, полученныхъ ихъ родомъ отъ короля Владислава-Локетка.

Богъ вѣдаетъ, съ какихъ поръ столкнулись между собою эти два туза Польши, Замойскіе и Велепольскіе, и образовалось двѣ партіи, питавшія другъ ко другу родовое, наслѣдственное нерасположеніе. Мы употребляемъ самое мягкое слово. А что собственно кипѣло и блокотало въ груди тѣхъ и другихъ, при ихъ взаимныхъ встрѣчахъ,—этого не выскажешь никакимъ словомъ. Это становится понятно безъ всякихъ словъ только тогда, когда немного поживешь въ Польшѣ и взглядишься въ бытъ Поляковъ, въ эти соприкосновенія партій.

Конечно, значительныя средства играютъ важную роль въ жизни. Ставши какъ слѣдуетъ на ноги, маркизь Александръ Велепольскій бросился возстановлять свой разрушенный разными историческими обстоятельствами майоратъ; бросился ретиво, горячо. Силъ было очень много—самыхъ свѣжихъ, необыкновенныхъ силъ. Надо было куда-нибудь ихъ дѣвать, тратить; а другой дѣятельности не представлялось.

Права свои на цѣлость майората маркизь основывалъ на томъ, что продажа половины была совершена незаконно, при помощи кривыхъ путей и интригъ.

Другая сторона, владѣвшая отошедшею частью ординаціи Мышковскихъ, утверждала, что продажа совершилась правильно: ибо въ то время дѣйствовалъ въ странѣ кодексъ Наполеона, не допускающій ординацій или майоратовъ.

Маркизь Александръ проигралъ первый процессъ въ уѣздномъ городѣ Кельцахъ. Это было въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Но такъ-какъ маркизь принадлежалъ къ лично-

стямъ, которыя не смущаются отъ встрѣчаемыхъ препятствій, напротивъ, пріобрѣтаютъ новую энергію и силу, подобно тому, какъ ядро, катившееся тихо, ударясь о камень, подпрыгиваетъ и опять летитъ, и реветъ, и разрушаетъ все по дорогѣ: маркизь перенесъ процессъ въ Варшавскій кассационный судъ.

Странное дѣло: уже въ это время образовалось въ массѣ какое-то раздраженіе противъ маркиза, кажется ничего особеннаго не сдѣлавшаго никому, даже мало извѣстнаго. Но существуютъ люди, которыхъ не любятъ съ пеленъ; такъ точно какъ существуютъ другіе, которыхъ всѣ любятъ, такъ-вотъ, ни съ того, ни съ сего, а любятъ. Маркиза не любили. И онъ не только не думалъ о томъ, какъ-бы исправить это, установить лучшія отношенія къ обществу, — онъ, что ни дальше, облакался пуще броней необщительности и презрѣнія ко всему окружающему; пуще морозилъ взглядомъ и пріемами всѣхъ, кто хотя мало приближался къ этимъ арктическимъ странамъ, гдѣ кромѣ вьюгъ и вѣковѣчныхъ льдовъ никогда ничего не видали.

Уже его называли сутягой и крючкомъ, и гдѣ-же? въ землѣ сутягъ, гдѣ всякая муха знаетъ-перезнаетъ, какимъ образомъ заводится тяжба и что такое за чинъ реентъ; гдѣ всякій, разговаривая съ вами, такъ и смотритъ, чтобъ вы его какъ-нибудь не спроществовали. Не два-три процесса, даже и не двадцать и не тридцать, веденные маркизомъ съ разными лицами, а что-то другое не прощали ему его соотечественники, и это другое лежало для него непереступаемымъ порогомъ, во всю его жизнь, куда-бы онъ ни шелъ, что-бы ни предпринималъ и какъ-бы чистъ предъ всѣми, повидимому, ни былъ.... А насъ это другое избавило отъ многихъ бѣдъ.

Зала Варшавскаго кассационнаго

суда, въ послѣднее, заключительное засѣданіе, когда дѣло тяжущихся сторонъ должно было рѣшиться такъ или иначе, — одѣлась (по свидѣтельству бывшихъ тамъ) какимъ-то гробовымъ сумракомъ; всѣ притихли какъ въ могилѣ, лишь-только сталъ говорить маркизъ, и показалось, что онъ играетъ. Ни звука, ни взгляда сочувствія! Напротивъ, когда повелъ рѣчь его противникъ, приходившійся ему какимъ-то родственникомъ, старикъ довольно преклонныхъ лѣтъ — всѣ оживились. Каждое обыкновенное слово производило выгодное для говорившаго впечатлѣніе. Подъ-конецъ старикъ, можетъ быть, просто отъ слабости нервовъ, заплакалъ: это обстоятельство было его побѣдой. Судьи и публика были потрясены неимоверно. Велепольскій опять проигралъ — и хотѣлъ-было перенести дѣло въ Сенатъ, но что-то воспрепятствовало: кажется, неспокойное состояніе края, минута, въ которую, болѣе или менѣе, было почувствовано всѣми и каждымъ, что теперь надо отложить частные споры и процессы и начать процессъ общій, крупный, такого рода, гдѣ всѣ Поляки должны представить одну тяжущуюся единицу, а правительство другую. Маркизъ Александръ никогда не былъ прочь отъ такихъ процессовъ.

Грянулъ 1830 годъ. Когда альфа аристократическаго круга Польши, графъ Андрей Замойскій, былъ отпращиваемъ революціоннымъ правительствомъ съ извѣстнымъ уже читателю дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну³⁵⁾, — омега того-же кружка, противоположный полюсъ, маркизъ Александръ Велепольскій поѣхалъ съ такимъ-же порученіемъ въ Лондонъ. Это случилось нѣсколько поздно. Порученіе не имѣло успѣха по той простой причинѣ, что мы — взяли Варшаву.

Нестолько неосторожный, какъ его соперникъ, явившійся сейчасъ-же послѣ революціи, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Варшавскихъ салонахъ, — Велепольскій перебрался изъ Лондона сперва въ Дрезденъ, а потомъ въ свое Радомское имѣніе, гдѣ, въ тишинѣ, предался наукамъ. Говорили даже, будто-бы онъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы уничтожить слѣды ноты, поданной имъ Лондонскому кабинету. Въ самомъ дѣлѣ, эта нота стала теперь очень рѣдкимъ экземпляромъ.

Тяжелая пышность пріемовъ, совершенно-городскіе порядки сельскаго палаца Велепольскихъ и сорокаградусный морозъ, окружавшій особу хозяина, неслишкомъ располагали сосѣдей къ посѣщеніямъ. Въ палацъ было очень тихо. Работать никто не мѣшалъ.

Въ числѣ избранниковъ, безъ страха переступавшихъ высокіе пороги маркиза, былъ одинъ его сосѣдъ, Константинъ Свидзинскій, человекъ рѣдкаго ума и образованія, посвятившій всю свою жизнь на собираніе отечественныхъ древностей всякаго рода. Велепольскій называлъ его даже другомъ. На сколько это было искренно, Богъ знаетъ. По крайней мѣрѣ немногіе слышали отъ Велепольскаго и такъ произносимое имя друга, какъ оно произносилось для Свидзинскаго.

На берегу Ниды, въ виду бывшихъ «Польскихъ Аѳинъ», друзья прислушивались съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ «военная диктатура» ломала кости недавнимъ либеральнымъ учрежденіямъ края. Фактъ паденія республики, располагавшей превосходною столысячною арміею и большими капиталами, владѣвшей всѣми крѣпостями — былъ очень ярокъ и не могъ не говорить умнымъ людямъ, хотя и горячимъ, но бѣлой, консервативной закваски, не могъ не говорить имъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ о щетѣ всѣхъ будущихъ вооруженныхъ сопротивленій. Если проигранъ

³⁵⁾ Русскій Архивъ 1870, стр. 1834.

такой бой, такой моментъ, какого ужъ не будетъ,—чтожъ всѣ другіе, съ мизерными арміями изъ косарей, спитыми на живую нитку? Спокойное благоразуміе требовало иныхъ приемовъ отъ Польскаго патріота, веденія иного заговора, гдѣ всякая мысль о столкновеніи въ ратномъ полѣ должна быть отвергнута, какъ утопическая, безумная. Что такое выработалось изъ бесѣдъ друзей на берегу Ниды и выработалось-ли что, этого мы не знаемъ. Все, что можетъ быть видно глазамъ историка сквозь туманъ минувшаго, это-усиленное собираніе друзьями всего замѣчательнаго по части отечественныхъ древностей, что могло вліять на воспитаніе народа и поддержку его духа въ грядущемъ. Больше ничего нельзя было тогда дѣлать и замышлять. Грозная фигура, въ Георгіевской звѣздѣ, шагала и по тихимъ берегамъ Ниды, заглядывая во всѣ ущелья....

Собранное друзьями и ихъ отцами они разсчитывали сложить въ какомъ нибудь безопасномъ пунктѣ, куда-бы ученые всей Польши могли, впоследствии, съѣзжаться для разныхъ работъ и бесѣдъ.

Богъ вѣсть, какія развѣтвленія принимала иногда эта мысль о «безопасномъ пунктѣ для съѣздовъ и бесѣдъ ученыхъ со всей Польши»—въ головахъ друзей, разгоряченныхъ подчасъ *струей, какъ жизнь пустою*, и въ чьихъ ушахъ еще рокотали трубы легіоновъ....

Свидзинскій, какъ «хозяинъ дѣла», ибо на его долю выпалъ лучший и богатѣйшій сборъ древностей, полагалъ основать такой пріютъ наукъ въ Краковѣ, тогда еще вольномъ городѣ³⁶⁾. Галиційское возстаніе 1846 года перевернуло планы друзей. Да и во-

обще пятнадцать лѣтъ, прожитыя послѣ революціи, вліяли болѣе или менѣе на ходъ мыслей обоихъ отшельниковъ. Дѣтскіе приемы возстанія, диктаторская комедія, разыгранная Тисовскимъ въ Краковѣ, рѣзня Шели³⁷⁾, а съ другой стороны неослабно идущій къ своей цѣли фельдмаршалъ и побѣдоносное, безъ всякой битвы, вступленіе нашихъ войскъ въ древнюю столицу Ягеллоновъ, когда Австрійцы куда-то попрятались: все это вмѣстѣ произвело родъ революціи въ душѣ маркиза, а можетъ быть и его друга Свидзинскаго. Маркизь сталъ въ ряды Русскихъ и написалъ извѣстную брошюру: *Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich*, въ которой разстается съ Австрійскимъ правительствомъ навсегда. Мысль «устроить пунктъ, гдѣ-бы собирались ученые», передѣлывается у друзей въ «возстановленіе марграфства Велепольскихъ, въ видѣ центра Старопольщины, гдѣ и соединить собранія сокровища.»

Такимъ образомъ опять показался на сценѣ забытый было и задвинутый разными событіями цѣльный майоратъ.

Въ 1848 и 1849 г. маркизь Александръ — въ Русскомъ военномъ станѣ. Онъ что-то совѣтуетъ графу Ридигеру.... а въ 1853 г. при открытіи военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, отдаетъ старшаго сына, Сигизмунда, въ Смоленскій уланскій полкъ, правда переполненный Поляками³⁸⁾, но все-таки отдаетъ. Родня Велеполь-

³⁷⁾ Русский Архивъ 1870, стр. 449 и слѣд.

³⁸⁾ Въ Іюнь 1861 года въ этомъ полку находилось на 6 эскадронныхъ командировъ 5 Польскаго происхожденія. Полковой командиръ, полковой адъютантъ и казначей тоже были Поляки. Вообще на 17 офицеровъ Польскаго происхожденія было только семь чело-вѣкъ Русскихъ и Нѣмцевъ. (Сообщено однимъ изъ офицеровъ полка).

³⁶⁾ *Biblioteka Ordynacyi Myszkowskiej, rok 1859, w Krakowie*, стр. 29.—На стр. 50 приведено письмо Свидзинскаго, свидѣтельствующее тоже самое.

скаго, слѣдую примѣру патрона, сдѣлала тоже: нѣсколько Потоцкихъ и Островскихъ очутилось въ разныхъ высокихъ канцеляріяхъ Варшавы.

Шумные года, 54-й и 55-й, пронеслись для Польши безъ всякихъ особенныхъ результатовъ. Между Поляками и Русскими (какъ уже неразъ было замѣчено) выработались въ это время довольно-приличные отношенія, родъ слитія, какое только возможно. Роковая необходимость зависимости, необходимость принимать молча то, что даютъ, что выхлопывается съ помощью разныхъ силъ и ловкости,—чувствовалась какъ никогда каждымъ благоразумнымъ Полякомъ; и такихъ благоразумныхъ Поляковъ было тогда какъ-то болѣе всего. Маркизъ Александръ еще придвинулся къ Россіи. Его голову, какъ и многія другія умѣренныя головы въ Польшѣ, занималъ вопросъ: какимъ образомъ, примирясь съ этимъ слитіемъ двухъ какъ-бы несливаемыхъ элементовъ, повести дѣла такъ, чтобы въ конечномъ, хотя-бы и довольно-отдаленномъ, результатѣ, все-таки выдвинуть впередъ,—спасти родную землю. Можетъ статься, именно тутъ возникла у иныхъ бѣлыхъ Поляковъ мысль о Славянской Федерациі, подъ управленіемъ Россіи, гдѣ послѣдней, на первыхъ порахъ, предоставлялась главная роль, роль полнаго хозяина; а потомъ, разными искусными интригами, хозяинъ спустился-бы на степень гостя (какъ это бываетъ иногда на общихъ сѣздахъ Поляковъ съ Русскими, обѣдахъ, пирушкахъ и тому подобномъ)³⁹⁾—и Россія очутилась-бы только стражемъ обширныхъ границъ новаго политическаго тѣла; ей поручили-бы черную, штыковую работу; а бѣлая работа, направленіе нравственныхъ силъ Федерациі, науки, искусства,—все выс-

шее, лежало-бы на отвѣтственности самой образованной изъ всѣхъ Славянскихъ земель, къ тому же прошедшей чрезъ горнило бѣдствій — Польши. Въ концѣ концовъ видѣлось всеобщее ополяченіе. Польша была-бы спасена.

Такая мысль въ нѣсколькихъ бѣлыхъ той эпохи была однако не совсѣмъ оригинальною мыслью. Она была отраженіемъ извѣстной стороны ученія Демократическаго Общества.

Еще въ тридцатыхъ годахъ демократы между прочимъ учили: «Какъ нѣкогда призваніемъ Славянъ было защищать христіанскую цивилизацію отъ всеунижающаго прилива Азіатскаго варварства, такъ и теперь тѣ же самые Славяне призваны: съ одной стороны привить пріобрѣтенную вѣками и очищенную цивилизацію Запада, обогороженную силою и качествами ихъ духа, къ тому-же варварскому Востоку, платя ему, такимъ-образомъ, самымъ большимъ добромъ за самое большее зло. Съ другой стороны Славяне призваны возродить и оживить сказанными качествами своего духа старую, гніющую, обомлѣвшую и доведенную до крайней слабости вѣковыми своими трудами Западную Европу. Однимъ словомъ: Славянскому племени суждено имѣть историческую инициативу и руководить судьбами свѣта въ будущей жизни человѣчества. Натурально, историческою главою этого новаго, спасительнаго міра, по духу прошедшей, настоящей и будущей своей миссіи, есть Польша».⁴⁰⁾

Насколько Велепольскій усвоилъ себѣ такіе взгляды, и усвоилъ ли,—это неизвѣстно. Извѣстно только, что нѣчто подобное заключалось, между прочимъ, въ принципахъ партіи, къ которой онъ принадлежалъ.

Въ концѣ 1835 года умеръ Свидзин-

³⁹⁾ Одинъ такой обѣдъ описанъ былъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1863 г.

⁴⁰⁾ Авейде.

скій, оставя своему другу, по духовному завѣщанію, все благопріобрѣтенное имущество: капиталы, книги, древности и даже самую ту деревню, гдѣ хранилась библіотека, съ предоставленіемъ ему права помѣстить все это, для общаго пользованія публики, гдѣ заблагоразсудитъ ⁴¹⁾.

Велепольскій, по разнымъ соображеніямъ, держалъ библіотеку Свидзинскаго и все къ ней принадлежащее покамѣстъ въ имѣніи. Нерасположеніе къ нему общества сейчасъ нашло возможнымъ обвинить маркиза въ нарушеніи духовнаго завѣщанія, котораго близко никто не видалъ. Кричали, что Свидзинскій передалъ библіотеку Велепольскому съ тѣмъ, чтобы она непременно была помѣщена въ Варшавѣ. На бѣду явились еще, какъ-

⁴¹⁾ «§ 3. Вышеупомянутую сумму 36.100 рублей серебромъ, а равно и библіотеку, нумизматическій кабинетъ, картины, рисунки, рѣзныя вещи, древніе документы, рукописи и прочія библіографическія и археологическія рѣдкости, оцѣненные мною выше въ 30.000 р. серебромъ, безъ малѣйшаго исключенія; также: имѣніе мое въ царствѣ Польскомъ, Ключъ Сульгостовскій, состоящій нынѣ за мною въ актуальномъ владѣніи и оцѣненный по совѣсти въ 45.000 рублей серебромъ, отказываю и на вѣчныя времена дарю (zapisuję i wieszczę) Александру сыну Іосифа маркизу Мышковскому, графу Велепольскому и потомкамъ его, въ полное неограниченное владѣніе; приче́мъ желаніемъ моимъ есть и о томъ легатарія моего убѣдительно прошу, чтобы онъ купилъ или построилъ соотвѣтствующій для помѣщенія библіотеки и принадлежащихъ къ ней рѣдкостей домъ, не то въ завѣщанномъ ему отъ меня имѣніи Сульгостовѣ, не то въ Варшавѣ, или гдѣ найдетъ удобнѣе и лучше для достиженія моихъ цѣлей.

(Выписка изъ Духовнаго Завѣщанія Свидзинскаго.)

бы съ того свѣта, изъ Эмиграціи (въ силу амнистіи 1836 года) всѣми забытые два брата Свидзинскаго и предъявили права на Сульгостовъ. Они опирались на такъ-называемую въ юридическомъ мѣрѣ субституцію духовнаго завѣщанія, на выраженіе «и потомкамъ его» — которое, по силѣ одной статьи Наполеонова кодекса, лишало, въ глазахъ крючковъ, духовное завѣщаніе всего его значенія. Эти крючки, при помощи раздраженія общества противъ маркиза, раздраженія, которое росло съ каждымъ часомъ,—повели процессъ въ Радомѣ такъ искусно, что маркизъ проигралъ; но, перенеся его тотчасъ въ Варшаву, безъ всякаго труда, выигралъ, такъ-какъ дѣло было очень просто и чисто. Мы нарочно привели текстъ 3-го параграфа завѣщанія, въ самомъ точномъ переводѣ, дабы читатель могъ убѣдиться, какъ иногда бываютъ празды и лицепріятны крики массы.

Выигрышъ процесса породилъ новыя обвиненія противъ маркиза, дошедшія позже до того, что Русскія власти, желавшія Велепольскому успѣха между Поляками, чисто въ Русскихъ правительственныхъ интересахъ, присовѣтовали ему разстаться съ библіотекой Свидзинскаго, передавъ ее какому-нибудь надежному по средствамъ магнату. Велепольскій передалъ все графу Красинскому, въ домѣ котораго, въ Варшавѣ, и помѣщаются теперь всѣ рѣдкости, собранныя Свидзинскимъ. Но и тутъ нашлись люди, говорившіе, что маркизъ лучшую часть все таки оттягалъ у публики, оставя въ своемъ имѣніи, Пинчовѣ...

Мы подошли такимъ-образомъ къ эпохѣ, съ которой начали главу.

Велепольскій стоялъ отдѣльно. Говорятъ, когда Земледѣльческое Общество балотировало его въ члены,—онъ былъ будто забалотированъ. Такъ говорятъ. Намъ не случилось повѣрить этого факта. Быть можетъ, онъ, при точномъ изслѣдованіи, ока-

жется тѣмъ-же, что и крики толпы по поводу процесса маркиза съ братьями Свидзинскими. Но имѣютъ несомнѣнную, историческую силу и такіе крики и говоръ. Они иной разъ историчнѣе самой исторіи. И донинѣ Велепольскій рисуется въ воображеніи Поляковъ и Русскихъ вовсе не тѣмъ, какимъ вывели бы его разные документы и бумага; онъ рисуется, какимъ его нарисовала роковая кисть общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ и условий, которыя не находятся въ документахъ. Такимъ онъ выступилъ и дѣйствовалъ. Такимъ онъ намъ нуженъ.

Въ дѣлѣ подачи Адреса онъ опять умѣлъ стать отдѣльно, да еще какъ отдѣльно!

Когда въ минуту неслыханной сумятицы и замѣшательства, среди которыхъ не то что князя Горчакова, но и многихъ весьма-характерныхъ и неслабыхъ Русскихъ людей, просто за-просто всю Россію, обошелъ какой-то лѣшій (ужасный, историческій лѣшій, который давно странствуетъ по свѣту и накуралесилъ на свой пай немало), когда въ это непостижимое время пришла кому-то изъ высшихъ правительственныхъ лицъ мысль поручить приведеніе хаоса въ порядокъ Польскому вліятельному магнату, — маркизъ Вельпольскій, самъ собою, почти безъ всякихъ указаній, бросился въ глаза, остановилъ на себѣ вниманіе Намѣстника и лицъ, къ нему близкихъ. Говорили, пожалуй, будто-бы на него указала князю какая-то дама, сосѣдка маркиза по имѣнію. Запишемъ и этотъ анекдотъ въ *repant* ко всему остальному, что дѣлалось тогда не помужски, а по дамски...

Всѣмъ показалось, что ничего лучше, спасительнѣе и быть не можетъ, какъ сдѣлать соправителемъ Намѣстнику этого гордаго магната, забалотированнаго, нелюбимаго своими соотечественниками, стало быть, естественно желающаго отмстить и ужь

конечно неспособнаго никоимъ образомъ допустить торжества Замойскаго, съ его Земледѣльческимъ Обществомъ. Припомнили движеніе маркиза къ Русскому правительству въ 1846 и 1853 г. Юридическое образованіе его, иначе сказать, знаніе гражданской части управленія, не подлежало никакому сомнѣнію. Анекдотическая цифра: 70 процессовъ, будто-бы веденныхъ Велепольскимъ, изъ которыхъ онъ большую половину выигралъ, — чего нибудь да стоила. Необыкновенный умъ маркиза, его начитанность, образованность были тоже всѣмъ извѣстны. Что до его фигуры, и она говорила за себя немало: будущій соправитель Намѣстника смотрѣлъ бастіономъ, полнымъ самыми солидными орудіями. Вся посадка была твердая, неподатливая, надежная. Когда онъ шелъ, нельзя было не посторониться. Изъ неочень-большихъ глазъ его, осыянныхъ густыми бровями, въ родѣ навѣса надъ крыльцомъ, не то (поэтичнѣе) черныхъ, навдвинувшихся тучъ, — сверкали молніи Зевеса; да и весь онъ, когда переставалъ походить на медвѣдя, походилъ на Юпитера. Фотографъ Байеръ, — мы можемъ сказать: историческій фотографъ Байеръ — нѣсколько позже, уловилъ именно такую, Юпитеровскую минуту, снявъ Велепольскаго, уже какъ начальника гражданского управленія Польши, *Rządu Cywilnego* (какъ писалось по-польски) — въ креслахъ, съ орломъ на спинкѣ, хоть и не Олимпійскимъ... Рукъ министра, стиснувшей крѣпко, характерно, ручку креселъ, не достаешь пучка перуновъ.

Во время, нами изображаемое, въ началѣ 1861 года, Байеръ (замѣтимъ въ скобкахъ) ни за что на свѣтѣ не сталъ-бы дѣлать его портрета. Куда-бы онъ годился, этотъ типическій, популярный делегатъ, пустивъ тогда въ ходъ такіа запрещенныя публичной черты!

Такъ, мы снова заносили руку на собственные интересы. Мы забывали прошедшее; повторяли то, чему, никакъ-бы, казалось, не должно повторяться. Мы забывали еще разъ, что нѣтъ такого Поляка, какъ-бы онъ оставленъ ни былъ, въ какихъ-бы условіяхъ ни дѣйствовалъ, — нѣтъ такого Поляка, который-бы разрѣшилъ намъ Польскій вопросъ порусски. Мы сами еще разъ отточили на себя мечъ — и подали его новому Адаму Чарторыскому!

Минута была страшная, кто сумѣетъ въ нее взглянуть. По счастью, геній, хранящій Россію, тѣ невидимыя силы, которыя какъ-то удивительно исправляютъ потомъ всякія наши ошибки, нашъ сонъ, простодушіе и прочее, — эти силы не дремали.

Маркизь Велепольскій, нося въ себѣ ядъ, который могъ дѣйствительно отравить надолго наше существованіе, носилъ въ себѣ и кучу противудій. Какія именно — мы увидимъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, если Горчаковъ, поговоривъ съ Велепольскимъ, — что называется, какъ-бы меду напился. Маркизь давилъ въ бесѣдахъ какъ мухъ и нетакихъ людей. Французскій языкъ его былъ безукоризненъ и блестящъ, — если не безукоризненнѣе, то огнистѣе во сто разъ языка Замойскаго.

Маркиза, для большаго удобства совѣщаній съ Намѣстникомъ, а частію и для личной его безопасности, помѣстили въ Замкъ, гдѣ онъ, какъ говорятъ, довелъ простоту отношеній къ Намѣстнику очень скоро до того, что принималъ его въ халатъ и туфляхъ. Можетъ быть и это анекдотъ....

Русскіе генералы, кто зналъ секретъ, пока еще не оглашенный, встрѣчаясь съ другими, незнавшими секрета, говорили: «Слава Богу, согласился! но сказалъ, что не отступитъ ни на волосъ отъ своихъ убѣжденій, т. е. что Польша должна быть дарована полная автономія».

Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съ Намѣстникомъ и другими высшими правительственными лицами края, причѣмъ разсматривались проекты первыхъ насущныхъ преобразованій: учрежденіе муниципальных совѣтовъ по выборамъ, учрежденіе Государственного Совѣта изъ лицъ Польскаго происхожденія; радикальная реформа школъ, — грузная фигура маркиза перенеслась въ Петербургъ и произвела тамъ очень-выгодное для себя впечатлѣніе. Его разглядывали въ разныхъ высшихъ салонахъ не безъ любопытства. Не мало было толковъ о томъ, что, явись на выходъ ко двору, маркизь сталъ съ дипломатическимъ корпусомъ, какъ бы чей посолъ или делегатъ. Ходилъ еще полубаснословный рассказъ, будто бы маркизь, на томъ же или другомъ выходѣ, позволилъ себѣ сѣсть, и когда ему замѣтили, что «тутъ сидѣть нельзя» онъ отвѣчалъ: «это вамъ нельзя, потому-что вы здѣсь у вашего Императора, а я — у своего Короля».

Вообще маркизь велъ себя въ Петербургѣ развязно и съ достоинствомъ. Относительно взглядовъ своихъ на Польскій вопросъ, онъ былъ довольно прямъ и безцеремоненъ. Одинъ изъ дипломатовъ спросилъ его: «а что вы думаете о Литвѣ?» — Я думаю, отвѣчалъ Велепольскій, что это вопросъ времени.

Вопросъ о Литвѣ не былъ для него, какъ для насъ, вопросомъ давно и окончательно-рѣшеннымъ: онъ былъ для него вопросомъ будущаго!

Такой, по видимому, знаменательный отвѣтъ, гдѣ для настоящаго знатока дѣла этотъ человѣкъ обрисовывался весь съ головы до ногъ и нечего было прибавлять, «какой у тебя носъ или губы» — такой отвѣтъ и еще нѣсколько подобныхъ были пропущены мимо ушей, безъ всякаго вниманія. Никто не призадумался ни на минуту. Роковой историческій фактъ

совершался тихо. Общество глядѣло во всѣ глаза и ничего не видало. Неслышанная апатія убійственное равнодушіе ко всему лежало тогда на всѣхъ нашихъ пространствахъ. Московскія Вѣдомости такъ обрисовываютъ это время: ... «Не было никакой гласности, ничего похожего на печать, въ Европейскомъ смыслѣ этого слова; ни тѣни общественнаго мнѣнія... Нигдѣ не обнаруживалось никакого участія въ дѣлахъ, по вопросамъ, имѣющимъ самое жизненное для Россіи значеніе; никто ни о чемъ не вѣдалъ, никто ни о чемъ не имѣлъ опредѣленнаго понятія и серьезнаго сужденія ⁴²⁾».

Такъ и тутъ: взоры скользили по массивной фигурѣ (и то весьма не многіе) а «опредѣленнаго понятія и серьезнаго сужденія объ ней никто не имѣлъ». Москва почти ничего не знала о томъ, что дѣлалъ Петербургъ. Когда нѣсколько позже явился въ заграничныхъ иллюстраціяхъ портретъ маркиза — Русская публика, можно сказать всѣ до единого, кто только просматриваетъ, если не читаетъ журналы, — взглянула на этотъ портретъ совершенно-равнодушно и легко перевернула страницу, какъ перевернула ее потомъ, увидя фізіономію Малабарскаго короля и Китайскій городъ Нейхо.... А стоила-бы и очень стоила эта фигура (похожая на тяжелое артиллерійское орудіе, готовое вскатиться на пригорокъ, чтобы стрѣлять) очень стоила эта фигура, чтобы мы къ ней приглядѣлись внимательно. Мы рекомендуемъ читателямъ отыскать въ хламѣ недосмотрѣннаго ими прошедшаго этотъ листокъ и взглянуть: нѣтъ сомнѣнія, что они найдутъ указанное нами сходство.

Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ, Когда онъ таковымъ его изобразилъ, Или невольное то было вдохновеніе, Но.... Байеръ далъ ему такое выраженіе.

⁴²⁾ 1867 года, № 22.

Чтобы обрисовать тогдашнее состояніе Варшавы и Петербурга, какъ всѣ были чѣмъ-то ошеломлены и до какой степени висѣлъ надо всѣмъ роковой облакъ, достаточно будетъ разсказать слѣдующій случай. Не за долго передъ тѣмъ временемъ, о которомъ повѣствуется, пріѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву одинъ полковникъ, флигель-адъютантъ: его поразило состояніе города, эта непрерывная манифестація, куда ни погляди; эти странные народные сенаторы; фотографіи убитыхъ, продаваемыя открыто по всему краю тысячами; неслышанная, чисто-революціонныя сборища въ Купеческомъ Клубѣ.... Встрѣтись кое съ кѣмъ изъ своихъ военныхъ друзей, онъ сказалъ: «У васъ, господа, революція, а вы не видите! Въ Петербургѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что здѣсь творится». Друзья, услышавшіе это, или молчали, по принятому тогда обыкновенію, или улыбались.

Посмотрѣвъ еще на разныя разности, полковникъ не счелъ возможнымъ оставаться долѣе празднымъ зрителемъ такихъ безпорядковъ, грозившихъ потрясти обычный ходъ дѣлъ, — воротился въ Петербургъ и доложилъ обо всемъ, что видѣлъ и что узналъ. Одно высшее военное лицо призвало его и, сдѣлавъ строгій выговоръ, велѣло отправиться вновь въ Варшаву и сидѣть смирно....

Видимо было, что правительство, отыскавъ Велепольскаго, думало, что вопросъ рѣшенъ довольно - хорошо; что вотъ еще недѣля, другая, — и все пойдетъ какъ слѣдуетъ. Кто-бы что ни говорилъ и ни замѣчалъ, всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ: «погодите немного, все это скоро кончится: Делегации и хаосу Ресурсы дни сочтены; все это, такъ сказать, дышетъ на ладонь»...

13 Марта н. ст. Намѣстникъ пригласилъ къ себѣ архіепископа Фалковскаго, графовъ: Андрея Замойскаго

и Владислава Малаховскаго; делегатовъ: Кронеберга и Шленкера, и прочелъ имъ письмо Государя Императора, въ которомъ говорилось о преобразованіяхъ, ожидающихъ край. Намѣстникъ надѣялся произвести на приглашенныхъ самое выгодное впечатлѣніе. Не тутъ-то было. Эти бѣлые были уже не бѣлые. Замоискій, не тотъ Замоискій, который, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, изображалъ въ Замкѣ надежнѣйшаго консерватора, не тотъ Замоискій, который утромъ 27 Февраля требовалъ у правительства войскъ противъ своихъ же сочественниковъ, а Замоискій, уже значительно протянувшій руку движенію, у кого бывали кой-какія сборы, къ кому заглядывала подчасъ и молодежь всякаго свойства; *этотъ* Замоискій сказалъ, что «для нихъ, для партіи умѣренной, это все, что нужно; что они и того не ждали; но что противуположная сторона этимъ не удовлетворится»....

На другой день, 14-го, полученъ былъ отвѣтъ Государя Императора на Адресъ,—тоже въ видѣ письма къ Намѣстнику и также сообщенъ нѣсколькимъ вліятельнымъ Полякамъ.

«Я прочиталъ просьбу, которую вы Мнѣ прислали. Долженъ бы счесть ее за несуществующую, такъ какъ нѣсколько человекъ, пользуясь безпорядками въ улицахъ, взяли на себя самовольное право пренебрегать всѣми распоряженіями Правительства, но Я не вижу въ этомъ покаянствъ ничего, кромѣ увлеченія».

«Я устремляю всѣ Мои мысли къ изготовленію реформъ, какихъ требуетъ время и развитіе нуждъ Государства. Подданные Мои въ Царствѣ составляютъ также предметъ Моихъ попеченій. Все, что можетъ упрочить ихъ благосостояніе, не находить и не найдетъ Меня никогда равнодушнымъ».

«Я уже далъ имъ доказательство того, что желаю сдѣлать ихъ соучастниками въ предпринимаемыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ Государства. Остаюсь нынѣ все въ тѣхъ же намѣреніяхъ и чувствахъ. Имѣю право рассчитывать на то, что таковыя чувства встрѣтятъ съ ихъ стороны полный отвѣтъ и не будутъ задержаны на пути желаніями чего либо несвоевременнаго и неумѣреннаго, чего бы Я не могъ имъ дать, не нанеся ущерба интересамъ моихъ подданныхъ въ Имперіи. Исполню всѣ Мои обязанности. Ни въ какомъ случаѣ потакать безпорядкамъ не буду. На такомъ грунтѣ строить ничего нельзя. Требованія, которыя захотѣли-бы на нихъ опереться, сами-бы себя тѣмъ самымъ подкопали, уничтожили-бы всякую довѣренность и встрѣтили-бы съ Моей стороны суровый отпоръ, какъ нѣчто такое, что можетъ совратить Государство съ правильнаго пути, коему Я хочу неуклонно слѣдовать» ⁴³⁾.

Съ прибытіемъ этого отвѣта, Делегация оканчивала свое существованіе. Это стояло въ условіяхъ ея учрежденія. Само собой разумѣется, бѣлой партіи и тѣмъ изъ красныхъ, которые смотрѣли на дѣло умѣренными глазами, хотѣлось, на сколько возможно, продлить ея существованіе. Въ ея спорахъ, въ ея торгахъ и переторжкахъ съ правительствомъ, какими бы они кому ни казались, былъ все-таки толкъ и нѣкоторая польза. Делегаты, такъ-ли не такъ-ли, были дѣйствительнымъ проводникомъ многихъ мыслей общества въ Замокъ, обыкновенно не очень доступный. Они заявляли о разныхъ нуждахъ и потребностяхъ города и края, и голосъ ихъ бывалъ не разъ услышанъ. Они освободили даже нѣсколько арестантовъ, которымъ-бы сидѣть, можетъ стать,

⁴³⁾ Напечатано въ Русскихъ газетахъ между прочимъ въ Московскихъ Вѣдом. 1861, № 51, въ особомъ прибавленіи.

долго въ Цитадели и неизвѣстно куда выдти. Делегаты рѣшительно сослужили отечеству службу, и не видѣтъ этого могъ лишь такой Полякъ, у котораго на глазахъ была красная повязка, кто ничего не видѣлъ, чьи фантазіи рвались за всѣ границы. И потому, все умѣренное старалось охранить Делегацию отъ предстоящей опасности, представительство за нее у Намѣстника, насколько хватить силъ; просить оставить это учрежденіе и на будущее время, хотя бы въ измѣненной формѣ, въ видѣ обыкновенныхъ членовъ Магистрата, пока дѣла придутъ въ окончательный порядокъ.

Другая сторона, чисто-красная, революціонная, шумѣвшая по домамъ и въ Ресурсѣ, ничего не видала въ Делегации, кромѣ чиновниковъ, посаженныхъ правительствомъ и требовавшая отъ нихъ невозможнаго: учрежденія манифестацій, постоянной борьбы съ правительствомъ, заявленій самыхъ неслыханныхъ и неестественныхъ. Слышались не рѣдко вопросы: «Кѣмъ Делегация выбрана? почему она величаетъ себя народной! Если имѣется въ виду возстаніе,—за чѣмъ эти странные торги съ правительствомъ, эти констабли, которые иногда помогаютъ правительству хватать агитаторовъ, иначе сказать, истинныхъ слугъ дѣлу и отчизнѣ»⁴¹⁾.

Были ораторы, которые вскакивали

⁴¹⁾ Былъ одинъ такой случай. Умѣренная партія, боясь торжества красныхъ, или вообще вреднаго ихъ вліянія на ходъ заговора, рѣшилась принять противъ иныхъ крайнихъ самая рѣзкія мѣры. Народнымъ констаблямъ было приказано арестовать одного изъ такихъ безпечальныхъ, Крыжановскаго. Его взяли ночью и привели въ Ресурсу къ делегатамъ. Делегаты, опасаясь ответственности передъ публикой, отправили арестованнаго въ Ратушу, гдѣ онъ былъ судимъ по всей строгости законовъ и сосланъ въ Сибирь. Это

на столы, что-бы лучше быть услышанными, но ихъ тутъ-же, за частую, стаскивали за ноги, при общемъ хотѣ всей залы.

Крики недовольныхъ Делегацией въ Ресурсѣ доходили иногда до того, что делегаты высылали изъ среды своей кого нибудь объясняться съ публикой. Этотъ высылаемый болѣею частью лгалъ безъ всякой совѣсти, что-бы только успокоить крикуновъ—хоть на тотъ вечеръ. Напримѣръ говорили, что часть членовъ Делегации находится на секретномъ совѣщаніи у Намѣстника, обсуждая вмѣстѣ съ нимъ наиважнѣйшіе вопросы—о результатѣ узнаютъ завтра. Въ другой разъ говорили, что все идетъ какъ надо, беспокоиться нечего; заведены сношенія съ Европейскими дѣятелями; средства готовятся....⁴⁵⁾

По городу, для успокоенія красныхъ, былъ пущенъ между-прочимъ слухъ, что «конституція уже пишется, что этимъ занятъ адвокат Августъ Тршетршевинскій».

Такъ хитрили делегаты передъ своими и правительствомъ, чтобы только держаться день за день; такъ невѣрно было ихъ положеніе.

Крайніе безумцы, въ родѣ шайки агитаторовъ Художественной Школы, съ Новаковскимъ и Шаховскимъ во главѣ, уставъ воевать съ делегатами на словахъ, вознамѣрились-было распорядиться съ ними по-старопольски, какъ дѣлывалъ блаженной памяти Володковичъ⁴⁶⁾ съ членами трибуна-

всѣхъ взволновало, и подобные аресты уже не повторялись.

⁴³⁾ Показанія Ляндовскаго, Янчевскаго и другихъ, а также частные рассказы знакомыхъ автору Поляковъ, бывшихъ тогда въ Купеческой Ресурсѣ.

⁴⁶⁾ Историческій бунтъ послѣднихъ дней самостоятельной Польшы, другъ Радавила—Пане-Коханку. Шалости его и неповиновеніе властямъ достигли до такой степени, что онъ былъ

ловъ: разогнать палками. Такъ какъ Ресурса была одно время предоставлена въ полное вѣдѣніе Поляковъ и они дѣлали тамъ что хотѣли, то разумѣется всякое насиліе съ делегатами было возможно. Шаховскій, съ кучей разнаго отчаяннаго народа, вооруженнаго палками, ворвался однажды туда и приступилъ къ делегатамъ съ угрозами, называя ихъ прямо «измѣнниками»—*zdrajcsami kgaŕu*,—слово, которое легко срывается съ языка всѣхъ Поляковъ, чуть дойдетъ до патріотическихъ объясненій. Делегаты были въ опасности, но какой-то ораторъ довольно рѣзкаго свойства спасъ ихъ, поведя дѣло круто и тоже назвавъ нападающихъ измѣнниками.

Послѣ этой исторіи Делегация придумала билеты для входа въ Ресурсу и поставила у дверей нѣсколько стражей изъ умѣренныхъ школьнико́въ, которые вели себя какъ слѣдуетъ и безъ билета никого не пропускали.⁴⁷⁾

Тогда красные устроили рядъ мелкихъ манифестацій: разбитіе стеколъ, кошачья музыка, пѣніе гимновъ. Намѣстникъ, ужеготовившійся покончить со всей этой комедіей, выпустилъ 16 Марта н. ст. такой приказъ:

«Съ цѣлію положить предѣлъ подстреканіямъ злоумышленниковъ, собирающихъ партіи для устройства манифестацій, въ какомъ бы то ни было видѣ, такъ-какъ манифестаціи сіи неумѣстны и наносятъ вредъ общественному порядку: возбраняются отъ нынѣ всякія сборища на площадяхъ и на улицахъ, имѣющія предметомъ устройство какихъ-либо манифестацій, а равно запрещаются и процессіи, не установленныя обрядами Католической церкви».

«Жители Варшавы! Послушайтесь

схваченъ въ Минскѣ и разстрѣлянъ. Мицкевичъ вспоминаетъ объ немъ въ poemъ *Panŕ Taŕeusz* подъ именемъ Диндолета.

⁴⁷⁾ Показанія Янчевскаго.

моего предостереженія; не принуждайте меня употребить прискорбныя мѣры для водворенія порядка вооруженной силой».

«Вмѣстѣ съ симъ полицейскія власти обязуются сообщить таковое предостереженіе всѣмъ жителямъ города, дабы никто не могъ отговариться незнаніемъ».

Делегаты, прочитавъ это, изумились и сочли себя оскорбленными въ томъ смыслѣ, что правительство огласило такой приказъ, не войдя съ ними въ соглашеніе, не посовѣтовавшись.

На другой день, 17 Марта н. ст., встрѣтясь съ генераломъ Паулуччи въ Ресурсѣ (куда онъ ходилъ иногда по приказанію Намѣстника) они спросили его: чтó значитъ вчерашній приказъ о сборищахъ, которыхъ собственно нѣтъ, и которыя правительство силится вызвать провокативными мѣрами?

Сверхъ того было предложено еще нѣсколько вопросовъ; въ особенности делегаты выражали неудовольствіе, что имъ не было дано никакихъ объясненій на замѣчанія, изложенныя въ протоколѣ отъ 7 Марта.

Генеральъ объяснилъ что не можетъ, дать на это никакого отвѣта въ Ресурсѣ⁴⁸⁾, а просить господъ делегатовъ пожаловать завтра въ Ратушу, гдѣ будетъ имъ сообщенъ устный, или пожалуй письменный отвѣтъ.

Вечеромъ того-же дня вице-предсѣдатель Левинскій получилъ отъ генерала Паулуччи такую записку.

«Любезный генераль!

Чтó касается вчерашняго приказа, честь имѣю увѣдомить васъ, что его сіятельство Намѣстникъ нашелъ нужнымъ огласить оный потому, что до него дошли слухи о существованіи въ городѣ революціонныхъ агентовъ,

⁴⁸⁾ Делегаты, съ полученія Намѣстникомъ втораго письма отъ Государя, не ходили на засѣданія въ Ратушу.

которые стараются тревожить народъ и правительство посредствомъ манифестацій. Кроме того, многіе изъ призванныхъ къ отвѣту послѣ грустныхъ событій 25 и 27 Февраля, увѣряли Князя, что имъ вовсе не извѣстно о запрещеніи подобныхъ манифестацій. Касательно же муниципальныхъ учрежденій его сіятельство выразился, что это дѣло уже совсѣмъ окончено».

Левинскій прочелъ эту записку делегатамъ, собравшимся въ Ратушу Паулуччи былъ тутъ же. Они спросили у него: «неужели тутъ все, что имъ хотѣтъ отвѣтить на вопросъ о приказѣ и на другіе вопросы, ими предложенные еще 7 Марта?»

Паулуччи отвѣчалъ, что *тутъ все*, — что касается приказа отъ 16 Марта; а завтра они получаютъ объясненіе по вопросу о судахъ надъ политическими преступниками.

Въ самомъ дѣлѣ 19 Марта н. ст. имъ было сообщено что-то по этому поводу, но въ какой формѣ, неизвѣстно; протоколъ этого засѣданія представляетъ дѣло явно-искаженнымъ, — въ томъ видѣ, какъ делегатамъ хотѣлось показать его читающей протоколы публикѣ.

Въ заключеніе засѣданія, делегаты просили вновь сообщить Намѣстнику протоколъ ихъ отъ 13 Марта, гдѣ высказаны замѣчанія объ управленіи городомъ. Генераль общалъ.

Между-тѣмъ мелкія манифестаціи продолжались; кое-кто изъ жителей получилъ анонимныя письма, исполненные ругательствъ, и кроме того былъ распространенъ повсюду печатный *списокъ подозрительныхъ лицъ*, которымъ народныя власти совѣтовали уѣзжать, по добру — по здорову, за границу.

Намѣстникъ приказалъ спросить у делегатовъ: кто это шалитъ? Они, конечно, знали, кто; но отвѣчали, какъ и надо было предвидѣть, что не знаютъ, что принимали мѣры къ оты-

сканію виновныхъ, но никого не найдено.

Болѣе другихъ умѣренный, редакторъ Варшавскаго Курьера Кучъ, имя котораго нѣсколько времени стояло въ спискѣ делегатовъ, боясь, чтобы всѣ эти шалости не вызвали какого-либо суроваго распоряженія со стороны правительства въ минуту, когда оно дѣйствительно готовило реформы, рѣшился помѣстить на своихъ столбцахъ увѣщательную статью, но возбудилъ ею почти всеобщее противъ себя негодованіе и насилу поправилъ потомъ свою репутацію.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, изъ городскихъ манифестацій, изъ поведенія делегатовъ, ясно было настроеніе массы. Надѣяться ни на кого было нельзя. Въ виду катастрофы, могущей быть при появленіи на политической сценѣ маркиза Велепольскаго (прибывшаго въ Варшаву около 20 Марта), изъ Петербурга вызванъ генераль съ извѣстнымъ боевымъ именемъ. Варшава раздѣлена на четыре военныхъ *отдѣловъ*, съ особымъ военнымъ начальникомъ въ каждомъ.

1-мъ отдѣломъ (цыркула: 1-й, 2-й до эспланады Цитадели и 11-й до Трембачкой и Беднарской улицъ со включеніемъ Примасовскаго палаца, театральной площади и Ратуши) — назначенъ завѣдывать генераль — лейтенантъ Хрулевъ.

2-мъ отдѣломъ (цыркула: 3-й, 4-й, 5 и 6-й, со включеніемъ зданій и площади Банка, изъ 7-го цыркула) — генераль-лейтенантъ Веселицкій.

3-мъ отдѣломъ (цыркула: 7-й, 10-й и 11-й, за исключеніемъ изъ 7-го и 11-го того, что отходило къ 1-му и 2-му отдѣламъ) — генераль-лейтенантъ Мельниковъ.

4-мъ отдѣломъ (цыркула: 8-й и 9-й) генераль-адъютантъ Мерхелевичъ.

Сверхъ того, по распоряженію главнаго директора Коммисіи Внутреннихъ дѣлъ, разосланы ко всѣмъ граж-

данскимъ губернаторамъ особые циркуляры о принятіи чрезвычайныхъ мѣръ, какъ административныхъ, такъ и полицейскихъ.

Генераль-маіоръ князь Бебутовъ, бывшій командиръ Мусульманскаго полка, отпращенъ внутрь края, закрывать возникшія въ разныхъ пунктахъ провинціальныя делегаціи.

Нечего говорить, что делегаты гор. Варшавы встревожились всѣмъ этимъ еще больше, нежели приказомъ Намѣстника отъ 16 Марта. Они высказали, на засѣданіяхъ 20 и 21 Марта н. ст., много разныхъ замѣчаній своему предсѣдателю, но онъ ихъ уже плохо слушалъ.

А 22-го Намѣстникъ, пригласивъ къ себѣ господъ: Левинскаго, Кроненберга, Шленкера и Розена, отблагодарилъ, въ лицѣ ихъ, Делегацию за службу и объявилъ, что она въ томъ видѣ, какъ существовала до сихъ поръ, существовать уже не будетъ, а замѣнится временнымъ учрежденіемъ особаго *отдѣла делегатовъ изъ восьми членовъ*, которые будутъ засѣдать при городскомъ магистратѣ, съ тѣми самыми атрибутами, какими

пользовалась Делегациа изъ 24 членовъ.

Выслушавъ это, приглашенные отправились въ Ресурсу объявить товарищамъ волю Намѣстника, а затѣмъ, всѣмъ составомъ, собрались въ Ратушѣ, гдѣ написали проектъ, какимъ образомъ слѣдуетъ управлять въ странѣ, которую они знаютъ лучше, нежели Русскіе. Это была какъ бы диктовка удаляющагося со сцены народнаго правительства новому правительству, съ Велепольскимъ во главѣ: какъ оно должно себя вести, за какіе порядки прежде всего ухватиться. Это былъ послѣдній вздохъ умирающей Делегации. Имя Велепольскаго уже раздавалось всюду.

На другой день, 23 Марта н. ст., Варшава прочла въ разныхъ газетахъ, что Делегациа упраздняется, а на мѣсто бывшаго Варшавскаго учебнаго Округа и Духовнаго Отдѣла при Комисіи Внутреннихъ дѣлъ учреждается Коммиссія Вѣроисповѣданій и Народнаго Просвѣщенія, гдѣ Главнымъ Предсѣдательствующимъ Директоромъ будетъ графъ Александръ Велепольскій маркизъ Гонзага Мышковскій.

Вышла новая книга, которую можно получать въ Чертковской бібліотекѣ по 75 коп. и съ пересылкою.

ПИСЬМА О КІЕВѢ

И

ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ.

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТРЕТЬЯ КНИГА ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статьи *В. В. Андреева*.

Восемь собственноручныхъ писемъ императрицы Анны Ивановны (къ А. М. Козодавлевой, Е. П. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присоединѣнн В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцелярн Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Кашигъ. Статья *Г. В. Есипова*.

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статьи *М. И. Ломоносова*.

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіеся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина*, *Владислава Князя Павла Петровича* и *Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ *Ю. П. Видковскому*.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ *Е. И. Нелидовой*. Переписка императора *Павла Петровича* и императрицы *Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. П. Нелидовой*.

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатериной, съ предисл. *Евг. Ев. Скайлери* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Асклона Труворова*.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (15) Императора Петра I-го къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстрацій 1748 и 1749 г.

2. Записка *Вестужева* объ его ссорѣ съ Теплонымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. О. де-Пуле*, написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Пвлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. П. Ламанскимъ*.

Четыре манифесты о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемиическое сочиненіе *Екатерины II-й* или разборъ книги аббата Шанна д'Отерона о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Дондукова* и два рескрипта Императора Павла I-го къ Владимірскому губернатору Рунпчу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. П. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова*, съ предисловіемъ *М. П. Семевскаго*.

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ *Осмнадцатаго Вѣка*.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безвѣрожно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертовской библиотекѣ.

Вышли первыя четыре книги—«Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой—2 руб. 30 коп., второй, третьей и четвертой—по 3 р. Пересылка каждой—за три кошта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ первая восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года 12 тетрадей котораго, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, составляютъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. погороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую бібліотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ

А. Θ. Базунова на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *П. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непременно сообщать прежній адресъ и нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышеноказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи—1 р. 50 к., для Франціи—2 р., для Англіи—2 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи—3 р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Оснадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартенева.**